

СЕНТЯБРЬ | 2011

РусскийМир.ru

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

МИНОВАВШАЯ ВРЕМЯ

Марина
Цветаева
против
нового
века

МАРИНА ЦВЕТАЕВА И ИНТЕРНЕТ

ВСЕ, КТО ВЫРОС ЕЩЕ ЛЕТ ДВАДЦАТЬ НАЗАД и успел побыть хотя бы октябренок, наверняка помнят свой детский «досуг». Понятно, что существенное место в нем занимала, как тогда говорили (да и сейчас говорят), «улица» – двор, компания, дружная и драчливая шпана. Но было и другое – кружки, секции, дома и даже дворцы творчества. Там, конечно, порой было много казенщины, но была и реальная возможность для приобщения детей к тому, за что сейчас приходится платить довольно большие деньги, – заниматься детским творчеством, даже если оно потом и не получало профессионального развития. Хотя и сегодня это возможно. Если, конечно, родители настроены и имеют достаточно сил и времени на то, чтобы обеспечить отпрыску более гармоничное развитие, нежели то, что диктует наш циничный и хлопотливый век, с которым иной раз так хотелось бы разминуться.

Впрочем, человек волен сам себе ставить границы, пределы и формы общения с современностью. Сегодня, наверное, таких возможностей даже больше. Было бы желание. Например, можно встретить людей, которые объединены в клубы любителей поэзии Марины Цветаевой – поэта, в наибольшей степени, пожалуй, «перпендикулярного» нашему времени. Таких клубов немного, но они есть. Есть много и других клубов – литературных, творческих. Вопреки расхожему представлению это все никуда не ушло – тяга людей к поэзии как к форме творчества и форме жизни. Люди собираются, читают свои и чужие стихи, другие произведения, обсуждают, видят в этом смысл. В том числе в Интернете. Чего мнящаяся Цветаева, конечно же, предвидеть не могла. Но ведь она так хотела миновать «свое» время. И сегодня ясно: у нее это в общем-то получилось, и она пребывает с нами.

ЧЛЕНЫ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Председатель попечительского совета, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Санкт-Петербургского государственного университета

БОГДАНОВ С.И.

Председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, проректор Санкт-Петербургского государственного университета

ВИНОКУРОВ С.Ю.

Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Генеральный директор ИТАР – ТАСС

ИЛАРИОН

(АЛФЕЕВ Г.В.)
Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

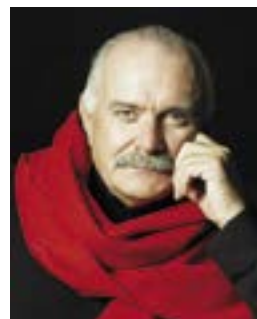
КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

МИХАЛКОВ Н.С.

Президент Российского фонда культуры

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МУХАМЕТШИН Ф.М.

Руководитель Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество)

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент Фонда исторической перспективы, глава отделения Некоммерческого фонда «Институт демократии и сотрудничества» в Париже

НИКОНОВ В.А.

Президент фонда «Политика» (исполнительный директор правления фонда «Русский мир»)

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Директор ФГУК «Государственный Эрмитаж»

ФУРСЕНКО А.А.

Министр образования и науки Российской Федерации

МЕДИНСКИЙ В.Р.

Депутат Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации (по согласованию)

НИЧКОВ В.В.

Директор департамента международного сотрудничества Минобрнауки Российской Федерации

ВИНОКУРОВ С.Ю.

Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ЮРКОВ Е.Е.

Заместитель генерального секретаря Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, заведующий кафедрой филологического факультета СПбГУ

ЯКУНИН В.И.

Президент ОАО «Российские железные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы России

МОЛЧАНОВ Д.В.

Директор департамента культуры аппарата правительства Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.

Заместитель директора департамента Генерального секретариата МИД Российской Федерации

ШАРКОВ А.С.

Начальник департамента Референтуры президента Российской Федерации

РУССКИЙ МИР

06 Год российской истории

09 Мост между странами

РУССКИЙ ЯЗЫК

10 Чужой родной язык

СИТУАЦИИ

16 Маленькие принцы на белом коне

22 Алые погоны

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

28 «Не вноси ничего своего. Есть традиции – выполняй их»

НАСЛЕДИЕ

34 «Время! Я тебя миную»

42 «Храм каменный преудивлен...»

ИСТОРИЯ

- 46 Последний фельдмаршал
- 52 Русский Шерлок Холмс

МУЗЕИ

- 56 Музей светописа

КУЛЬТУРА

- 62 Месяц в деревне

ТЕАТР

- 66 Кому нужен русский театр?

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

- 70 «Есть такая потребность...»

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

- 74 Художник зазеркалья

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

- 80 Линия «Фарватера»
- 84 Танцевальный марафон
- 88 Иная жизнь

Фонд «Русский мир»

Исполнительный директор
правления фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-
издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместители главного редактора:
Елена КУЛЕФЕЕВА
Оксана ПРИЛЕПИНА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 980-25-60

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Ксения БОБРОВИЧ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Евгений ВАСИЛЬЕВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Александр КОПИРОВСКИЙ
Марина ЛЕМУТКИНА
Зоя МОЗАЛЕВА
Валентина ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА
Любовь РУМЯНЦЕВА
Юлия СЕМЕНОВА
Кира СТЕРЛИН
Галина ТЕРЕНТЬЕВА
Денис ТЕРЕНТЬЕВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 12 000 экз.

Адрес редакции:
119285 Москва,
ул. Мосфильмовская, 40а
Телефон: (495) 981-54-04
Электронный адрес:
ek@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке:
Александр БУРЫЙ

ГОД РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

МАРИНА ЛЕМУТКИНА

В 2012 ГОДУ РОССИЯ ОТМЕТИТ 1150-ЛЕТИЕ СВОЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ, СООБЩИЛ ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ НА СОВМЕСТНОМ ЗАСЕДАНИИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ СОВЕТОВ ПО КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВУ И ПО НАУКЕ, ТЕХНОЛОГИЯМ И ОБРАЗОВАНИЮ, СОСТОЯВШЕМСЯ В АВГУСТЕ ВО ВЛАДИМИРЕ. УКАЗ О ТОРЖЕСТВАХ УЖЕ ПОДПИСАН. НО ПРЕЖДЕ, ЧЕМ ЭТО СДЕЛАТЬ, ПРЕЗИДЕНТ, ПО ЕГО СЛОВАМ, ДОЛГО КОЛЕБАЛСЯ.

В 862 ГОДУ НА СЕВЕРНЫХ ОКРАИНАХ тогдашней ойкумены произошло событие, практически не замеченное современниками, но повлиявшее на ход всей мировой истории. Группа восточнославянских племен решила объединиться и, как писал Карамзин, «добровольно уничтожив древнее народное правление» и «разделение на малые области», призвала на княжение скандинавов-варягов. С основания пришельцами первой княжеской династии Древней Руси и ведет отсчет российская государственность. В будущем году ей исполняется 1150 лет, и эту дату решено широко отметить.

Пока о торжествах достоверно известно одно: они станут общим праздником всех народов нашей страны, а также братьев-славян из бывших республик СССР – Украины и Белоруссии, если те, конечно, того пожелают. Конкретной программы мероприятий еще нет: ее составят с помощью историков и деятелей культуры. Но первый шаг в этом направлении уже сделан: в конце июля Дмитрий Медведев встретился с ведущими российскими историками, а затем провел совместное заседание президентских советов по культуре и искусству и по науке, технологиям и образованию.

1150-ЛЕТИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

ИТАР-ТАСС

Власть и история: лицом к лицу

Обсуждение предстоящего юбилея отечественной государственности прошло во Владимире – столице Северо-Восточной Руси в 1157–1439 годах. Не удивительно, что разговор о частностях быстро свернул на глобальные темы: особенности истории России и отношение к нашему прошлому властей и общества; проблемы исторического просвещения россиян и взаимоотношения власти с исторической наукой. Президент начал с главного: «В следующем году мы отмечаем 1150-летие российской государственности. Но должен признаться: прежде чем подписать указ о праздновании, я долго думал. С одной стороны, я видел риск создать прецедент возведения одной из исторических тенденций в ранг нормативного акта, что для истории мало что добавит, а вред нанести может. Но, с другой стороны, решил, что появится хороший повод обратиться к прошлому нашего государства и к тому, что нас ждет, а, значит, плюсов будет больше, чем минусов. Да и прецедент уже создан: в 1862 году отмечалось 1000-летие российской государственности. В итоге указ я подписал. Но мне хотелось бы услышать ваше мнение о сопряжении прошлого нашей страны с современной политикой. Ведь если они сопрягаются слишком тесно – это опасно. А если между ними большой разрыв – это тоже опасно...»

«Давления государства, указывающего ученым, какой исторический персонаж хороший, а какие – мерзавцы, быть не должно: куда приводят попытки диктовать «правильные» теории, мы знаем», – напомнил Медведев. Между тем, как констатировали участники встречи, в российском обществе даже по важнейшим событиям истории нашей страны консенсуса нет и в помине. Правда, в самом профессиональном сообществе в последнее время удалось достичь некоторого единства подходов, например по вопросу призвания варягов. Как отметил заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, председатель Координационного совета при президенте по науке, технологиям и образованию Андрей Петров, «было дано четкое обоснование их функции – поддержание мира в обществе. В итоге политический подтекст, который долго носила эта дискуссия, ушел». Так что теперь, по словам ученого, достигнутый успех надо всячески развивать: «Историческое сообщество должно перенести консенсус на другие области истории, а общество – заняться поисками основы для консенсуса».

Где искать, стало ясно прямо в ходе общения с президентом. В 2012 году, напомнил директор Института этнологии и антропологии РАН Валерий Тишков, «будет не один, а мно-

го юбилеев важных исторических событий. В том числе 200-летие Бородинской битвы. Поэтому предлагаю объявить 2012 год Годом российской истории». Идея понравилась. Ее реализация откроет возможности для многих научных публикаций. А это, по словам историков, именно то, чего сегодня так не хватает нашему обществу, где «интерес к истории зашкаливает, но носит скандально-сенсационный характер».

Проблема исторического образования и просвещения в России и в самом деле является ключевой, признал Медведев: «Сегодня россияне получают информацию главным образом не из исторической литературы, а из публицистики. А там уровень разный: есть хорошие публикации, а есть откровенно вредные. Интернет также не должен быть единственным источником знаний по истории, хотя использовать его надо на всю катушку. Важно, чтобы до граждан доходили научные исследования, показывая, как историческая наука относится к тем или иным событиям. И прежде всего это должно отразиться в учебниках истории. Надеюсь, нас поймут правильно: по таким глобальным проблемам, как, скажем, Великая Отечественная война, в образовании и просвещении должны быть единые подходы».

Действительно, «в науке единого стандарта подхода к историческим событиям быть не может – там достаточно общего консенсуса по ключевым моментам нашей истории. А вот в образовании и просвещении единые подходы к историческим событиям должны быть», – согласился ректор РГГУ Ефим Пивовар. При этом учебники, дополнила завакфедрой всемирной и отечественной истории МГИМО Виктория Уколова, надо писать по-новому: давать «не гору фактов, как сейчас, а важные вопросы. Например, государство и право – хотя бы на примере призвания норманнов. Ребенок должен получать не кучу данных, а понимать, как формировался современный мир». Тогда, может быть, мы покончим с самоуничижительным отношением к своей истории, а заодно и с вопиющим незнанием корней. А то сегодня, констатировали ученые, более 80 процентов населения не знают имени-отчества своих прадедов, а 40 процентов – даты основания своего родного города.

Впрочем, нельзя забывать и о новейшей истории – той самой, что вершится у нас на глазах. Это еще один вызов, которому историки, по словам Дмитрия Медведева, обязаны соответствовать: «В новом государстве выросло новое поколение, которое знает о советском строе только по истории и литературе. Просвещение – очень важная задача: любой руководитель государства должен

ИТАР-ТАСС

способствовать созданию курса современной истории – сейчас, а не через двадцать-тридцать лет». Ведь это, подчеркнул президент, завершая встречу с учеными, также путь к «консолидации, в которой наша страна нуждается как ни одна другая. Государство наше чудовищно сложное – трудно представить себе более сложную страну, чем Россия. Но мы и дальше будем сложным государством – если будем вообще. Это – наш вызов, с которым сталкивается страна и ее правители. Особенно в периоды, когда консолидация нужна для становления нации».

Добрый совет

Тема консолидации доминировала и в речи президента на совместном заседании советов по культуре и искусству и по науке, технологиям и образованию: «Развитие нашей страны пошло по пути единения, а не дробления, что и создало уникальное государство. При этом Россия изначально формировалась как правовое государство со своими общими нормами и правилами поведения, укладом, определенными ценностями и общей идеей – идеалом справедливости, лучшей жизни людей. Считаю это одним из главных исторических уроков. Второй важный момент заключается в том, что с самого начала нашему обществу были присущи традиции толерантности и взаимного уважения – без них наше государство просто не выжило бы. Таким образом, ощущения, что у нас нет правовых традиций, что мы неполноценные, а государственность нам занесли из Европы, не соответствуют действительности и вредны». Конечно, расставить правильные акценты могло бы преподавание истории в школе и вузах. Но там, признал Дмитрий Медведев, есть проблемы – «неготовность педагогов адекватно преподавать историю такого сложного государства, как наше» и «множественность трактовок, включая такие основополагающие моменты нашей истории, как Великая Отечественная или Вторая мировая война». Итог – раскол

общества, которое так нуждается в консолидации. Но тут-то, подчеркнул президент, и может сработать юбилей государства российского: «Сегодня у нас есть уникальный шанс отпраздновать это событие и поддержать нашу историю и археологию. Отметить этот праздник мы могли бы вместе с Украиной и Белоруссией – у нас общая история и общие корни. Однако главный смысл празднования – консолидация нашего общества и большого, очень сложного государства», благо положительный опыт имеется: «Празднование 1000-летия в 1862 году имело огромное значение для либеральных реформ в нашей стране».

Как проводить торжества? Главное, выразил общее мнение ректор МГИМО Анатолий Торкунов, «нужны не надуманные, начетнические мероприятия по воспитанию патриотизма, которые лишь отбивают охоту приобщаться к культурным и историческим сокровищам, а интересные дела. Например, стоило бы провести олимпиаду по истории Древней Руси для школьников. Причем не только российских, но и с участием ребят с Украины и из Белоруссии. А в качестве приза награждать учебой в лучших университетах России. Или объявить всероссийский конкурс на создание сетевых игр по всемирной и российской истории – обязательно с должным научным, педагогическим и дидактическим освещением».

Среди других предложений по празднованиям 2012 года – присуждение литературных премий за произведения исторического характера, сценарные конкурсы в сфере музыки и изобразительного искусства, формирование государственного заказа на исторические фильмы. Все это останется в нашей жизни и когда праздник закончится. А значит, в конечном счете укрепит Русский мир: «Русский мир расширяется, но есть ряд стран, где он сжимается. В рамках празднования мы должны стремиться к расширению Русского мира всеми доступными способами. Готовим план работы!» – подытожил президент. ■

МОСТ МЕЖДУ СТРАНАМИ

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

ФОНД «РУССКИЙ МИР» ВМЕСТЕ С МОСКОВСКИМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ УНИВЕРСИТЕТОМ ПРИСТУПИЛ К РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩЕЙ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРОГРАММЫ, ПРИУРОЧЕННОЙ К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО РУССКОГО УЧЕНОГО.

В РОССИИ ЛЮБЯТ ОТМЕЧАТЬ ЮБИЛЕИ, и, может быть, во многом на этой русской «слабости» держится народная память. В ноябре 2011 года исполнится 300 лет со дня рождения Михаила Васильевича Ломоносова, и десятки российских организаций уже готовятся дружно напомнить обществу о том, что три века назад жил в России гениальный ученый, без усилий которого не появился бы ведущий университет страны. Фонд «Русский мир» совместно с факультетом государственного управления МГУ также проводит Ломоносовскую программу, которая включает в себя различные общественные, научные и экспертные мероприятия. «Главная цель нашей программы – популяризация образа Михаила Васильевича, а также того уникального вклада, который он внес в мировую и российскую науку, – говорит Татьяна Сухова, советник исполнительного директора фонда «Русский мир». – И понятно, что мы хотим привлечь внимание широких слоев российской общественности и наших соотечественников за рубежом к нынешнему состоянию российской науки, ее достижениям, ресурсам и модернизации».

Основные мероприятия программы фонд проведет за три предстоящих месяца – с сентября по ноябрь. На V Ассамблее Русского мира в Санкт-Петербурге будут подведены итоги. «Подавляющее большинство организаций, которые проводят юбилейные мероприятия, сосредотачивает внимание на российской аудитории. Это понятно и оправданно. Особенностью же нашей Ломоносовской программы является специальная программа в Германии, где, как известно, Ломоносов учился», – говорит Татьяна Сухова. Программа пройдет сразу в четырех городах. В Берлине фонд поддерживает частную русскоязычную школу имени М.В. Ломоносова, которая проводит Ломоносовский конкурс по нескольким дисциплинам на русском языке для школьников Европы. В Марбурге планируется открыть Кабинет Русского мира, во Фрайбурге – установить памятную табличку на университете, где учился первый русский ученый-естествоиспытатель мирового

значения. «Ломоносова помнят во Фрайбурге и Марбурге, поскольку он в какой-то мере был мостом между нашими странами, – говорит Татьяна Сухова. – Он перенес основы классической немецкой научной школы на российскую почву». В стенах этих университетов пройдут конференции, фонд подарит их библиотекам новые книги. Также «Русский мир» поддержит конкурсы Ассоциации учителей русского языка земли Гессен. В Дрездене пройдет презентация программы фонда, а также новых книг и учебных пособий по русскому языку, посвященных Ломоносову. К слову, одно из этих пособий было специально подготовлено управлением образовательных программ фонда. И это не считая фестивалей, круглых столов, конференций, видеомостов в Русских центрах и университетах Германии. Программа охватит разные целевые аудитории, от школьников, студентов и ученых кругов до широкой публики.

До конца года фонд проведет различные конкурсы, посвященные юбилею. Для МГУ это – конкурсы научных работ преподавателей и сотрудников факультета государственного управления МГУ, а также студенческих работ в рамках курса отечественной истории.

В МГУ планируется провести и два круглых стола: «Молодые Ломоносовы XXI века и модернизация России», а также «Модернизационный потенциал Русского мира в начале XXI века». А в Казани уже прошел II Конгресс соотечественников–выпускников российских вузов, где с подачи фонда «Русский мир» обсуждалась тема «Традиции и инновации в российской науке и образовании: привлечение соотечественников в рамках программ государственной поддержки научных исследований».

Широкую российскую аудиторию, скорее всего, соберут информационные проекты Ломоносовской программы фонда. На «Голосе России», интернет-портале «Русский мир–радио» и партнерских русскоязычных станциях за рубежом выйдет цикл радиопрограмм «Уроки русского. Ломоносовские университеты». Ну а почитать в рамках программы можно будет ежегодник «Ученые труды ФГУ» за 2011 год, «Вестник Московского университета» (№3, серия 21), журнал «Стратегия России» и учебное пособие из серии «Символы Русского мира», посвященное М.В. Ломоносову. Пособие можно будет найти в библиотеках, зарубежных и билингвальных школах, в Русских центрах и Кабинетах.

Завершением основной части проектов Ломоносовской программы станут V Ассамблея Русского мира в Санкт-Петербурге и торжественное заседание Ученого совета ФГУ, посвященное 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. Но уже и сейчас понятно, что программа получается масштабной: по крайней мере, ясно, что имя Михаила Ломоносова вызовет широкий общественный интерес. ■

ЧУЖОЙ РОДНОЙ ЯЗЫК

**ЕВГЕНИЙ
ВАСИЛЬЕВ**

– ЗДРАВСТВУЙ, СОЛНЫШКО! КАК ПОЖИВАЕШЬ?

– СПАСИБО, ТЕТЯ ИРАНА, ХОРОШО...

ЭТО – НЕВОЛЬНО ПОДСЛУШАННЫЙ ДИАЛОГ В ПРОДУКТОВОМ МАГАЗИНЧИКЕ В ЦЕНТРЕ БАКУ. МОЛОДАЯ ПРОДАВЩИЦА РАЗГОВОРИЛАСЬ СО СВОЕЙ ПОДРУГОЙ И ЕЕ ДОЧУРКОЙ. ВСЕ ОНИ – АЗЕРБАЙДЖАНКИ.

щее на русском, но не всегда столь же свободно – на азербайджанском. Насчитывает оно сейчас свыше полумиллиона человек, из них, по некоторым оценкам, три четверти – этнические азербайджанцы. Оставшаяся четверть «бакинцев» – это не только русские, но и украинцы, татары, евреи. Да и немало проживающих в Баку представителей других нацменьшинств Азербайджана (лезгин, талышей) также считают себя русскоязычными, хотя и не афишируют это.

Ряды «бакинцев» за двадцать лет существования независимого Азербайджана заметно поредели; считается, чуть ли не вдвое. Почти у каждого в России дети, брат, сестра... Те, кто остался, приспособились к тому, что они стали в Баку «меньшинством», но при этом продолжают говорить в семьях и между собой по-русски. Тем паче что и нынешний президент, Ильхам Алиев, и многие члены азербайджанского истеблишмента выросли в русскоязычных семьях, получили образование в России. К тому же действующая с 1995 года Конституция Азербайджана гарантирует обеспечение «свободного использования и развития других языков, на которых говорит население», более того, запрещает дискриминацию граждан по признаку языковой принадлежности.

Но закон законом, а вполне конкретное вытеснение азербайджанскими властями «великого и могучего» из многих сфер нарастает. В 2007–2008

годах прекращено вещание российских телеканалов и радиостанций. Затем запретили показ на азербайджанских телеканалах программ на русском языке. Под предлогом «отсутствия правовой базы» была приостановлена деятельность 14 филиалов российских вузов. А против руководства одного из них – никак не хотевшего закрываться Бакинского филиала Московского государственного открытого университета – недавно возбуждено уголовное дело по обвинению в «незаконном приеме студентов». Семь лет назад было вдвое (с четырех до двух в неделю) сокращено количество уроков русского языка в средних школах. Наконец, согласно недавнему указанию властей показ в кинотеатрах иностранных фильмов (они покупаются у российских дистрибьюторов) теперь возможен только при их дублировании на азербайджанский язык...

А в июне 2011 года лидер проправительственной партии «Ана вэтэн» («Отечество») депутат Фазаил Агамалы выступил в парламенте с предложением законодательно закрепить обязательное использование родного языка в госучреждениях и общественных местах. Он посетовал, что азербайджанский язык в Баку постепенно вытесняется русским, причем делается это «при поддержке России». Депутат призвал своих коллег уже осенью законодательно «принудить граждан в публичных местах на русском языке не общаться». У Фазаила Агамалы оказалось

С ПУСТЯ НЕДЕЛЮ ПОПАДАЮ на пляж приморского поселка Бильгя. Отовсюду доносится русская речь. Даже оглядывался пару раз: вдруг кто из коллег или знакомых здесь? Да нет, одни азербайджанцы – за соседним зонтиком компания молодежи, справа загорают две подружки, а за моей спиной разместились молодые родители с сыном и дочкой трех-четырех лет. Малыши лепетали попеременно на двух языках, но чаще по-русски...

«Нация бакинцев»

Нельзя сказать, что русская речь слышна в столице Азербайджана повсюду. Чаще всего «великий и могучий» звучит в центральных районах. Здесь все еще проживает особое сообщество людей, считающее себя чуть ли не отдельной нацией – «бакинцами». Космополитическое сообщество, свободно говоря-

немало сторонников, в том числе среди тех, кто давно обосновался в России. Президент московского Общества азербайджанской культуры «Оджаг» профессор Тофик Меликов в своей статье в газете «Эхо» (7 июля 2011 года) выразил обеспокоенность тем, что азербайджанское общество до сих пор расколото на две культурно-языковые общности – русскоязычную и азербайджаноязычную. Один социум – это «те, кто получил образование на родном языке и приобщился к национальным культурным ценностям», а второй – «те, кто воспитывался на иноязычной культуре». Тофик Меликов расценивает «насаждение русского языка в ущерб азербайджанскому» в годы СССР как «изошренное воздействие», направленное на трансформацию азербайджанского народа и общества. Более того, в его понимании «через язык можно вести захватнические войны, подчинять

себе другие народы, менять общество в нужном ключе. Причем те, с кем это будет производиться, не станут сопротивляться, ибо чаще всего они этого не почувствуют и не осознают». Короче, профессор и иже с ним призывают к ускоренному избавлению азербайджанского общества от «чужой» идентичности. И процесс этот полным ходом идет; причем двигают его как представители власти, так и оппозиция. К примеру, некоторые СМИ Сумгаита недавно завалили жалобами городского главу Эльдара Азизова из-за того, что его аппарат, вопреки закону «О государственном языке», распространяет пресс-релизы и брошюры исключительно на русском; к тому же мэр Сумгаита еще и говорит исключительно на русском. То же самое, сетуют сумгаитские патриоты, наблюдалось и в Гяндже, когда Эльдар Азизов возглавлял там исполнительную власть. Подобные примеры,

указывает рупор оппозиции газета «Ени мусават», вовсе не единичны: «Спустя двадцать лет независимости у нас на самом высоком уровне все еще в ходу русская речь», а в СМИ «писать на азербайджанском считается проявлением чуть ли не «отсталости» и «деградации». Еще категоричней высказался один из лидеров оппозиционной Общественной палаты, Мехрибан Везир, обвинивший правящую элиту в том, что «русский язык у них родной и что именно он чаще всего используется в быту». «То есть, – резюмирует он, – наши власти выполняют заказ Москвы, не уважают родной язык». Цитируя противников и сторонников русского языка в Азербайджане, сразу замечу, что обе стороны, как это часто бывает, намеренно сгущают краски. На самом деле картина не столь однозначна; борьба между «бакинцами» и их оппонентами не закончена.

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

Отложенная месть

Чтобы понять глубину водораздела между двумя этими силами, приведем реакцию на наскоки на «великий и могучий» своего знакомого – коренного бакинца, азербайджанца: «Слава богу, можно еще ваше телевидение смотреть по «кабелю» и «тарелке». Как прикроют, так мотать отсюда буду».

Но все же в нынешнем истеблишменте все более правят бал выходцы с периферии, где с русским языком и в советские времена было не очень. В своем порыве утвердить в Азербайджане ценности азербайджанства и тюркизма многие переселившиеся в Баку из Нахичевани, Габалы, Армении, Ирана и т.д. чуть ли не главной помехой тому видят русский язык. В личном же плане свержение русского языка с пьедестала сопрягается у них с выдавливанием

«бакинцев» с ключевых позиций в госорганах и бизнесе.

Знакомый бакинский политолог назвал постепенное вытеснение русского языка из общественной жизни Азербайджана «отложенной мстью». По историческим, так сказать, основаниям. О коих напоминают, например, на сотнях страниц авторы школьных и университетских учебников, когда описывают «откровенную политику русификации», «вытеснения родного языка русским языком и превращения последнего в государственный язык» в царской России и в советское время. «Ускоренно эта политика проводилась в столице страны, Баку, пропагандируемом в качестве «интернационального города», – втолковывает студентам в учебнике «История Азербайджана» директор Института истории Академии наук Азербайджана, депутат парламента Якуб Махмудов.

«Не забыть позвонить сестре!»

Ну а как «отложенная месть» бьет по русскому языку в сфере образования? С 1998 года в школах с азербайджанским языком обучения (так называемый азсектор) русский язык стал изучаться как иностранный, а с 2002-го – как факультативный предмет. По официальным данным, примерно из 4,5 тысячи средних школ страны русский сектор обучения сохранился лишь в 335 школах, а в 21 школе преподавание ведется только на русском. Правда, недавно при поддержке Минобрнауки РФ был запущен пилотный проект по углубленному изучению русского языка в 50 школах: в первом–пятом классах там дают четыре урока русского в неделю.

Увы, далеко не во всех из упомянутых 335 школ учебный процесс в русском секторе находится на до-

стойном уровне; а чисто «русских» школ в Азербайджане в последние годы вообще никто не видел.

По оценке директора Правозащитного центра Азербайджана Эльдара Зейналова, вытеснение русского языка из школьного образования за последние десять лет приобрело системный характер; в большинстве школ, после того как ему дали статус иностранного, «уволители сотни учителей русского языка».

Русский язык оказался вытесненным из всех областей делопроизводства, и в этом легко убедиться, побывав в любой компании или организации. Например, в банках, в том числе с российским капиталом, внутренним регламентом запрещено выдавать клиентам депозитный договор на русском. Открываете депозитный счет, получаете договор на двух страницах, но только на азербайджанском. Просите перевод, а вам в ответ: «Нам не разрешают этого делать». То же самое в компаниях-провайдерах мобильной связи. Между прочим, сотрудники компании Azqtel, когда я там заключал договор (опять-таки только на азербайджанском), болтали между собой по-русски. А у девушки, которая оформляла договор, монитор был оклеен стикерами с надписями на русском типа «Не забыть позвонить сестре!».

В Баку постоянно проводятся разные конференции и круглые столы с международным участием. Синхронный перевод идет с английского языка на азербайджанский или наоборот. Но вот в перерыве в фойе чаще всего звучит русская речь! Удивило меня и посещение US-Azerbaijan Education Centre. Начал разговаривать с его сотрудниками по-английски, но те, узнав, что я из России, стали общаться по-русски... Оказывается, в этом центре, финансируемом правительством США, знание русского обязательно для всех сотрудников, особенно местных. То же самое в посольствах и представительствах международных организаций в Баку.

«Важнее знания любого другого иностранного языка»

Новый всплеск дискуссии в Азнет минувшим летом вызвало решение Минобразования республи-

ки сократить с 2011/12 учебного года преподавание русского языка в средних школах вдвое; теперь, начиная с пятого класса, учебным планом на «великий и могучий» будет отводиться лишь час в неделю. И хотя преподавателям дозволено проводить уроки русского языка на факультативной основе, большинство опрошенных агентством ANS PRESS директоров школ назвали такое решение неверным шагом. В итоге школьники вынуждены ходить к частным педагогам и платить

образовательного центра «XXI век», доктор филологических наук Этибар Алиев: «Сейчас затруднено изучение русского языка молодежью. Между тем на азербайджанском языке нет необходимой научной литературы. В вузах нет переводческих центров». А ведь в стране, сказал он журналистам, где в течение семидесяти лет 80 процентов литературы, научных работ и материалов было на русском, резкое сокращение учебных часов на русский язык уже сказывается негативно,

«С 1998 года в школах с азербайджанским языком обучения (так называемый азсектор) русский язык стал изучаться как иностранный, а с 2002-го – как факультативный предмет».

за групповые занятия по 30 манатов (это свыше 1000 рублей) в месяц.

Ну а что говорят по этому поводу чиновники от образования? Заведующий отделом Минобразования Фарзали Гадиров уверяет СМИ, что спрос на русский язык невысок. «В советское время русский язык преподавался как отдельный предмет, как второй родной язык. Сейчас же он в ряду иностранных языков, два из которых может выбрать школа, так же как и английский, немецкий, арабский или какой-либо другой. Да, для преподавателей русского языка сейчас возникли определенные трудности. Мы рекомендуем школам преподавать русский язык в качестве иностранного. Родители для своих чад предпочитают английский. Мы не можем никого принудить», – рассуждает чиновник.

С Минобразования не согласны авторитетные педагоги. Председатель

создавая проблемы, например, в научной сфере.

Странность ситуации в том, что сегодня человек, ищущий приличную работу в Баку, может рассчитывать на успех, если: имеет высшее образование по специальности, обладает опытом работы и знает русский и английский языки. То есть спрос на «великий и могучий» остается высоким; уже не говоря о том, что для десятков тысяч азербайджанцев, выезжающих на заработки в Россию, русский язык вообще выступает в роли кормильца.

Тогда почему же русский «выдавливают»? Конечно, сюда вмешивается еще и политика. Апологеты пантюркизма считают, что те же «бакинцы» не вписываются в мегаобщность «один народ – два государства», которую, согласно официальному видению, образуют азербайджанцы и турки. Один чиновник влиятель-

ВЫСКАЗЫВАНИЯ УЧАСТНИКОВ ФОРУМА ПОРТАЛА WWW.DISPUT.AZ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Новый Друг

«В мире издается и публикуется огромное количество книг на разные темы, в разных сферах. Большую часть всего этого можно найти на русском языке. И несравнимо меньшую часть можно найти на азербайджанском языке... Зайдите в любой известный в Баку книжный магазин – посмотрите, сколько там литературы на азербайджанском языке и сколько на русском?!! Можно найти целую коллекцию онлайн-библиотек на русском языке. Можно найти огромное количество видеотренингов на различные темы на русском языке. Есть ли у нас подобное? Можно найти огромное количество обучающих видео на различные темы на русском языке. Есть ли у нас хоть одна подобная база?»

elen_elina

«Учась в аэсекторе, половину своих знаний я приобрела благодаря русскому языку, читая литературу, журналы в Интернете. Далеко ходить не надо, элементарно возьмем наши и их телепередачи. У нас сплошной той-байрам и жизнь «звезд». Чему можно научиться, смотря эту фигню? То же самое на турецких каналах – ничего познавательного. Но сколько интересных передач на российских каналах, сколько нового можно узнать!»

ямб

«Я преподаю русский язык в образовательном центре. Последние несколько лет число студентов и работающих молодых людей, желающих изучать этот язык, просто зашкаливает. Основные причины – нет нормальных учебников на азербайджанском языке для вузов и невозможно устроиться на работу без знания русского языка. Информация – со слов самих студентов. Доходит до абсурда – в мединституте для студентов аэсектора некоторые лекции читают на русском».

Bakinskiy Paren

«Когда была советская власть, она палкой заставляла всех учиться говорить по-русски и быть образованными людьми, у тех, кто не хотел этого делать, кто в то время был колхозником, скопилась обида, и сейчас они эту обиду выплескивают, будучи на коне».

Bahhir

«Цель реформы с насильственным внедрением азербайджанского и вытеснением русского ясна как свет божий – сделать еще более ограниченным наш забытый народ... У нас была возможность без напряжения выучить на уровне родного один иностранный язык, ее нас лишают. Каким образом люди должны мировую литературу читать, на азербайджанском? А кто переводить будет это (я в курсе этой госпрограммы массового перевода мировой литературы)? Люди, которые вчера наши универы с помощью бабок и дай-даев окончили? Темные времена грядут для народа, мы по уши завязли в этом болоте, а наши толстобрюхие политики-дилетанты, стоя на кочке, забивают нас своими подошвами все глубже».

valett

«На митинги, на мой взгляд, надо выходить с требованием введения русского как второго государственного языка, а не с теми лозунгами, с которыми выходят сегодня».

death181shadow

«Тут (на форуме) была одна гражданка, которая сказала, что по русскоязычным надо стрелять на поражение. Так вот, девушка, показывая себя с такой стороны, вы еще раз убеждаете всех в своей деградации... В любой стране к иностранным языкам относятся с уважением и даже проявляют интерес к традициям чужого народа, и я не понимаю, почему в наших людях настолько воспитан национализм».

ного госучреждения прямо сказал мне, что русскоговорящих соотечественников он рассматривает как «пятую колонну». Такие воззрения подпитывает и официальная историография, выставяющая Россию как источник главных бед Азербайджана – «раскола на север и юг страны и азербайджанского народа», «заселения азербайджанских земель армянами» и т.д.

В этой ситуации «бакинцы» вынуждены то и дело обороняться, доказывать, что они не меньшие патриоты Азербайджана, чем остальные. Вот что написал на интернет-форуме некий Октай Атахан: «Знание и владение русским языком для нашей нации нужно как минимум на протяжении ближайших 100–150 лет. Русской нации глубоко наплевать, будете вы знать русский язык или нет, хотя со стратегической точки зрения для них было бы намного выгоднее, чтобы вы русский язык не знали и не изучали. Знание русского языка надо вам, и знание русского языка со всех точек зрения в отмеченные мною годы важнее знания любого другого иностранного языка. Не хотите изучать русский язык? Это ваши проблемы. Последние двадцать лет прекрасно показали, куда мы скатились в своем образовании, культуре в результате политики выживания и геноцида русского языка».

По убеждению моих бакинских собеседников, до 90 процентов информации по целому ряду дисциплин азербайджанские ученые и преподаватели находят в литературе на русском языке. Но при этом число людей, хорошо владеющих русским, в стране неуклонно сокращается!

И вот здесь «азербайджанизация» образовательной сферы принимает порой гротескные формы. Знакомый профессор, завкафедрой в одном техническом университете Баку похвастался недавно, что написал за последние три года 14 учебников и монографий по своей специальности! На вопрос, как ему это удалось, профессор, учившийся в советское время в Москве, признался, что почти во всех случаях это была компиляция переведенных им же российских статей и монографий. «А как же авторские

ЕВГЕНИЙ ГЛАДКИЙ

права?» – спрашиваю. «Так ведь в большинстве случаев, – объясняет, – мои книги проходят как пособия для внутреннего пользования, выпущенные ограниченным тиражом. То есть официально они как бы не изданы». И все это делается в рамках спущенной сверху установки на ускоренный выпуск «отечественных» учебников.

Тотальная «азербайджанизация» охватила и средние школы страны. По российским учебникам в них запрещено преподавать еще в 2007 году. В итоге спешно наладили производство «джерикеров», которые значительно уступают по всем параметрам российским «оригиналам». Последние пока

не запретили использовать в качестве учебных пособий, что настоящие учителя в русском секторе и делают.

Между тем в Азербайджане русский сектор средних школ генерирует абитуриентов, которые на вступительных экзаменах в вузы показывают результаты в среднем на порядок выше, чем абитуриенты азербайджанского сектора. А среди тех, кто поступает в российские вузы, их вообще абсолютное большинство.

«А ведь она действительно кончится!»

«Русский язык, – констатирует филолог Этибар Алиев, – является более удобным для повышения ин-

теллектуальных способностей». Ему вторит писатель Нати́г Расулзаде: «Мыслящие русскоязычные писатели, читатели, как правило, имеют более широкий кругозор, к сожалению, чем азербайджаноязычные». Причина, поясняет Расулзаде, очевидна: у русскоязычных гораздо больше возможностей в информационном плане, они имеют выход к неизмеримо более богатому российскому книжному рынку. Как результат, азербайджанские писатели, пишущие по-русски (братья Ибрагимбековы, Чингиз Абдуллаев, Расулзаде), находятся в несомненных лидерах. Но в Азербайджане это кому-то не нравится, в итоге лидеров с пьедестала хотят сместить. «Социальный заказ» на смещение наглядно проявился в мае 2011 года при определении победителей Национальной книжной премии. Так, Нати́гу Расулзаде, бесспорному лидеру онлайн-голосования, присудили – на двоих с кем-то еще – третью премию. От этой «половинки» маститый автор отказался. В знак протеста. По той же причине вышли из состава жюри Чингиз Абдуллаев, Рашад Меджид, Рабият Асланова.

...Не так давно прошел VII Бакинский международный фестиваль авторской песни. Кстати, спонсируемый не Россией, а министерствами культуры и молодежи и спорта республики. Высокие чиновники не явились, видимо, по соображениям политкорректности. Но все равно стало ясно, что «русское лобби» во власти еще держится. Фестиваль, в котором участвовали барды из России, Азербайджана, Германии, Белоруссии, Грузии, шел неделю. Азербайджан представил очень сильных исполнителей – Бакинский клуб авторской песни. Оказывается, еще не все из них перебрались в Москву. «Бакинцы» не уступали россиянам в глубине смыслов, во владении нюансами русского языка. Мне запомнился припев из песни замечательного бакинского барда Самира Раджабова:

*И не уйти нам никуда,
Когда мы продали свои города.
И что тогда мы будем петь,
Когда кончится нефть?*

Гитарная струна еще звенела, когда из зала послышалось: «А ведь она действительно кончится!»

МАЛЕНЬКИЕ ПРИНЦЫ НА БЕЛОМ КОНЕ

**ЛЮБОВЬ
РУМЯНЦЕВА**
ФОТО **АЛЬБИНЫ
ЛЕБЕДЕВОЙ**

ЗОСЯ – МНОГОДЕТНАЯ МАМА. ОНА ПОНИМАЕТ ВСЕХ «СВОИХ» ДЕТЕЙ, ПУСТЬ ДАЖЕ САМОМУ МАЛЕНЬКОМУ ИЗ НИХ НЕТ ЕЩЕ И ЧЕТЫРЕХ МЕСЯЦЕВ ОТ РОДУ, А СТАРШИЕ УЖЕ ПОЛУЧИЛИ ПАСПОРТ. ЗОСЯ СПОКОЙНО ОТНОСИТСЯ К ТОМУ, ЧТО ЕЕ МАЛЕНЬКИЕ НАЕЗДНИКИ ДАЮТ ЕЙ МОРКОВКУ, ОБНИМАЮТ, ЛОЖАТСЯ НА НЕЕ И КРЕПЯТ ПРИЩЕПКИ НА ГРИВУ. ЭТА БОЛЬШАЯ И ДОБРАЯ ЛОШАДЬ СТАНОВИТСЯ ДЛЯ МНОГИХ ДЕТЕЙ ЛУЧШИМ ДРУГОМ И ВРАЧОМ.

Теплая шея лошади –
это и мягкая подушка,
и надежная поддержка

Дети
без страха
сидят на Зосю...

СЕГОДНЯ ЗОСЯ КАТАЕТ ТРЕХ-летних детишек из петербургского Дома ребенка №13. Детей привезли волонтеры, которые их развлекают, учат раскрашивать нарисованных лошадей, пока ребята ждут очереди, чтобы сесть на лошадку настоящую. Слова «иппотерапия» дети, конечно, не знают, но про лошадь наслышаны, поэтому знают, чего ждать. – Я им сказала несколько дней назад, что, мол, поедем на лошади кататься, – говорит одна из женщин-волонтеров проекта «Родительский мост», которые опекают Дома ребенка. – Дети такого возраста еще не знают дней недели, но тут они сразу заинтересовались: «А через неделю – это когда?» и стали считать дни. И не забыли, все время спрашивали – когда же?

Зося катает малышек в парке «Екатерингоф», недалеко от центра города. Среди наездников есть те, у кого проблемы с речью, задержки в развитии, многие очень настороженно относятся к незнакомым людям, в непривычной ситуации могут растеряться. Но Зосю не испугался ни один. Наоборот, гладят ее по шее и по подсказке инструкторов говорят: «Лошадка, вперед!» – кто-то громко

...А потом рисуют ее на бумаге

и звонко, а кто-то шепотом. Лошадь идет вдоль парковых аллей, с ней рядом три человека – двое по бокам на страховке, а третий ведет лошадь за поводья. Иногда необходим еще и четвертый – инструктор, который занимается только маленьким всадником, придумывает для него занятия, позы, кидает мячики и просит прицепить на гриву лошади несколько прищепок.

Мать-героиня с гривой

С детьми, севшими на лошадь, происходит удивительное превращение: стоит им проехать первые несколько метров, как они раскрепощаются, отвечают на вопросы «поводырей» и даже поют песенки. Кому-то захотелось прилечь – и дальнейший маршрут ребенок совершает лежа на спине, удобно устроившись на крупе лошади.

Садясь верхом,
дети сразу начинают
улыбаться

– Дети, которые постоянно занимаются у нас, иногда во время катания просто засыпают и все полчаса спят, прижавшись к крупу лошади, – рассказывает Антонина Цымбал, волонтер школы иппотерапии «Аккорд». – Это тоже хорошо, особенно для детей с ДЦП, ведь лошадь движается, для них это естественный и очень действенный массаж тела, который помогает расслабляться.

Во многом спокойствие детей – заслуга самой Зоси. Эта лошадь идеально подходит для занятий.

– Тут важно несколько факторов, – объясняют в «Аккорде». – Лошадь должна быть невысокая, с мерным шагом. Желательно, чтобы у нее не выпирал позвоночник – тогда детям будет удобно на ней сидеть и лежать. И характер должен быть очень спокойный, уравновешенный – лошадь должна любить детей, спокойно относиться к двусторонней страховке, к игрушкам... Наши лошади – совсем не флегматики, с обычным ездоком наши Ночка или Зося вполне могут показать норов – брыкаться, капризничать. Но за много лет они ни разу не позволили себе такого с детьми. У них очень развит материнский инстинкт.

Вместо люльки – круп лошади

Малыши из Дома ребенка уже не первый раз катаются на лошади: город выделил небольшой грант для того, чтобы дети, оставшиеся без родителей, смогли посидеть в седле. Это не просто развлечение – иппотерапия (лечение с помощью пассивной верховой езды) показана

многим детям с самыми различными диагнозами.

– К нам приводят совершенно разных детей, каждому из которых общение с лошадью дает что-то свое, – говорит Антонина Цымбал. – Есть те, у кого проблемы с опорно-двигательной системой, например тот же ДЦП. Иппотерапия очень полезна для тех, у кого отставание ум-

Кормление и общение с лошадью – важная часть иппотерапии

ственного или речевого развития, для детей с психическими заболеваниями, с болезнью Дауна... У ребят из детских домов как раз очень часто бывает задержка в развитии – ими не так активно занимаются, как домашними детьми, поэтому они позже начинают ползать, ходить и говорить. А буквально за несколько занятий на лошади малыши догоняют своих сверстников! Чем меньше ребенок, тем быстрее эффект. Наблюдать за этим чудом удивительно. Например, самому маленькому нашему наезднику было всего лишь три с половиной месяца! В таком возрасте дети умеют разве что головку держать. Родители принесли грудничка, потому что у него была задержка в моторном развитии. Я садилась на лошадь задом наперед, клала ребеночка то на спинку, то на живот, сгибала и разгибала его ручки и ножки... Движения животного создают определенную вибрацию, малышу автоматически приходится удерживать свое тело на двигающейся в трех плоскостях поверхности, теплый круп лошади (на два градуса теплее человеческого тела) разогревает и массирует... В итоге за 15 занятий малыш не только догнал, но и перегнал своих сверстников!

Окно во внешний мир

Семнадцатилетний Антон вряд ли когда-нибудь перегонит своих сверстников: у мальчика целый букет различных врожденных заболеваний, в том числе аутизм. Лошадь для него – одно из немногих окон во внешний мир.

– Антон раньше всего боялся, – рассказывает его мама Нина Макарова. – Людей на улице, на животных в лучшем случае не обращал внимания, но когда я его водила в зоопарк, то уходила оттуда с истерикой – страшно. А однажды – сыну тогда было 6 лет – он вдруг сам обратил внимание на лошадь, которая шла по улице. Это первое животное, которое его заинтересовало! Потом сам стал меня подводить к лошадям, если они встречались нам где-то случайно. В специальном лагере, где он отдыхал летом, его подвели к лошади, посадили – Антону очень понравилось. Видимо, такое большое животное, мерные движения... Я, если честно, и сама не знаю, что именно его привлекло. Но всячески поддерживаю его увлечение. Узнали про иппотерапию, ходим раз в две недели на занятия. Видно, что для ребенка это событие – он улы-

бается, радуется, кидает мячики. И расстраивается, когда надо слезать. Мы покупаем все, что связано с лошадьми, – у нас уже есть календарь с красивыми фотографиями скакунов, смотрим фильмы, читаем Сетон-Томпсона (канадский писатель, художник-анималист, один из основателей движения скаутов в США, известны его книги о животных. – Прим. ред.). Любое проявление интереса для аутиста – это большой успех. Тем более оказалось, что лошади – это только начало, потом Антон стал интересоваться собаками, теперь с удовольствием ходит в зоопарк, встал на ролики. То есть через общение с лошадью мой сын открыл для себя другие стороны большого внешнего мира, который ему нравится...

Мама Антона рассказала, что и ей увлечение сына очень помогло: теперь, когда у него есть такая сильная мотивация, с ним проще «договориться».

– Скажешь ему, если он заупрямится, что раз он так себя ведет, то на лошади кататься не поедем, и Антон выполняет то, что я прошу, – улыбается Нина. – То есть это еще и ключик к социальному общению.

Группа поддержки –
двое страхующих,
коневод и инструктор

Косте 7 лет, у него тоже аутизм. Его родители сначала большие надежды возлагали на дельфинотерапию, но дельфинарии Петербурга на тот момент оказались заняты.

– Решили попробовать лошадек, – рассказывает папа Кости Рустам. – Сначала боялись, что ребенок испугается, будет сложно его посадить на животное, но все получилось почти с первого раза. Теперь ходим каждую неделю. Эффект виден – ребенок стал более контактным, с нетерпением ждет выходных, постепенно научился складывать слова в предложения. Причем для Кости очень важен инструктор, с которым он занимается. Если человек ему нравится, то еще несколько дней ребенок просто в эйфории пребывает.

Конь научил говорить

Родители рассказывают только о своих детях, а у волонтеров, которые работают с детьми и лошадьми годами, уже целый «сундучок» таких историй.

– У нас занималось несколько аутистов, – говорит Антонина. – Чтобы подвести такого ребенка к лошади, надо несколько занятий. Они не хотят гладить лошадь, кормить ее, часто даже подходить к ней. На лю-

Лежа,
всадники
расслабляются,
получая
полноценный
массаж спины

дей тоже не обращают внимания, не глядят в глаза, не отвечают на вопросы. Потом, когда все-таки соглашаются сесть на коня, потихоньку начинают разглядывать краем глаза сверху вниз и нас, инструкторов. Потом соглашаются взять игрушки из рук. Потом – поиграть в ладушки, то есть появляется желание телесного контакта не только с лошадью, но и с людьми. Для ребенка с такой болезнью это уже огромное достижение. Родители сами иногда не узнают своего ребенка.

– К нам приезжал юноша с умственным расстройством, родители вози-

ли его на метро, – говорит директор школы Наталья Сладкова. – Сам он в метро не ориентировался, не различал станций. А тут вдруг, когда громкоговоритель объявил станцию «Нарвская» (где находится конюшня), парень встал и вышел. Запомнил дорогу к лошадям.

– У нас был ребенок с ДЦП, – рассказывает Антонина. – Он почти ничего не говорил, кроме да или нет. А после нескольких занятий оказалось, что, сидя на лошади, он активно общается с идущим рядом инструктором, произнося такие сложные слова, как «рыба».

«Я не маленький
мальчик, я наездник!»

Всадники – всегда победители

Катание на лошади – один из светлых моментов в тяжелой жизни не только больных детей, но и их родителей. Часто «неполноценного» ребенка воспитывают матери-одиночки, которым ничего не остается, как носить детей на руках.

– У многих матерей на глазах наворачиваются слезы, когда они идут рядом с кем-то большим и сильным, который несет их ребенка, освобождая их – пусть на полчасика – от этого груза, – объясняет Наталья Сладкова. – В такие минуты лошадь заменяет отсутствующего отца – для матерей почувствовать такую поддержку очень важно. Тем более к нам приходят дети и родители, до смерти уставшие от врачей, от процедур, от больниц. Многие родители привыкли к тому, что их ребенок «ущербный», его надо всю жизнь «исправлять». Поэтому в нашем деле важна психология успеха. Каждое занятие – обязательно победа, пусть небольшая. Ведь человек на коне – он всегда победитель, недаром все принцы восседали на белых конях! А для детей это чувство особенно важно. Они вдруг меняют точку зрения на

мир, оказываются выше всех взрослых. Да и взрослые уже по-другому смотрят на свое чадо, начинают подсознательно восхищаться им и уважать «седока».

Для человека с ДЦП серьезной победой может стать то, что для обычного человека – естественно.

– Я занималась с 16-летним парнем, который не мог даже держать голову, – говорит Антонина. – Я сама не поверила, когда через 4 месяца занятий он вдруг научился держаться прямо! Для больного ДЦП – это огромный шаг вперед.

– Езда на лошади включает у человека те мышцы, которые отвечают за ходьбу, – объясняет Наталья Сладкова. – Тем, кто в силу различных болезней всю жизнь проводит в инвалидной коляске, эти движения вообще не знакомы. У меня до сих пор мурашки по коже, когда я вспоминаю один случай. Немолодой мужчина с ампутированными в результате несчастного случая ногами оказался как-то у нас. Мы предложили ему сесть на лошадь. Сначала он не хотел, он довольно грузный, а ноги ампутированы полностью. Но мы его уговорили, посадили, укрепили на лошади, и он поехал. И вдруг взрослый человек

зарыдал и крикнул: «Я иду!» Спустя много лет после аварии он впервые вспомнил это чувство благодаря лошади.

Первое слово – «и-го-го»

«Аккорд» – организация некоммерческая, всю работу выполняют волонтеры, которых найти не так просто: ведь такой профессии, как «иппотерапевт», просто не существует! Например, Антонина Цымбал – медицинский психолог, учится в аспирантуре. Девушке пришлось «подучиться», ведь до этого она никогда не имела дела с лошадьми. На конюшне со своими пациентами она проводит практически 24 часа в сутки, почти ничего за это не получая.

– Конечно, хочется зарабатывать, – рассказывает она. – Но здесь я вижу счастливых детей и эффект от занятий, который никогда бы не увидела, встречаясь с детьми в кабинете. Чувствуешь такую отдачу, когда неразговаривающий ребенок произносит первое слово, и слово это – «и-го-го»!

– Мы берем к себе и детских педагогов, и психологов, и специалистов по лечебной физкультуре, – объясняет Наталья Сладкова. – Ведь нигде не учат на «иппотерапевта», поэтому нашим волонтерам приходится разбираться и учиться работать и с детьми, и с лошадьми... Вообще, это тяжелая работа, все время на ногах, огромная ответственность, занятия круглый год в любую погоду. Иногда к нам приводят очень тяжелых детей, работать с ними – моральная нагрузка, ведь никакая лошадь не излечит ребенка от генетической болезни. Я занимаюсь иппотерапией уже десять лет, сколько раз слышала от знакомых и родных: «Зачем ты тратишь на это свои силы и все свое время, мотаешься по конюшням, ведь никакой прибыли это не приносит и никогда не принесет?» Иногда я сама не понимаю молодых людей, которые, несмотря ни на что, остаются у нас работать. Видимо, дело в том, что наши клиенты – и взрослые, и дети, – как правило, невероятно счастливы, сидя на коне. И ты заряжаешься этой искренней радостью, такого не купишь ни за какие деньги... ❀

АЛЫЕ ПОГОНЫ

**ДЕНИС
ТЕРЕНТЬЕВ**

КАДЕТСКИЕ УЧИЛИЩА ВНОВЬ СТАЛИ ПОПУЛЯРНЫ В РОССИИ В КОНЦЕ 90-Х ГОДОВ: ПО ВСЕЙ СТРАНЕ НАЧАЛОСЬ ВОЗРОЖДЕНИЕ КАДЕТСКИХ КЛАССОВ, А В САМЫЕ ИЗВЕСТНЫЕ СУВОРОВСКИЕ УЧИЛИЩА КОНКУРС ВЫРОС В РАЗЫ. ОКАЗАЛОСЬ, МНОГИЕ РОССИЯНЕ ВИДЯТ В КАДЕТСТВЕ ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАЩИТИТЬ СВОЕГО РЕБЕНКА ОТ ЛЕНИ, ДУРНЫХ КОМПАНИЙ И ВРЕДНЫХ СОБЛАЗНОВ. А НЕКОТОРЫЕ ГОВОРЯТ О СПОСОБЕ ПРИВИТЬ ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ: ПАТРИОТИЗМ, ДОБЛЕСТЬ И ВЕРУ.

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК В ПЕТЕРБУРГСКОМ СУВОРОВСКОМ училище. Помимо традиционной для обычных школ линейки и напутствий старших гремел военный оркестр, а выпускники с особым чувством выкладывались в парадном танце. С 2010 года кадеты не участвуют в Параде Победы на Дворцовой площади. Так решили в штабе военного округа: мол, детям 12–17 лет не выдержать изнурительных, часто ночных, тренировок. Более года суворовцы просят каждого высокого

гостя училища вернуть им почетное право, но пока безрезультатно. Накануне Дня Победы в училище приехала губернатор Валентина Матвиенко, осторожно пообещавшая прояснить ситуацию, понимая, что это не ее компетенция. Но подростки услышали то, что хотели услышать.

– У нас полроты плакало, когда командир сказал, что парад точно пройдет без нас. – Второкурсник Павел и сейчас еле сдерживает слезы. – В прежние годы ни один парад без суворовцев не обходился, а сейчас нас вдруг решили поберечь. Кроссы по 20 километров бегать – пожалуйста. Новая про-

грамма, три языка, боевая подготовка – это мы можем. А строим по площади пять минут пройтись – нет. Но воспитание есть воспитание. Выговорившись, кадет меняет тон: «приказ есть приказ», «раз решили – значит, так надо». Несколько лет назад были отменены традиционные вечера, на которые в гости к кадетам приходили девушки из Вагановского балетного училища. Легко представить, что сказали бы по этому поводу учащиеся общеобразовательных школ, а в суворовцах уже укоренилась офицерская выправка и хладнокровие: «Ничего страшного, зато мы нахимовцев в

футбол обыграли». Критиковать начальство не принято во все времена, а требования к суворовцам ничуть не меньше, чем к учащимся исторических пажеских корпусов.

– С одной стороны, приемные требования ужесточаются, например с седьмого класса обязательно изучать два иностранных языка, – говорит исполняющая обязанности начальника училища Вероника Калюжнова. – С девятого класса проводится предпрофильная подготовка, а год спустя ребятам предлагаются физико-математический, филологический и социально-экономический профили. С другой стороны, мы ввели новый распорядок дня, где кадетам выделено больше времени для активного отдыха на воздухе.

Калюжнова – первый в истории училища начальник-женщина. Сейчас она человек гражданский, заслуженный учитель России, но еще недавно носила здесь майорские погоны. У нее непростая задача: и быть ребятам второй мамой, и поддерживать дисциплину. В училище любят вспоминать знаменитых выпускников, но обходят деликатную тему – дети-то здесь не очень простые.

На трех курсах занимаются 620 воспитанников из 70 регионов России. Не менее половины из них – так

ИТАР-ТАСС

ИТАР-ТАСС

РИА НОВОСТИ

ИТАР-ТАСС

называемые сложные подростки: детдомовцы, дети погибших военнослужащих, ребята из неполных семей. Вырастить из них достойных людей, не показав силу и власть, невозможно. Но часто бывает, что в свои годы они уже успели нахлебаться жестокости, и многих ребят нужно не «строить», а защитить и согреть.

– У нас нет дедовщины, и даже 12-летние ребята, которых мы стали принимать в прошлом году, проблем не испытывают, – говорит Вероника Калюжнова. – Мы стараемся показать им армию, основанную на боевом братстве, где нет места казарменному унижению. С кадетами работает около сотни офицеров и прапорщиков, половина из которых имеет боевой опыт. Любой скажет, что, когда часть воюет, дедовщина исчезает сама собой. Суворовский принцип «тяжело в учении – легко в бою», как ни странно, не преследует кадета с каждого второго плаката. Тем не менее с первого курса обычно отчисляют каждого пятого: за курение, неуспеваемость, бранные слова. Под неуспеваемостью подразумевают три

РИА НОВОСТИ

итоговые тройки в году. А одного кадета уволили за месяц до выпуска – ушел в самоволку.

– Жесткая система воспитания кадетов, по сути, интернациональна и безальтернативна, – говорит психолог Анна Александрова. – Например, в США с их традициями либерализма пытались смягчить порядки, но получили обратный эффект: падение дисциплины, драки, пьянство. В императорской России юнкера обычно получали отменное воспитание и манеры от родителей. Сегодня так бывает далеко не всегда, поэтому и строгость адекватна.

Детская доля

Говорить с кадетами «за жизнь» в ходе официального посещения училища – пустая трата времени. Юноша будет твердо смотреть вам в глаза, поскольку отводить взгляд запрещает устав. У него самое вкусное в мире шестиразовое питание. Коллектив педагогов училища для него как вторая семья. Связать свою жизнь с армией решил в детстве. И так далее. Совсем другое дело, когда у него есть возможность высказаться в неформальной обстановке. Но в случае с суворовцами сенсаций не последовало.

PHOTOXPRESS

– Педагоги у нас, конечно, разные, – говорит суворовец Дмитрий. – Некоторые меньше 20 тысяч рублей получают, а работают здесь всю жизнь. Но для меня деньги не показатель. Есть педагоги, которым и после выпуска ребята пишут. У нас 10 человек имеют звание «заслуженный учитель России». Кое-кто из них не умеет пользоваться компьютером, но ребята к ним в свободное время ходят просто поговорить. Для 15-летних ребят из провинции у большинства суворовцев порази-

PHOTOXPRESS

ИТАР-ТАСС

СУВОРОВЦЫ

тельная культура речи – ясный и точный русский язык без слов-паразитов. Все правильно: неумение нормально говорить приравнивается самими суворовцами к неумению, например, лазать по канату.

– Нам говорят, что нужно гордиться званием суворовца, – рассказывает Андрей. – Но чтобы гордиться, нужно быть хотя бы выше среднего уровня. Кадетское братство обязывает и в бою товарища выручать, и физику дать списать. Но на уровне личных отношений просить списать – позор. Какой же у меня мужской характер, если я не могу французский язык выучить? Здесь много всяких обычаев и традиций, но практику иностранных кадетских заведений анализируют не слишком скрупулезно. В прошлом году питерскому училищу исполнилось двести лет, а результаты таковы, что собственный опыт больше располагает к анализу.

Чистота и твердость

Училище расположено в Воронцовском дворце на Садовой улице. В середине XVIII века архитектор Барто-

ИТАР-ТАСС

ИТАР-ТАСС

ломео Растрелли построил это здание для канцлера империи графа Михаила Воронцова, другом и частым гостем которого был легендарный полководец Александр Суворов. Короткое время при императорстве Павла I здесь находился капитул Мальтийского ордена, а архитектор Джакомо Кваренги построил на территории дворца Мальтийскую капеллу Иоанна Крестителя. Мальтийский крест и сегодня присутствует на эмблеме училища.

– Пажи в царские времена ассоциировались не с прислугой знатных особ, а с рыцарскими тради-

ИТАР-ТАСС

ИТАР-ТАСС

ИТАР-ТАСС

циями, – говорит историк Сергей Ачильдиев. – Хотя старшие классы Пажеского корпуса уже служили, в основном камер-пажами. По окончании корпуса каждый выпускник получал значок в виде белого мальтийского креста и кольцо с наружной стальной частью и внутренней золотой: «Ты будешь тверд, как сталь, и чист, как золото». Существовало братство бывших пажей, даже для фельдмаршалов считалось нормой помочь выпускнику корпуса. Систему кадетских корпусов возродили после Второй мировой войны,

чтобы справиться с волной беспризорности. За последующие десятилетия менялась форма одежды, вводились новые предметы. Вместо семи лет обучения стало три, потом – два, а с 1992 года училище вновь перешло на трехгодичный срок. Сегодня распорядок дня включает в себя шесть часов классных занятий, три часа самоподготовки, свободное время и дополнительные занятия. Более 12 тысяч выпускников училища пополнили ряды вооруженных сил, а портреты видных генералов, ученых, меди-

ков и государственных деятелей составили огромную галерею.

– Сегодня почему-то стесняются говорить, что принцип набора кадетов остается послевоенным, – отмечает Сергей Ачильдиев. – Либо страна вырастит из них военную элиту, либо их воспитают улицы. Посмотрите статистику по выпускникам детдомов, кто кем стал в жизни, – это очень невеселые цифры.

По окончании училища никто не заставляет ребят связывать свою жизнь с армией. Отчисление за три тройки компенсируется правом суворовца без экзамена поступить в любой военный вуз сухопутных войск. Но этим правом пользуются далеко не все: училище дает такой уровень знаний, что многие курсанты без проблем поступают в престижные гражданские вузы на бюджетные места. Статистика подтверждает: среди знаменитых суворовцев последних лет гражданских людей больше, чем военных.

Получается, в лучших кадетских корпусах создана эффективная система воспитания. Без розог и багетов, без финансовых поборов с родителей, при весьма скромных расходах государства. ●

ЛЕОНИД РОЛДУГИН

«НЕ ВНОСИ НИЧЕГО СВОЕГО. ЕСТЬ ТРАДИЦИИ – ВЫПОЛНЯЙ ИХ»

ОТЕЦ ЛЕОНИД: КОНЕЧНО, люди со временем меняются. Но основные требования – неизменны. Человек должен быть нравственным, чистым, добрым. Многие стали говорить о конце света. Увеличение зла и беззакония, эгоизма и дерзости сегодня является признаком конца света, который был предсказан Господом Иисусом Христом и многими русскими святыми. Все эти негативные явления несут в себе энергию разрушения, смерти, конца. Они действительно приближаются даже мыслями, простой бытовой ложью. Она тоже – из негативных явлений, которые накапливаются и выливаются в региональную, а затем и во всемирную катастрофу. Мы видим это постоянно. То, о чем я говорю вам, – мое личное понимание, собственные мысли и впечатления. Они не являются позицией церкви...

Как сложилось убеждение служить

Я родился в 1937 году и вырос в обычной крестьянской семье. Родители были простыми зажиточными крестьянами. В период раскулачивания они попали под «красное колесо». Спасаясь от голода и преследований, они переехали из Воронежской области в Москву, переквалифицировались, стали рабочими. Во время войны, в 1944 году, я пошел в школу. Мы жили тогда бедно. Шла война, никто богато не жил. Слава богу, родители купили мне ботинки, валенки, пальтишко. А у нас в классе у многих было по-другому. Однажды заметили, что один ученик несколько дней отсутствовал в школе. Когда мы с одноклассниками пошли его навестить, то увидели мать с четырьмя детьми,

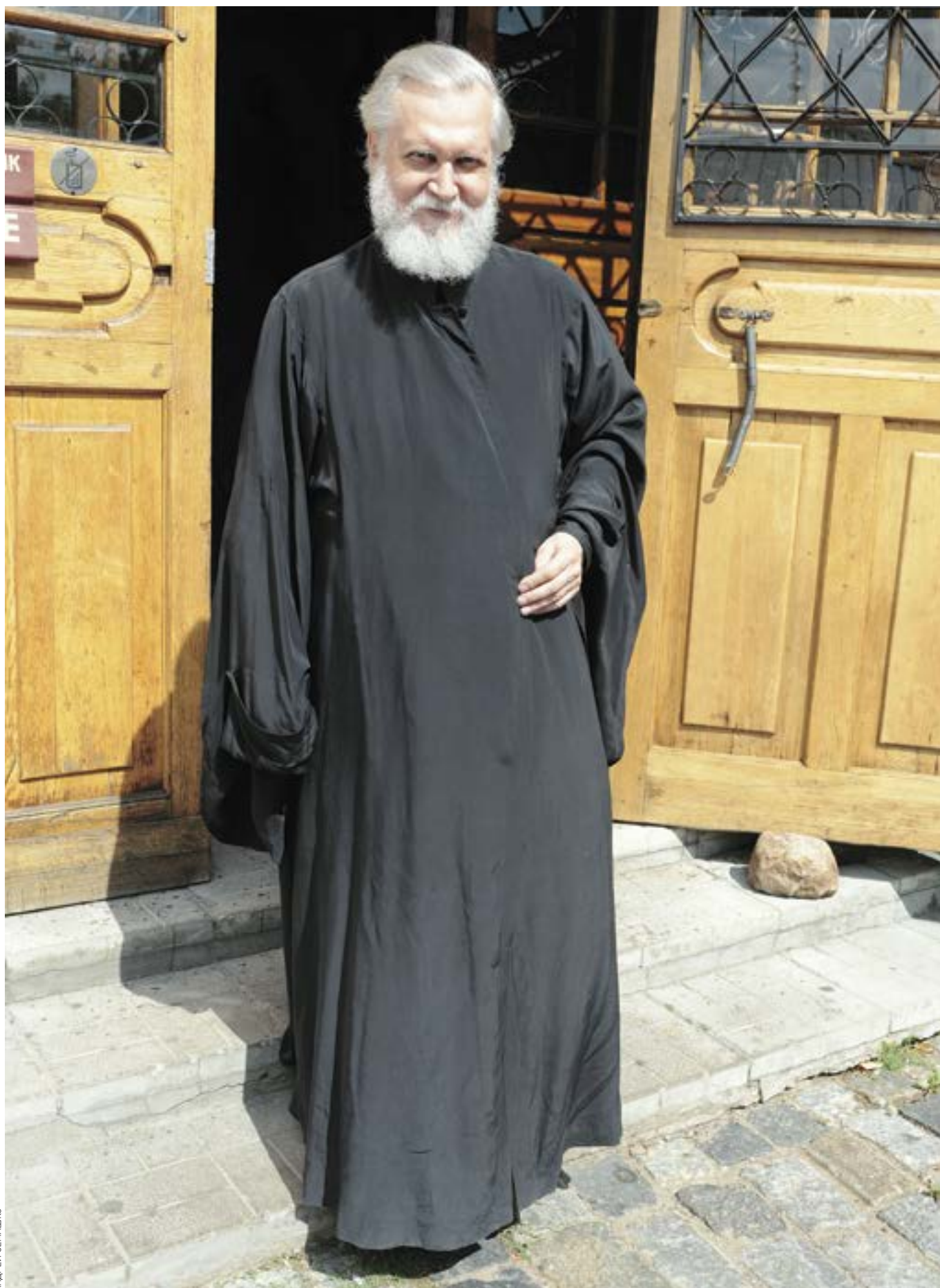
известный русский философ, богослов Владимир Соловьев писал: «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности». Своими личными размышлениями, пониманием человеческой жизни, ценностей, о конце света и вечном, противостоянии добра и зла в судьбах людей, с которыми пришлось столкнуться, поделился настоятель храма Рождества Христова в Измайлове протоиерей Леонид Ролдугин.

лежавшими в постели, уже опухшими от голода. В школу эти дети ходили по очереди, по одному, в одних ботинках на всех. Мы тогда собрали все что смог: одежду, валенки, продукты, из других классов откликнулись ученики и родители... В моей семье было три брата, я младший. Старший брат в 14 лет, после 7 классов, пошел работать на военный завод (сейчас он называется «Салют»). Ему подставляли под ноги ящик, потому что он до станка не доставал. Когда брат получил рабочую карточку, то стал кормильцем в нашей семье. Впрочем, у нас все в семье работали, кроме бабушки и дедушки... Жили мы в коммунальной трехкомнатной квартире на шоссе Энтузиастов, в 18-метровой комнате, другие комнаты были по 13 и 18 метров. Всего в квартире жило 22 человека. Спали на полу на войлоке, который

стелили под стол, чтобы случайно не наступить ночью друг другу на голову. Горячей воды не было, только холодная.

Мы просыпались рано утром и вставали в очередь, чтобы помыться. Один умывальник стоял на кухне, другой в ванной. На работу было нельзя опаздывать. Трамваи тогда ходили с перебоями, поэтому иногда приходилось идти пешком...

В 1954 году я окончил общеобразовательную школу и поступил в Московскую духовную семинарию. Наша семья была верующей, все – и родители, и бабушка с дедушкой. Дома всегда молились, ходили в церковь – исповедовались, причащались. Когда бомбежка начиналась, дедушка никогда не ходил в бомбоубежище, читал Псалтырь преподобного Ефрема Сирина, молитвослов, считал – как Бог даст, так и будет. Умер он в 42-м от инсульта.

Я с 6 лет с бабушкой начал ходить в церковь Петра и Павла в Лефортово, иногда – с мамой. В этой церкви меня привели известные местные московские священники, например протоиерей Дмитрий Цветков, взяли в алтарь. Там я прислуживал, знал службу: когда со свечой выходить, когда кадило подавать, вынимал частицы из приносившего для поминовения хлеба.

Прихожане подавали кусочки хлеба, протоиерей Дмитрий Цветков давал нам, служившим мальчикам, копия и говорил, чтобы мы вынимали большие частицы, которые на записку идут, а оставшиеся от записки складывали в газетный кулек и делили между собой. И мальчики, которые служили, радостные несли домой за пахучим хлебом. Хлеб был серый и черный. Так отец Дмитрий нам, детям, оказывал материальную помощь.

В школе я, конечно, не был ни пионером, ни комсомольцем, был белой вороной. Учителя и школьники относились ко мне по-разному. Наша учительница, классный руководитель, была гречанкой и вела у нас немецкий язык. Когда мы были уже в старших классах, умер Сталин, стали говорить, что все должны быть на 100 процентов комсомольцами – для сплочения рядов. Но учительница поговорила с завучем, что в отчете можно написать 99,9 процента, а не 100. Мне же она сказала, чтобы три дня не приходил в школу, как бы был болен, пока горячка политическая не пройдет.

Я знал, что обрекал себя быть гражданином второго сорта.

Другая учительница, ярая коммунистка, акцентировала на мне негативное внимание, а родители говорили – «терпи и молчи». Я так и делал, насколько мог. Одноклассники же хорошо ко мне относились...

Самыми трудными послевоенными годами были 1946–1947 годы. В школьной столовой тогда были только чай, бублики и хлеб. Но школьники из более состоятельных семей не брали из дома колбасу в школу, чтобы не раздражать других, не вызывать зависти. Они старались не выделяться, вели себя без превосходства. Школьной формы тогда еще не было. Все ходили в школу кто в чем. Одни были полу-

ше одеты, другие похуже, на это не обращали особого внимания, как сегодня...

В семинарию я поступил в 1955 году, в это время мой старший брат уже оканчивал академию. Так что я пошел проторенной дорогой. А средний брат был светским человеком – работал чеканщиком, оформителем выставок. Он до сих пор жив.

В семинарии был совершенно другой ритм жизни, сохранялись полувоенные и монашеские традиции. Каждое утро мы вставали и шли к преподобному Сергию, некоторые вставали и ходили в 5 утра на братский пятичасовой молебен. Нас, семинаристов, держали как в интернате, отпускали неохотно, особенно в Москву, родных разрешали навестить не более чем три раза в месяц. Еще нам выдавали форму, темную такую, одну – на будние дни, другую – на праздники к службе в храме.

Когда я был уже семинаристом, владыка Питирим Нечаев преподавал в Московской духовной семинарии, и он отбирал иподиаконов для Святейшего Патриарха Алексия I. Среди прочих выбрали и меня. Десять лет я был крестоносцем Святейшего Патриарха Алексия I.

Годы учебы в семинарии были самыми лучшими, самыми святыми годами познания, благодатной молитвы и благодатной помощи преподобного Сергия, годы восторгов и слез. Учился я успешно, легко – и в семинарии, и в академии. Это было мое призвание и желание, никто меня не неволил.

...Священником я стал в 1965 году. Первый храм – это моя любовь – Воскресения Словущего на Неждановой, теперь это Брюсов переулок. Я работал тогда в Патриархии у Даниила Андреевича, секретаря Святейшего Патриарха Алексия I. Я подал прошение о рукоположении, и протоиерей Владимир Елоховский, который тоже работал в Патриархии, предложил мне служить в храме на Неждановой. Конечно, я согласился. Мое служение началось под покровительством отца Владимира. Он многому меня научил, от многого остерегал. «Не вноси ничего своего, вот есть традиции – выполняй их», – говорил он. Я всегда старался следовать этому его главному совету.

В храме тогда служили люди, прошедшие ссылки и лагеря, но среди них я никогда не встречал озлобленных. Мне приходилось исповедовать тех, кто отсидел по двадцать лет в тюрьмах и вернулся абсолютно больным. Но они не были обижены на жестокость власти. Многие рассказывали мне, что если бы не оказались в лагере, то, наверное, не стали бы верующими.

А в 1982 году я был переведен настоятелем в храм Рождества Христова в Измайлово в Москве. Это был старый храм с традициями, он никогда не закрывался. Здесь служил отец Виктор Жуков, которого знала вся церковная Москва. Он подбирал священников и дьяконов с очень хорошими голосами, потому

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Леонид Васильевич Ролдугин родился 11 августа 1937 года в Москве. В 1944–1954 годах учился в общеобразовательной школе. В 1959 году окончил Московскую духовную семинарию, в 1963-м – Московскую духовную академию. 4 декабря 1965 года Святейшим Патриархом Алексием I рукоположен в сан пресвитера. В 1965 году назначен священником в храм Воскресения Словущего на ул. Неждановой в Москве, в 1981-м – настоятелем того же храма. В 1968 году награжден наперсным крестом. В 1972-м возведен в сан протоиерея. В 1977-м награжден палицей, а в 1982-м – крестом с украшениями. В 1982 году переведен настоятелем в храм Рождества Христова в Измайлове в Москве. В 1988 году награжден митрой. Благочинный Преображенского благочиния города Москвы, настоятель храма Рождества Христова (Измайлово). Награжден Русской православной церковью орденом св. равноап. кн. Владимира III ст. (1985); орденом прп. Сергия Радонежского III ст. (1987); орденом св. блгв. кн. Даниила Московского II ст. (1989).

что сам любил пение. В храме были свои отдельные праздники, традиции. Я старался их не нарушать. Все неофициальные праздники, которые были при отце Викторе, я стараюсь поддерживать до сих пор. Среди таких праздников, например, переходящее празднование в честь Иерусалимской иконы Божией Матери. Официальное празднование – 25 октября по новому стилю, а неофициальное – в одно из воскресений июля. По традиции в этот день совершается служба, крестный ход, водосвятие. Также отмечается переходящий праздник в честь целителя Пантелеймона, в одно из воскресений пасхального периода. Эти праздники связаны с давними традициями. Когда-

АНДРЕЙ СЕМАШКО

то Измайлово, место расположения храма, было подмосковной деревней, и через икону целителя Пантелеймона и Иерусалимскую икону Божией Матери были явления милости и чудеса Божьи.

Мы очень дорожим памятью о служении в нашем храме архимандрита Иоанна (Крестьянкина) с 1945 по 1950 год. Многие прихожане считали себя его духовными детьми. Незадолго до своей кончины он подарил нам свою келейную икону Иерусалимской Божией Матери с дарственной надписью: «Колыбели моего священства». Отец Иоанн был рукоположен в этом храме, и я всегда вспоминал его с благодарностью. Он служил в храме до своего ареста. ...Священники не воспитываются в особых инкубаторах. Конечно, теперешняя жизнь со всеми ее соблазнами и грехами так сложилась, что идет полная моральная деградация.

Раньше так в глаза не бросалось, а сейчас это видно, происходит переоценка ценностей. И современное телевидение, и порнография, и все, что угодно, оказывает негативное влияние на священников. Они приходят из реального мира, им сложнее и труднее, чем было нам. У нас был страх постоянных политических репрессий, а у них идет внутреннее раздвоение. Очень сложно устоять.

Люди, пережившие войну, видевшие смерть, оставались более человечными, отзывчивыми, внимательными, скромными, потому что каждый день ходили под страхом смерти. Они ценили самые обыкновенные добрые человеческие отношения, радости, верность, дружбу. Сейчас эти человеческие качества уходят на второй план. Люди раньше краснели, если лгали, говорили иногда вынужденно неправду. Если

на улице женщина могла сказать что-то ребенку за оплошность, то он краснел, просил маме или папе не говорить. Сейчас же не краснеют – ни молодые люди, ни дети. Забыли, что такое совесть, стыд, честь.

Нужна ли идея?

...Нам обязательно нужна идея. Без нее человек теряет смысл жизни, национального существования, национальной идентичности, потому что идея связана не с общечеловеческими ценностями, которые в большей части надуманны и сводятся только к материальным благам, благополучию и развлечениям, а с исторической и религиозной духовной сущностью народа. Она связана с национальным призванием, национальным костюмом, национальным театром, национальной культурой, национальной музыкой, национальной литературой. Каж-

дая нация привносит что-то свое, неповторимое и яркое в мировую сокровищницу. Так создается многообразие общей культуры.

А когда она нивелируется антикультурой, тогда нет национальной идеи, тогда у всех однообразие, происходит унификация ценностей, сознания. Человек теряет свое лицо, и нация теряет свое лицо. Тогда принята одна мода, один театр, одно беснование и дрыганье, лица не различимы...

Нужно осознать свои корни, свои национальные особенности, не нужно их стесняться, но и не нужно их выпячивать и говорить, что они лучше или выше других.

Наша тысячелетняя история связана с православием. И нужно провести национальную линию, национальную идею по архетипам – высшим достижениям национальной культуры. Это и есть национальная идея, которую не надо придумывать, а нужно из прошлого взять все лучшее, что проверено жизнью, что является вечным.

Есть и плохое, то, что нужно отбросить. У каждой нации есть определенные негативные черты. У русских, например, это наше «авось», лень, безалаберность, неорганизованность. А с другой стороны, есть очень хорошие черты, выражающие русскую душу, – гостеприимство и отзывчивость, внимательность к другим людям, скромность, трудолюбие...

Известный русский купец и меценат Павел Третьяков очень хорошо разбирался в живописи, был знаком со многими художниками, музыкантами, критиками. Как-то ему сказали: «Что же вы ходите по старинке, в купеческом сюртуке, а не одеваетесь современно? Едите все щи да кашу?» Но он ответил: «А я одеваюсь не по моде, а по себе, и ем то, что мне приятно, что мои родители ели, то и я ем».

Есть русские, которые пытаются выделить себя. Они как бы отдельно. А судьи – кто? Кто выделяет? Политологи? Журналисты? Вообще, это дело не всех людей. Не все могут это выразить, не всем дано. А у нас считается, что любой журналист или популярный эстрадный артист могут все объяснить и сказать.

В России было немало умнейших философов, богословов, ученых, ко-

торые прекрасно писали о русской идее. Они были великолепно образованны, являлись знатоками европейской культуры и философии. Например, Иван Ильин, Павел Флоренский, Сергей Булгаков, Николай Бердяев. У них можно все найти, нужно просто изучить свое наследие, вычистить из прошлого наносное, преходящее, оставив все ценное.

Воскресные школы

...В 90-х годах появились воскресные школы для детей. Тогда это было вновь, интересно. Раньше подобные школы назывались или церковно-приходскими, или воскресными. Сейчас детей в таких школах стало меньше, большинство стремится попасть в престижные школы.

В воскресной школе дети могут получить основы нравственного воспитания, узнать о тех целях, которые в действительности стоят перед человеком в жизни. Есть надежда, что это семя сохранится и когда-то прорастет под влиянием размышлений и жизненных обстоятельств. А может – нет. Поэтому обучение нужно. Главная цель – не только дать образование и знания. Рядом с нашим храмом есть светская школа, где обучение строится по иному принципу – экономическому: учитель продает знания, ученик их покупает. Нет другой необходимой компоненты – воспитания. Ведь образованный человек – это тот, кто воспитал себя, создал в себе образ Божий. Это должен быть живой образ, который дается воспитанием, примером, общением. Церковная школа все-таки держится традиционных ценностей, дает не только образование, но и воспитание, которое носит не сословный, а общенародный характер.

Обучение у нас в воскресной школе продолжается пять лет. Есть церковно-приходские школы, православные лицеи и гимназии, которые занимаются по общегосударственной программе с добавлением церковных дисциплин, они имеют государственные лицензии. Детям с 7 до 12 лет нужно давать начальные навыки нравственности. И, между прочим, те, кто у нас учился, уже женились, а теперь приводят своих детей.

У нас – восполнение того, чего не могут дать школы. Дети изучают церковные дисциплины, серьезно знакомятся с русской поэзией, русской музыкой. Работают кружки – музыкальные, живописи, художественные, спортивные.

Ориентиры

...Должны быть нравственные ориентиры. Церковь может и должна сыграть здесь свою положительную роль, но многое зависит от того, кто будет об этом говорить. Если об этом будут говорить образованные, нравственные, скромные миряне и священники, тогда они могут быть услышаны. Их голос будет иметь цену. А если я буду говорить: «не укради», а сам буду красть, кто же мне поверит? Важен личный пример.

Не забывайте о действии благодати Божьей, потому что церковь – это не только люди, но и святые и Бог, которому дана всякая власть на небе и на земле. Как сказано в Евангелии, «он Царь царей, Владыка владык». Не президенты, не премьеры, которые приходят и уходят, а Он – вечный Царь. Он руководит миром, скорбит, предупреждает и говорит: если будете себя вести так, как сейчас, то вы сами себе роете яму на погибель.

Необходимо покаяние. Покаяние – это не просто изменение сознания, не только признание своих грехов, ошибок, но прежде всего изменение образа жизни. Когда человек изменился, тогда он покался. Покаяние не только в словах, можно тысячу раз сказать: «Прости меня, Господи!» – и оставаться по-прежнему таким же. А можно вообще ничего не говорить, молча покаяться: «Господи, ты меня знаешь лучше, чем я сам себя знаю, помоги мне». Действительно помогает, когда так обращаются и молятся, когда человек кается по-настоящему, с сожалением и с борьбой внутренней кается. Без борьбы ничего не дается...

...Стремления к самоотдаче, жертвенного служения сейчас нет.

...Начинать строительство нужно не сверху, а снизу, на своем уровне, где ты поставлен, там и сделай что-нибудь небольшое, но свое и Божие. ■

ЗАПИСАЛА
ГАЛИНА ТЕРЕНТЬЕВА

АЛЕКСАНДР БУРГЫЙ

«ВРЕМЯ! Я ТЕБЯ МИНУЮ»

**ЛАДА
КЛОКОВА**

РУСЯЯ ДЕВОЧКА 13 ЛЕТ СПРОСИЛА ОПЫТНОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА: «МОЖНО ЛИ БЫТЬ ПОЭТОМ И СОСТОЯТЬ В ПАРТИИ?» «НЕТ», – СКАЗАЛ ТОТ. ЧЕСТЬ И ХВАЛА ЭТОМУ ЧЕЛОВЕКУ: ОТВЕТЬ ОН ИНАЧЕ, РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА, ВОЗМОЖНО, ЛИШИЛАСЬ БЫ ОДНОГО ИЗ СВОИХ ВЕЛИКИХ ПОЭТОВ... ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ЛЕТ ДЕВОЧКА ВЫПУСТИЛА СБОРНИК СТИХОВ: ЗЕЛЕНУЮ ОБЛОЖКУ УКРАШАЛИ СЛОВА «ВЕЧЕРНИЙ АЛЬБОМ» И ИМЯ АВТОРА – МАРИНА ЦВЕТАЕВА.

КНИГА ИМЕЛА БОЛЬШОЙ успех. Гумилев писал, что автором «инстинктивно угаданы все главнейшие законы поэзии». Волошин и Брюсов отмечали необычную интимность стихов и отсутствие каких-либо влияний. В последнем, впрочем, Цветаеву никто не мог упрекнуть. «Ни к какому поэтическому и политическому направлению не принадлежала и не принадлежу», – заявила Марина Ивановна в 1926 году в «Ответе на анкету». Волошин как-то даже поспорил с поэтессой Аделаидой Герцык, что отыщет в стихах Цветаевой чье-нибудь литературное влияние. Спор он бесславно проиграл. Зато стал утверждать, что в Цветаевой живет не менее десяти поэтов, и уговаривал ее печататься под псевдонимами, будто одной истории с Черубиной де Габриак ему было мало. «Но Максимо мифотворчество роковым образом преткнулось о скалу моей немецкой протестантской честности, губительной гордыни все, что пишу, – подписывать», – отметила Марина Ивановна в «Живое о живом».

«Я год примеряю смерть»

...Она просыпается затемно, когда все спят. Пробирается к кухонному столу (иного – нет), нащупывает тетрадь. Главное – не уронить что-нибудь с грохотом: несмотря на сильную близорукость, она не носит очки. За окном сонно ворочается парижский пригород Медон. Карандаш шуршит по бумаге, слова сокраща-

ются – рука не успевает фиксировать мысли. Руки у нее большие и натруженные. Как у крестьянки, никакой изысканности, отличающей поэтесс, говорят недоброжелатели. Ей нет дела до этого шипения за спиной, она живет в согласии с выбранным еще в юности девизом – *Ne daigne* (фр. «Не снисхожу»). А слово «поэтесса» она не признает. Она – Поэт. Она пишет, выгадывая у времени лишнюю минуту: скоро начнет новый безрадостный день. Нужно думать о том, где взять денег, чем кормить семью, напечатают ли эмигрантские журналы ее рукописи: она считает каждую копейку скудных гонораров. Ее ждут стирка, готовка, размышления о том, что продать из вещей. Да и кто их купит? «Все мои вещи, когда я их покупала, мне слишком нравились, – поэтому их никто не покупает», – написала она еще в 1919 году в голодной Москве. Тогда она стала продавать книги из семейной библиотеки. Но сейчас... Кочевой быт и нужда поглотили почти все ценное. Остались, правда, серебряные кольца и браслеты, которыми унизаны ее руки. Но с ними она не расстанется до смерти... Есть одна странность: предполагая, домысливая, как она умрет, Марина Ивановна часто вела разговор о петле. Вот и в сентябре 1940 года написала: «Никто не видит – не знает, – что я год уже ищу глазами крюк... Я год примеряю смерть». До черного дня – 31 августа 1941-го, до петли в захолустной Елабуге оставался один год...

Начало

Сверните с шумной Тверской в Мамоновский переулок, пройдите его до конца и остановитесь. Вот он – застенчивый Трехпрудный. Видите затейливое здание с башенками? Это – бывшая скоропечатня товарищества «Левенсон А.А.». Та самая, куда Марина отнесла свой первый сборник. Напротив по диагонали стоял деревянный особняк (в революцию его растащили на дрова). Именно здесь в 1892 году, 26 сентября по старому стилю, родилась Марина Цветаева.

«Главенствующее влияние – матери (музыка, природа, стихи, Германия). Страсть к героизму. Один против всех. Более скрытое, но не менее сильное влияние отца. (Страсть к труду, отсутствие карьеризма, простота, отрешенность.) Слитое влияние отца и матери – спартанство. Два лейтмотива в одном доме – музыка и музей. Воздух дома не буржуазный, не интеллигентский – рыцарский», – писала Цветаева. Кажется, трудно представить более неподходящих друг другу людей, чем ее родители. Иван Владимирович Цветаев, профессор Московского университета, директор Румянцевского музея, четырнадцать последних лет своей жизни посвятил созданию Музея изящных искусств (ныне – Музей изобрази-

Трехпрудный переулок,
скоропечатня товарищества
«Левенсон А.А.»

тельных искусств им. А.С. Пушкина). Сын бедного сельского священника всего в жизни добился сам. В 33 года он без памяти влюбился в красавицу Вареньку – дочь известного историка Дмитрия Иловайского. Они прожили десять лет в браке, Варвара Дмитриевна умерла после родов, оставив мужу семилетнюю Валерию и сына Андрея. Спустя год Цветаев женился на Марии Мейн. Мария Александровна красотой не блистала, зато была одаренной личностью: прекрасно играла на рояле, пела, рисовала, знала несколько языков. Но она не смогла заменить мужу Вареньку, большой портрет которой Цветаев повесил в спальне. В дневнике своем вторая жена записала: «Мы венчались у гроба».

Мария Александровна родила Марину и Анастасию, а мечтала о сыне, хотела назвать его в честь своего отца. Александр Данилович Мейн – остзейский немец, отслужив в Кексгольмском гренадерском полку, стал чиновником при московском генерал-губернаторе. Мать Марии Александровны, происходившая из польского рода Бернацких, умерла после родов. Для воспитания Маши отец выписал из швейцарского Невшателя бонну – Сусанну Эмлер, с которой обвенчался, когда дочери было 20 лет. Цветаевы ее называли «Тю» – тетя и очень любили.

А будущего поэта в семье звали Мусей, Марусей. В четыре года мать усадила ее за фортепиано. Тогда же Муся научилась читать и начала сочинять стихи.

Мусе и Асе внушали, что просить – недостойно, что деньги – грязь, одевали подчеркнуто строго, за шалости наказывали. Зато мать много читала им вслух, играла на рояле, рассказывала о несчастном Лире, о мудром Сократе и «лунном короле» Людвиге Баварском. Твердила, что талант – не заслуга человека, а дар Божий. «Этот меня охраняло и от самомнения, и от само-сомнения, от всякого, в искусстве, самолюбия...» – вспоминала Марина Ивановна.

Ежедневные прогулки на Патриаршие пруды и к памятнику Пушкину на Тверской, гувернантка-немка Августа Ивановна, напевавшая «Ach, du lieber Augustin...», золоченые иконостасы домового университетской церкви Св. Татианы, церковный

Марина с младшей сестрой, Анастасией.
1905 год

хор... Муся обожает Рождество и Пасху, но самый дорогой ей праздник – Благовещение, когда на волю выпускают птиц. Марина, судя по мемуарам Анастасии и Валерии, была непростым ребенком: упряма, застенчива, горда, обладает большой силой воли, резка и замкнута. Любимое ее занятие – чтение. Кумир – Пушкин. Она десятки раз переписывает его «К морю» – это стихотворение и лермонтовское «Свиданье» останутся любимыми на всю жизнь. Позже она влюбится в Ростана, Гейне, Гёте, Гёльдерлина, Гофмана, Шамиссо.

Первую тетрадь своих стихов Марина Цветаева завершила в 7 лет! В «Истории одного посвящения» она вспоминает, что стихи были подражательные, а тетрадь заканчивалась словами: «Плохие стихи – ведь это корь. Лучше отболеть ею в младенчестве». Мать не воспринимает ее стихи всерьез, мечтая о том, что дочь будет известной пианисткой. На лето семья переезжает в Тарусу. Здесь – дача, запущенный сад, огород, в котором возится отец, ветви жасмина в раскрытом окне, варенье из крыжовника, букетики иммортеля, посиделки на берегу Оки до ночи, когда над рекой медленно

плывет белый шар Луны... Здесь же живут любимая Тю, закармливающая сестер конфетами, и родственники отца Добровотворские.

...В 1902 году пришла беда: у Марии Александровны открылась чахотка. И хотя она продолжает вести деловую переписку мужа и бодрится, на щеках ее предательски цветет нездоровый румянец. Доктора советуют сменить климат. Три года мать и дочери не были в России: Мария Александровна лечилась в Италии, Швейцарии, Германии. В Нерви под Генуей в «Русском пансионе» 10-летняя Муся жадно прислушивается к разговорам соседей – революционеров-эмигрантов: эти странные люди говорят, что Бога нет, ругают царя! В 1905 году Цветаевы едут в Ялту, здесь в пансионе их соседи – эсеры, и Маруся снова тянется к разговорам о «политической ситуации». Мария Александровна переживает, боится, что дочь выберет «не ту дорогу». Состояние ее между тем ухудшается, она возвращается в Тарусу, где умирает в июле 1906 года. Ее опасения по поводу дороги, которую выберет дочь, были напрасны: к 16 годам Марина потеряла интерес к политике.

После смерти матери Марина еще больше замкнулась в себе. Занятия музыкой забросила, за четыре года сменила три гимназии. Она прячется на чердаке, а когда отец уходит на службу, запирается в своей комнате

Марина Цветаева
и Сергей Эфрон
перед свадьбой.
1911 год

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Сегодня
в Борисоглебском
переулке
расположен
Дом-музей
М.И. Цветаевой

Лучше быть, чем иметь

В «Герое труда» Цветаева пишет, что с 1912 по 1920 год она жила «вне литературной жизни». Это выглядит странно. Да, после «Из двух книг» в эти годы не вышло ни одного ее сборника. Но именно в это время созданы стихи о Москве, прекрасный цикл к Ахматовой, невыносимо светлые стихи к Блоку, стихи о войне, революции... Именно тогда она пишет пьесы «Червонный валет», «Метель», «Фортуна», «Каменный ангел»... Может, она подразумевала, что не встречается с поэтами, не печатается? Вряд ли: она популярна, на поэтических вечерах ей аплодируют, в 1916 году она публикуется в каждом номере «Северных записок». А может, то, что происходило в это время в ее жизни и в жизни вокруг, заслоняло для нее понятие «литературная жизнь»? Ведь именно тогда грянули Первая мировая война и революции в России. Цветаева отказывалась мириться с ними. Германия – ее любовь с детства, а война для нее – понятие апокалипсическое. Февральская революция ее потрясла: «Пал без славы Орел двуглавый. // Царь! – Вы были неправы». Октябрьскую она восприняла как непоправимую беду.

В ее жизни катастроф тоже хватало. После рождения дочери она расцвела, стала носить старомодные платья в пол, украшения из аметистов и янтаря. У нее начинается роман... Даже не роман, а какое-то самоистязание. Причина его – поэтаessa Софья Парнок, та самая «Русская Сафо». Эфрон самоустранился: поездки на фронт с санитарным поездом пришлось как нельзя кстати. Цветаевой же, как выразилась Пра, пришлось «перегореть». К концу 1915-го Цветаева будто очнулась от

и читает запоем. Ее страсть – эпоха Наполеона, ее жизнь – французские и германские поэты. Летом 1909 года одна едет в Париж, где слушает курс французской литературы в Сорбонне. Но в Париже, как и в Москве, она чувствует себя одинокой, ее мучает тоска. Позже Цветаева сформулирует причины тоски и одиночества, терзавших ее всю жизнь: поэт всегда противостоит миру. Поэт – невольник своего дара и пленник своего времени. Его задача – увидеть самому и дать увидеть всем остальным. И как эта способность «увидеть» и этот талант «дать увидеть» – мучительны!

Вернувшись в Москву, она втайне готовит первую книгу: «Вечерний альбом» выходит осенью 1910 года. Да, сборник был оценен маститыми поэтами, у Цветаевой завязывается дружеская переписка с Волошиным, возникает взаимная неприязнь с Брюсовым, но не они ввели ее в литературные круги. Ее «Вергилием» стал один из создателей знаменитого издательства «Мусaget» – Лев Эллис. Он просил руки 17-летней Марины и получил отказ. Она была влюблена в другого – 26-летнего Владимира Нилендера, бредившего орфическими гимнами переводчика античной литературы. Но отношения не сложились. Теперь она начала курить, пьет рябиновую настойку, дурачится: дала в брачную газету объявление со своим адре-

сом о том, что требуется жених. «Ее нельзя назвать злой, нельзя назвать доброй, – вспоминала Валерия Цветаева. – В ней стихийные порывы. Уменьше ни с чем не считаться. Упорство. Она очень способна, умна».

Одиночество закончилось в мае 1911 года, когда Марина в Коктебеле, куда она приехала по приглашению Волошина и Пра (так «волошинцы» звали мать поэта – Елену Оттобальдовну. – Прим. авт.), встретила Сергея Эфрона. Все коктейльцы с упоением откапывали на пляже затейливые камешки. Цветаева заявила, что выйдет замуж за того, кто угадает ее любимый камень. «...С.Я. Эфрон... чуть ли не в первый день знакомства отрыл и вручил мне – величайшая редкость! – генуэзскую сердоликовую бусу, которая и по сей день со мной», – писала в 1931 году Цветаева. Они повенчались в Москве в январе 1912 года. Марина и Сергей молодцы, счастливы, обеспечены. Они создали издательство «Оле-Лукойе», которое выпустило сборники стихов Цветаевой «Волшебный фонарь» и «Из двух книг», книги Эфрона «Детство» и Волошина – «О Репине». На этом издательство заглохло. А Марина, вернувшись из свадебного путешествия по Европе, объездила пол-Москвы в поисках «своего» дома и нашла то, что искала, в Борисоглебском переулке. В сентябре 1912 года она родила дочь – Ариадну.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

наваждения. Позже в своем «Письме к Амазонке» она расставит точки над «и», отказав подобным отношениям в праве на существование... В 1916-м начинается новый роман, завершившийся летом того же года. На сей раз – с Осипом Мандельштамом, который, судя по стихам, посвященным Цветаевой, влюбился не на шутку. Он даже пытался найти себе работу в Москве. Эфрона в этот момент призвали в армию, он снова ничего не замечал. Или делал вид? В то время он еще едва ли не молился на Марину...

В апреле 1917-го у Эфрона и Цветаевой родилась вторая дочь – Ирина. Сергей Яковлевич перевелся в Москву, в 56-й запасной полк. Он не отличался крепким здоровьем, Цветаева, опасаясь туберкулеза, хлопотала о переезде на юг. В октябре 17-го она приезжает к Волошину в Крым, а на обратном пути узнает о боях в Москве. Цветаева – в ужасе, под стук колес и площадную брань попутчиков записывает в тетради клятву мужу: «...Если Бог сделает это чудо – оставит Вас в живых, я буду ходить за Вами, как собака...» 21 год спустя, когда Цветаева, вопреки своей воле, отправилась за мужем и дочерью в СССР, она приписала к этим словам: «Вот и поеду – как собака...»

...Эфрон собирался в Ростов – там формировалась Добровольческая армия. В последний раз они виделись в январе 1918-го. В следующие четыре года Марина Ивановна не будет иметь о муже никаких известий, ее ждут тяжелые испытания. Голод, холод, нищета, болезни дочерей (в 1920 году в Кунцевском приюте, куда Цветаева на время отдала детей, посколь-

Для детской Марина Ивановна выбрала самую большую и светлую комнату. Дом в Борисоглебском переулке

Рабочий стол в комнате Цветаевой. Дом в Борисоглебском переулке

ку кормить их было нечем, умерла Ирина). Дом в Борисоглебском стал общежитием. Цветаева рубит на дрова шкафы и стулья («утюгом колючу по топору»), рояль обменивает на пуд черной муки, варит кашу на воде и пустые похлебки в самоваре... Она экономит бумагу, записывает строфы на обоях. Как-то дома она застала незнакомого человека. Приняв грабителя за начинающего поэта, пришедшего познакомиться, она предложила ему морковного чаю, а он, ужаснувшись ее нищете, выгреб из своих карманов все деньги... Она пробовала работать, но бессмысленная служба в Наркомнаце оказалась выше ее сил. Учреждение располагалось на Поварской, в бывшей усадьбе графа Соллогуба – «прототипе» дома Ростовых в «Войне и мире». Через пять месяцев уволилась. А затем... Ее пригласили выступить в Наркомнаце на вечере, на котором присутствовал Луначарский. «Так четко я никогда не читала... Монолог дворянина – в лицо комиссара – вот это жизнь!» – вспоминала

Цветаева в «Моих службах». Глядя на Луначарского, она отчеканила монолог графа Лозэна из «Фортуны»: «...Так нам и надо за тройную ложь // Свободы, равенства и братства!»

В те годы она придумала себе еще один девиз: *Mieux vaut être qu'avoir* (фр. «Лучше быть, чем иметь»).

...Когда читаешь воспоминания об этом времени, поражаешься не тому, как Цветаева смогла выжить и не сойти с ума, а тому, как она могла писать! «Осенью 1921 года мы шли с Цветаевой вниз по Тверскому бульвару, – вспоминает в «Бывшем и несбывшемся» Федор Степун. – ...Мужественно шагая по песку *босыми ногами*, она просто и точно рассказывала об ужасе своей нищеты, неустроенной жизни... Мне было страшно слушать ее, но ей не было страшно рассказывать: она верила, что в Москве царствует не только Ленин в Кремле, но и Пушкин у Страстного монастыря». С Пушкиным – ей ничего не было страшно. Еще – рядом были те, кто делился последним.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

В доме графа Соллогуба на Поварской находился Наркомнац, где Марина Ивановна проработала почти полгода

Вход в дом на Малой Молчановке, где когда-то располагался «Обормотник», до сих пор стерегут те самые львы

Константин Бальмонт, которого она звала «братик», Павел Антокольский, актриса Софья Голлидэй – ей Цветаева посвятит «Повесть о Сонечке», князь Сергей Волконский – ему она напишет цикл «Ученик», друзья из любимого «Обормотника»...

О, не раз, наверное, в тяжёлые минуты Марина Ивановна вспоминала «Обормотника»! На 7-м этаже дома на Малой Молчановке, подъезд которого до сих пор украшают свирепые львы, поселились сестры Эфрона – Вера и Лиля, а также Пра. Здесь, где смеялись, пели, танцевали, Марина и Сергей были за всегдатаями. Двумя этажами ниже жил Алексей Толстой, которого «волошинцы» звали важно – «Алехан», а он их нежно – «обормотами». Так и получился – «Обормотник»...

В июле 1921 года Цветаева узнает, что муж жив: Эфрон эвакуировался в Галлиполи, оказался в Константинополе, намерен перебраться в Чехию. Марина Ивановна не ходит – летает как на крыльях, хлопчет о разрешении на выезд. И вдруг... 7 августа приходит

весть о смерти Александра Блока: нет больше «рыцаря без укоризны», которого она боготворила. Проходит чуть более двух недель и – новый удар! Расстрелян Николай Гумилев, ползут слухи о самоубийстве Ахматовой. В надежде узнать что-нибудь Цветаева не выходит из «Кафе Поэтов», умоляет его хозяев оплатить ей командировку в Питер: «Господа! Я вам десять вечеров подряд буду читать бесплатно – у меня всегда полный зал!» (в те времена в «Кафе Поэтов», располагавшемся в Настасьинском переулке – напротив дома Сытина на Тверской, – собиралась вся литературная Москва. – Прим. авт.). Узнав, что Ахматова жива, Цветаева пишет ей восторженное письмо...

Самой большой радостью того года стали «Версты» – сборник из 35 стихов, изданный перед ее отъездом. «Передайте Марине, что ее книга «Версты», которую она оставила нам, уезжая, – лучшее, что осталось от России», – писала Аделаида Герцык своему знакомому в эмиграции.

Чужбина

В мае 1922 года Цветаева с дочерью уже в Берлине. В июне они перебираются в Прагу, встречаются с Эфроном. До 1925 года семья живет в деревнях на пособие от чешского правительства и гонорары Цветаевой. Сотрудничество с эмигрантскими изданиями идет трудно: Цветаева резко реагирует на редактуру своих текстов, многие ее стихи не нравятся издателям, то обвиняющим ее в симпатиях к большевикам, то упрекающим в излишней романтизации «белой идеи». Но у нее есть верный почитатель – Марк Слоним, литературный редактор правозсеровской «Воли России», где ее печатают постоянно. Еще у нее есть «добрый ангел» – Анна Тескова, чешская учительница и переводчица, с которой Цветаева переписывалась с 1922 по 1939 год. Она помогала, чем могла, – деньгами, одеждой. Письма Цветаевой к ней опубликованы в 2009 году отдельной книгой, читать эту жуткую летопись жизни задыхающегося от нищеты человека – сплошная мука...

Что ее поддерживало? Скорее всего, общение и переписка с такими же, как она, – «не от мира сего»: Андреем Белым, Борисом Пастернаком, Райнером Рильке...

В 1925 году у Цветаевой родился долгожданный сын – Георгий, которого она зовет Мур. Тогда же семья перебирается во Францию, скитается по беднейшим пригородам Парижа, борется за выживание. Ариадна помогает матери по дому, Эфрон чаще сидит без работы. Гонораров становится все меньше. У Марины Ивановны развивается малокровие. Бывает, семья живет на 5 франков в день, которые зарабатывала Аля вязанием шапочек. Спасали все те же «добрые ангелы»: Тескова, Анна Андреева (вдова Леонида Андреева), литературовед Святополк-Мирский, писательница Колбасина-Чернова, семья журналиста Лебедева...

К концу 20-х годов Сергей Эфрон примыкает к левой части евразийского движения, лидеры которого пытались наладить контакты с «оппозицией» в СССР (мистификация, блестяще разыгранная ГПУ, вошла в историю под названием «Операция «Трест». – Прим. авт.). Эфрон стал лояльнее к СССР, увлек

своими идеями Алю и Мура. Марина Ивановна больше не находит общего языка с мужем и дочерью. Эфрон устраивается в «Союз возвращения на родину», с 1931 года он – агент ОГПУ. Цветаева ничего не знает. Скандал с убийством разведчика-невозвращенца Игнатия Рейсса в Швейцарии осенью 1937 года, в котором был замешан Эфрон, оказался для нее катастрофой. В октябре Эфрон бежал, а вскоре обнаружился в Ленинграде (Аля уехала в СССР еще в марте 1937-го. – **Прим. авт.**). Цветаеву вызвали на допрос в полицию. Она была раздавлена: невпопад отвечала на вопросы, читала свои французские переводы стихов Пушкина... Следователи отпустили «эту полоумную русскую». Вскоре после этого Марк Слоним встретился с Цветаевой и был поражен тем, как она постарела. «Я обнял ее, и она вдруг заплакала, тихо и молча, я в первый раз видел ее плачущей, – вспоминал Слоним. – ...Меня потрясли и ее слезы, и отсутствие жалоб на судьбу... Я помню, как просто и обыденно прозвучали ее слова. «Я хотела бы умереть, но приходится жить ради Мура, Але и Сергею Яковлевичу я больше не нужна».

После бегства Эфрона от Цветаевой отвернулись все, кроме ее верных «добрых ангелов». Ее не печатали, с ней не общались, жить было решительно не на что. Она понимала, что выбора – нет: придется ехать к мужу. Она понимала, что писать она там не сможет, а ведь всегда говорила: «если я не смогу писать – умру». Перед самым отъездом из Парижа, узнав об оккупации Германией Чешского государства, она написала «Стихи к Чехии». Там есть строки, от которых – мороз по коже:

*О, черная гора,
затмившая весь свет!..
Пора-пора-пора
Творцу вернуть билет.
Отказываюсь – быть
В Бедламе нелюдей.
Отказываюсь – жить
С волками площадей.
...Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.
На твой безумный мир
Ответ один – отказ.*

Марина
Цветаева.
Рисунок
Ариадны
Эфрон.
1930-е годы

Так она чувствовала себя, возвращаясь на родину. Впрочем, ее родины больше не было. Как не было и ее любимой Москвы, которую она воспела, как никто другой. Красной России, куда вернулась Цветаева, она была не нужна. Белой России, жившей в парижских пригородах, она не нужна была тоже. Она все понимала: «Тоска по родине! Давно // Разоблаченная мороза! // Мне совершенно все равно – // Где – совершенно одинокой // Быть...» Что Россия, что Франция – все чужбина...

В Москве большинство прежних знакомых не рвались с ней общаться. Кто-то боялся, а кто-то, возможно, стыдился: немало коллег по цеху поливали ее грязью в передовицах, пока она была в эмиграции. Последние сочувствующие отшатнулись в 1939 году, после того как НКВД арестовало ее дочь и мужа. Она практически не пишет стихов: в 1940 году их появилось лишь девять, в 1941-м – два. «Если я не смогу писать – умру»... Ее жизнь превращается из кошмара – в ад крошечный.

«...это уже не я»

...18 августа 1941 года Марина Ивановна с Муром в группе эвакуированных приехали в Елабугу. 21 августа остановились в доме Бродельщиковых. 24 августа Цветаева едет в Чистополь, надеясь получить работу. 26 августа пишет заявление в Совет Литфонда: «Прошу принять меня на работу в качестве судомойки в открывающуюся столовую Литфонда». Работы нет. 28 августа возвращается в Елабугу. 31 августа... Биограф Цветаевой, Виктория Швейцер, расспрашивала Бродельщиковых об их квартирантке. «Она показалась им старой и некрасивой, – пишет Швейцер в книге «Быт и бытие Марины Цветаевой». – ...Одета была неважно... Дома все время носила большой фартук с карманом – «так в нем и померла», – говорит Анастасия Ивановна (Бродельщикова. – **Прим. авт.**)... Всех в тот день погнали аэродром чистить. Вместо Цветаевой сын пошел. Первой домой вернулась хозяйка. В сенах наткнулась на стул и удивилась: зачем тут стул? А подняв глаза, увидела повесившуюся квартирантку».

Марина Цветаева
с сыном Георгием
(Муром).
Фавьер, Франция.
1935 год

Одна из последних
фотографий
М.И. Цветаевой.
1939 год

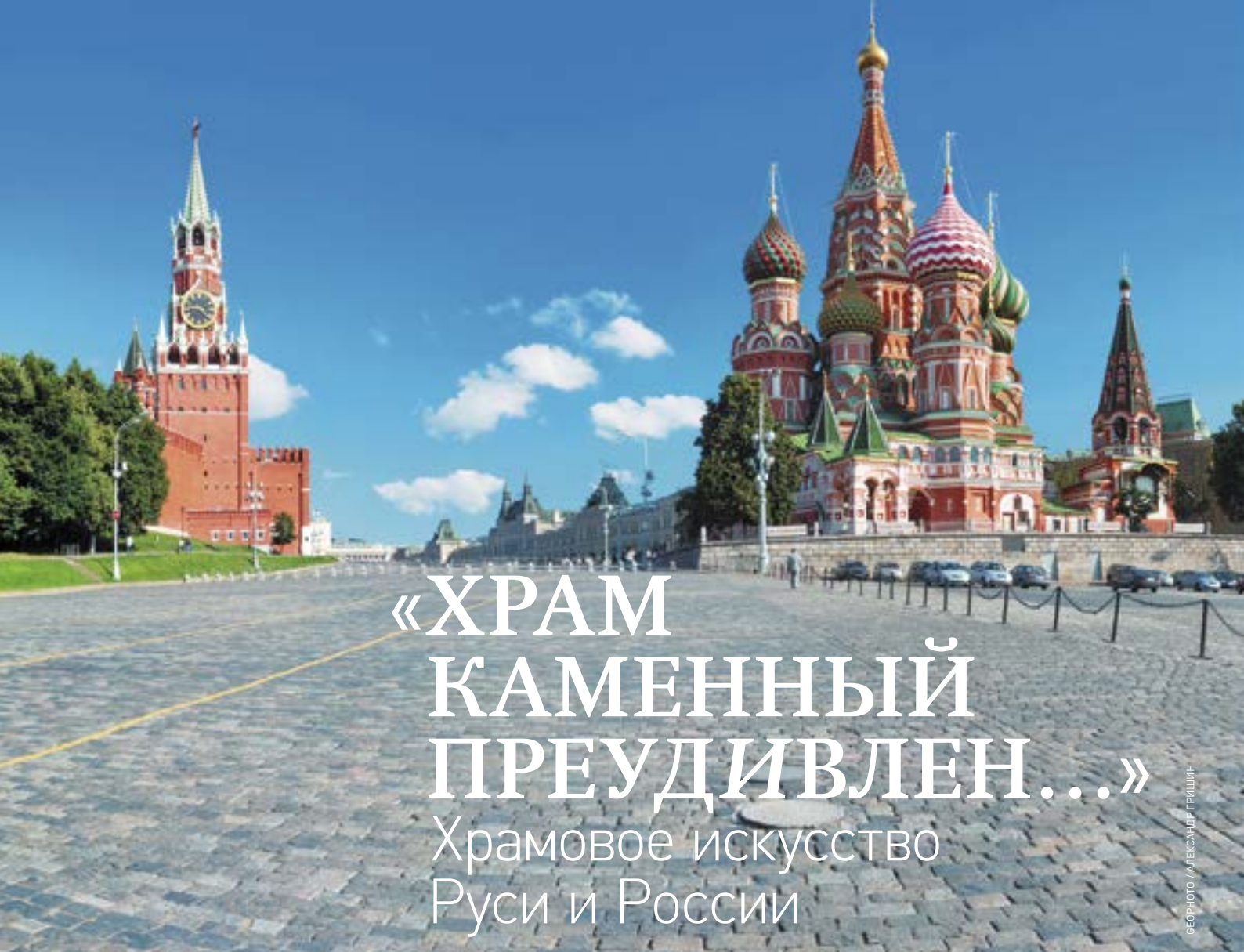
Цветаева оставила три предсмертных письма. Первое – сыну: «...Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. ...Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але – если увидишь – что любила их до последней минуты и объясни, что *попала в тупик*». Второе – милиции, в котором просит отвезти сына к поэту Асееву. Последние слова в нем: «Не похороните живой! Хорошенько проверьте». Третье – Асееву с просьбой позаботиться о Муре...

Ее похоронили 2 сентября 1941 года на Елабужском кладбище. На похоронах, по словам Бродельщиковых, никого не было. Точное место захоронения – неизвестно...

Вне времени

«Человек! Душа! Вдохновение!» Так Цветаева описала себя в 1919 году. Она только так и могла жить. Не интересовалась политикой, не участвовала в «общественной жизни», была беспомощной в быту. Свое творчество называла «заговором против века, веса, счета, времени, дробей». Стояла на том, что вся жизнь человеческая движется воображением: «...тот, кто вообразил полет человека, был предтечей авиации...» Она считала себя «защитником потеранных дел», настаивала, что поэт всегда должен быть с побежденными: «преследуемый всегда прав, как и убиваемый!» Утверждала, что слово есть высший подарок Бога человеку. «Но если есть Страшный Суд слова – на нем я чиста», – писала Марина Ивановна.

Как и все великие поэты, она не вписывалась ни в свое время, ни в жизнь окружающих ее людей. Как и всех великих поэтов, потомки ценят ее гораздо больше, чем ценили ее современники. «Время! Я тебя миную...» – это строка из ее стихотворения. Обещание свое она выполнила. ...Дом в Борисоглебском, где она прожила восемь лет, к счастью, уцелел. Здесь почти столетие назад шестилетняя девочка Ариадна, сидя за столом, выводила в тетради слова о своей маме: «...У нее светло-русые волосы, они по бокам завиваются. У нее зеленые глаза, нос горбинкой и розовые губы. У нее стройный рост и руки, которые мне нравятся». Запомним Марину Ивановну Цветаеву такой. 🍷

«ХРАМ КАМЕННЫЙ ПРЕУДИВЛЕН...»

Храмовое искусство
Руси и России

**АЛЕКСАНДР
КОПИРОВСКИЙ**

«БОЖИИМ БЛАГОВОЛЕНИЕМ И ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ МИЛОСТИЮ И ВСЕХ СВЯТЫХ МОЛИТВАМИ, ПОВЕЛЕНИЕМ БЛАГОЧЕСТИВАГО ЦАРЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕЯ РУСИ СОВЕРШЕНА БЫСТЬ СВЯТАЯ СΙΑ ЦЕРКОВЬ ПОКРОВ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ В ЛЕТА 7069 (1561) МЕСЯЦА ИЮНЯ 29 НА ПАМЯТЬ СВЯТЫХ И ВСЕХВАЛЬНЫХ ВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА В ЧЕСТЬ И СЛАВУ СВЯТЫЯ ТРОИЦЫ».

ЭТО – «ХРАМОЗДАННАЯ» НАДпись, сделанная крупными печатными буквами XVI века. Она идет по кругу внутри шатра Покровского храма-собора «на Рву». Сам же собор высится на Красной площади Москвы, рядом с Кремлем, напротив Спасской башни. Он был поставлен здесь (на месте возведенного чуть ранее из дерева и менее чем через год разобранный храм) в память о

взятии Казани – столицы могущественного ханства, грозившего России и через столетия после окончания татаро-монгольского ига.

Правда, храм Покрова Богородицы вошел в историю под другим именем. Он стал «храмом Василия Блаженного». Этот почитаемый московский святой, современник Ивана Грозного и, соответственно, постройки собора (на который он, по преданию, помогал собирать деньги), был погребен под его папертью. Затем над местом погребения был возведен придел, ставший частью собора, из-за чего весь собор «переименовал имя», а точнее, присоединил к двум основным (Святой Троицы и Покрова) еще одно.

Фактически собор состоит из разных храмов, архитектура которых сводится к трем видам: шатровому, башенным большим и башенным малым. Все они объединены использованием единого композиционного приема «восьмерик на четверике» – это значит, что восьмигранник ставится на кубическое основание. Но объемы помещений разные, да и сочетания их необычны. В центральном храме, например, использованы четверик, 2 восьмерика и шатер; в больших приделах – четверик и 2 восьмерика; в малых – четверик и восьмерик (хотя в последнем случае они и не видны снаружи). В результате создается целостный ансамбль, со-

ХРАМ ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО

стоящий из похожих и, в то же время, своеобразных элементов. Как пишет один из основных исследователей собора, А.Л. Баталов, «подобие и различие, единство и обособленность – примирение этих противоречивых начал становится главной темой в архитектуре собора и отвечает основной идее его программы».

В наш список семи чудес России этот собор входит столь же бесспорно, как храм Покрова на Нерли и «Троица» Андрея Рублева, а по популярности значительно превосходит их. Во всяком случае, на конкурсе, организованном в 2007–2008 годах газетой «Известия», телеканалом «Россия» и радиостанцией «Маяк», он вошел в семерку всероссийских чудес, тогда как храм на Нерли и рублевская икона этой чести не удостоились. Дерзнем ска-

зать, что в перечне победителей, деликатно составленном в алфавитном порядке, он должен был бы стоять на первом месте. Потому что рукотворных созданий в списке помимо него лишь два – ансамбль Петергофа и Мамаев курган с монументом «Родина-мать зовет!». Эти архитектурно-скульптурные комплексы при всем их значении трудно уравнивать со знаменитым собором, одним из символов России во всем мире. Остальные же чудеса – творения не человека, а природы (озеро Байкал, Долина гейзеров на Камчатке, Столбы выветривания в Республике Коми и гора Эльбрус в Карачаево-Черкесии). Не вдаваясь в оценку конкурсного принципа, позволяющего смешать в одном списке то и другое, обратимся к самому собору – прекрасному, загадочно-му и... странному.

Хаос или «космос»?

Перечислим для начала некоторые наиболее яркие впечатления от храма Василия Блаженного. Первенство здесь принадлежит Наполеону. Незадачливый завоеватель Москвы назвал его... «мечетью». Далее идут суждения специалистов: «образчик затейливого каприза, воспитанного татарским влиянием» (немецкий историк искусства середины XIX века Франц Куглер, профессор Берлинской Академии художеств); «воспоминания... индийской архитектуры» (Эжен Виолле-ле-Дюк, французский архитектор второй половины XIX века); «смешение архитектурных стилей... созданное в минуту какого-то гениального сумасбродства» (польский историк начала XX века Казимир Валишевский). А вот образные высказывания туристов: «чудище», «колоссальное растение», «группа крутых скал», «сцепление сталагмитов», «здание из облаков, причудливо окрашенных солнцем», «гигантское кондитерское изделие». Наконец, последнее, самое свежее и самое скромное впечатление туристки из Австралии (лето 2011 года): «похож на пирог»... Для полноты картины приведем развернутое и, пожалуй, наиболее живое и яркое высказывание об этом храме, принадлежащее 20-летнему юноше: «...за самой стеной, которая вправо спускается с горы и оканчивается круглой угловой башней, покрытой как чешуей зелеными черепицами; немного левее этой башни являются бесчисленные куполы церкви Василия Блаженного, семидесяти приделам которой (запомним эту цифру! – А.К.) дивятся все иностранцы и которую ни один русский не потрудился еще описать подробно.

Она, как древний Вавилонский столп, состоит из нескольких уступов, кои оканчиваются огромной, зубчатой, радужного цвета главой, чрезвычайно похожей (если простят мне сравнение) на хрустальную граненую пробку старинного графина. Кругом нее рассеяно по всем уступам множество второклассных глав, совершенно не похожих одна на другую; они рассыпаны по всему зданию без симметрии, без порядка, как отросли старого дерева, пресмыкающиеся по обнаженным корням его.

Икона Святого
Василия
Блаженного

ХРАМ ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО

...Каждый придел раскрашен снаружи особенною краской, как будто они не были выстроены все в одно время, как будто каждый владетель Москвы в продолжение многих лет прибавлял по одному, в честь своего ангела.

Весьма немногие жители Москвы решились обойти все приделы этого храма. Его мрачная наружность наводит на душу какое-то уныние; кажется, видишь перед собою самого Ивана Грозного...

Эти впечатляющие строки взяты из школьного сочинения под названием «Панорама Москвы». Написано оно было в 1834 году. Имя юного автора скромно стоит на последней странице: «Юнкер Л.Г. (лейб-гвардии) Гусарского Полка Лермантов». Опечатки здесь нет. Именно так подписывался уже тогда известный, а в будущем названный великим, поэт Михаил Юрьевич Лермонтов.

С классиком русской литературы спорить трудно. Да и зачем? Разве не сходно с его впечатлением, пусть без столь изысканных выражений, то, которое бывает у многих из нас сегодня? Значит, перед нами не «космос», то есть гармоничный, прекрасный (от греч. kosmos – «украшаю»), устроенный свыше мир, а хаос, взрыв свободной фантазии? Что-то подобное увидел в нем и таким выписал на холсте в 1913 году представитель тогдаш-

Аристарх Лентулов.
Василий Блаженный.
1913 год

Собор Покрова
на Рву. Гравюра из
книги Адама Олеария
«Путешествие в
Московию, Персию
и Индию». По рисунку
1630-х годов

него авангарда художник Аристарх Лентулов. Современные постмодернисты, наверное, могли бы признать собор образом любимого ими «хаосмоса» – состояния среды, объединяющего оппозицию «хаос-космос» и порождающего самые разные смыслы при отсутствии всякого внешнего порядка, – если бы не упразднили само понятие «образ»...

Но давайте выслушаем человека, которого трудно заподозрить и в любви к беспорядку, и в симпатиях к русской церковной архитектуре, – немецкого естествоиспытателя первой половины XIX века Иоганна Генриха Блазиуса, посетившего Россию в 1840 году. Это он вначале принял собор на Красной площади за группу скал или колоссальное растение. Но вот что открылось ему потом: «Только взобравшись наверх, начинаешь малопомалу понимать, что все части хра-

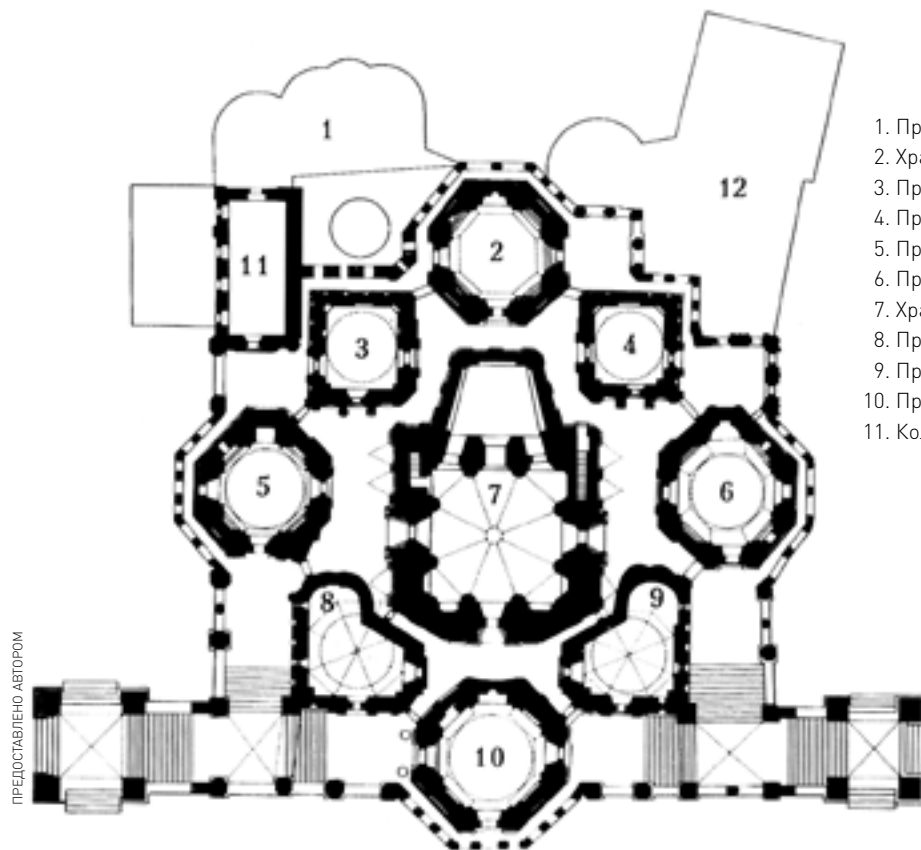

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ма расположены симметрично, что четыре большие башни стоят вокруг среднего, главного здания правильно, соответственно сторонам света... что в их промежутках расположены меньшие башни; что четыре пирамидальные башенки на западной стороне точно так же размещены симметрично и покрывают крыльчатые входы.

И – закономерный финал: «Вместо запутанного нестройного лабиринта это ультранациональное архитектурное произведение являет полный смысла образцовый порядок и правильность» (!). В устах педантичного немца такая оценка, бесспорно, – высшая похвала. И так, как это ни обидно, придется признать: Блазиус раньше всех, в том числе и русских, увидел, что наш собор – «ультранациональный» и что он – «космос», а не хаос. Приглядимся теперь к нему внимательнее.

ХРАМ ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО

1. Придел Святого Василия Блаженного
2. Храм Святой Троицы
3. Придел Трех Патриархов
4. Придел Святого Александра Свирского
5. Придел Святых Киприана и Иустины
6. Придел Святого Николы Великоорецкого
7. Храм Покрова Богородицы
8. Придел Святого Григория Армянского
9. Придел Святого Варлаама Хутынского
10. Придел Входа Господня в Иерусалим
11. Колокольня

купола расположены так же. А в середине XI века в центре Венеции византийские мастера возвели знаменитый собор Святого Марка – и там главы поставлены не по диагонали, а «крестом». Значит, 4 больших главы храма Василия Блаженного, стоящие таким же образом вокруг главного шатра, тоже восходят к традиционному для византийских и русских храмов пятиглавию, и здесь: $1 + 4 = 5$.

Не принимаем в расчет небольшой низкий купол слева от алтаря – это главка придела над мощами святого Василия Блаженного, он появился здесь позже, в 1588 году. Точно так же придется исключить из него и шатровую колокольню, построенную в 1683 году вместо прежней звонницы справа от алтаря. И тогда оказывается, что впечатление невероятного, непостижимого многоглавия достигнуто простым соединением двух традиционных пятиглавых храмов, как бы вставленных один в другой. При этом глав получается, конечно, не 10, а 9 – центральный шатер «работает» на оба пятиглавия. Итак, куполов на храме Василия Блаженного 9? Не совсем. Рисунки, сделанные иностранцами, а также древние описи собора позволяют уверенно сказать, что куполов здесь было не просто больше, а гораздо больше. Снаружи по периметру главного шатра располагалось 8 (!) совсем маленьких главок. Но и это не всё. Еще 4 такие же главки стояли вокруг самого большого придела, находящегося в центре западного фасада собора – прямо напротив Спасской башни. Увы, при ремонте 1780-х годов они были разобраны – видимо, эпохе классицизма этот лес куполов ($9 + 8 + 4 = 21!!!$) показался «архитектурным излишеством». А жаль... Интересно, что бы сказал, увидев собор таким, Блазиус?

1 + 4 + 4 = ... 10?

Посмотрим на собор сначала сверху, с куполов. И зададимся прежде всего простым вопросом: сколько их? В центре ансамбля – высокий (46 метров от пола) шатер, увенчанный небольшой золотой главкой с крестом. А вокруг... Купола невероятно узорчатые, пестрые, один – как будто поделенный на дольки, другой – в косую клетку, третий – покрытый горизонтальными узорными полосами, четвертый – с какими-то пупырышками наискось. Может быть, и правда – татарско-индийское влияние? Как разобраться? А уж сосчитать их, кажется, совершенно невозможно!

Но, во-первых, у нас есть немецкая подсказка: в храме все в «космическом» порядке. Значит, произвольное нагромождение куполов исключается, это всего лишь сознательно подготовленный создателями храма обман зрения. Представим их читателю, кстати: русские, Барма и Пончик. В науке, правда, нет единого мнения, два это человека или один. Существуют основательные предположения, что строительство также не обошлось без итальянцев: слишком многие архитектурные детали несут на себе печать их строительного искусства. Во-вторых, узорные главы – не изначальны, они в конце XVI века заменили пострадавшие при пожаре значительно более

строгие и более скромные «шлемы». Посчитать их было легче. Но все-таки – как это сделать сейчас, откуда начать?

Начнем от главы над центральным шатром. А потом, вспомнив, как ставились главы в более древних храмах (хотя бы в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря, которым мы занимались в предыдущих номерах) – наискось, по углам главного подкупольного квадрата, – применим тот же принцип к собору Покрова на Рву. И не ошибемся. Если встать спиной к Спасской башне и смотреть на храм с запада на восток, от главного входа к алтарю, сразу видно, что вокруг основного шатра по диагоналям стоят 4 маленьких главы на низких барабанах, под которыми расположены три ряда полукруглых кокошников «впоребежку». Представим себе на мгновение, что больших, стоящих рядом с ними глав нет. И вот, перед нами пятиглавый храм, отличающийся лишь резко повышенной центральной частью: $1 + 4 = 5$.

А теперь посчитаем остальные, большие купола. Их тоже всего 4, и расположены они, как правильно заметил Блазиус, по сторонам света. Но и здесь это не уникальное решение. Еще в V веке в греческом городе Эфесе был построен огромный храм-базилика в честь апостола Иоанна Богослова, где

Продолжение – в следующем номере.

ПОСЛЕДНИЙ ФЕЛЬДМАРШАЛ

**МИХАИЛ
БЫКОВ**

10

ИЮЛЯ 2011 ГОДА ИСПОЛНИЛОСЬ 195 лет со дня рождения Дмитрия Алексеевича Милютина. В ноябре стукнет 150 лет с того дня, как находившийся в поиске «младореформаторов» Отечества император Александр II назначил Милютина военным министром. Это ли не поводы вспомнить о человеке, сыгравшем в судьбе страны весьма заметную роль. Но куда важнее другое. Принято думать, что реформа военного ведомства, затеянная Милютиным в 1861 году, была не первой в нашей армии. И – не последней. У нас и сейчас реформа – многолетняя, дорогая, противоречивая и малопонятная. Лишний раз вспомним труды Дмитрия Алексеевича, и, глядишь, сегодняшний процесс легче пойдет.

МОРСКОЙ МИНИСТР РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ II АДМИРАЛ КРАББЕ ОХАРАКТЕРИЗОВАЛ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА ТАК: «СЕГОДНЯ ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ... САМ БРОСАЛСЯ НА ПРОТИВНИКА, ДА ТАК, ЧТО БЫЛО ЖУТКО. ЗУБАМИ В ГЛОТКУ И ЧЕРЕЗ ХРЕБЕТ. СОВСЕМ ЛЕВ». А ВОЕННЫЙ ИСТОРИК КЕРСНОВСКИЙ ПИСАЛ: «ВОСПИТАННИК ЧАСТНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПАНСИОНА И МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ОН, ИМЕЯ ВОЕННЫЙ УМ, НЕ ИМЕЛ ВОЕННОЙ ДУШИ, ВОЕННОГО СЕРДЦА, СТРОЕВОЙ ЖИЛКИ... СООБЩЕННЫЙ ИМ РУССКОЙ АРМИИ «НЕСТРОЕВОЙ» УКЛАД НЕ ПРИНЕС ЕЙ СЧАСТЬЯ».

ВОТ И ПОДИ ПОЙМИ, КАКИМ БЫЛ РЕФОРМАТОР РУССКОЙ АРМИИ ФЕЛЬДМАРШАЛ МИЛЮТИН.

Строго говоря, армейских реформ в России за триста с лишним лет существования регулярной армии было всего... И тут первый сюрприз: одна-одинешенька! Не считая нынешней, вялотекущей.

Назвать реформой то, что сделал с армией Петр Великий, не совсем верно. Он не реформировал, он

создавал заново. И хотя не стоит, наверное, считать войска Ивана Грозного или царя Алексея Михайловича «любительскими» формированиями, все ж таки армией в полном смысле слова они не были. Присутствовал сильный милицейский элемент в виде дворянской конницы, отсутствовало кадровое

офицерство, но, прежде всего, – не имелось никакой военной науки. Во второй половине XVIII века модернизацией отдельных видов войск занимались граф Шувалов, граф Румянцев-Задунайский. Конечно, внес много нового в подготовку армии в целом и солдата в частности князь Суворов-Италийский. «Встряхнул» гвардию на гатчинский манер император Павел I. Но даже активную модернизацию реформой назвать нельзя. Превращение русской армии империи в Красную армию Советов тоже не реформа. По той причине, что с осени 1917 по лето 1918 года у нас армии вовсе не было. Старая самоуничтожилась не без помощи Временного правительства и всяческих петросоветов. РККА возникла на ее обломках. И поначалу регулярную армию напоминала едва-едва.

Вот и получается, что армию реформировали единственный раз – при военном министре Милютине в 1861–1881 годах. А мы сегодня даже плохо представляем себе, кто он такой – этот Дмитрий Алексеевич.

Милютин родился в Москве, в семье дворянской, но скромной. К началу XIX века древний сербский род обеднел, если не сказать – разорился. Отец Дмитрия, еще трех братьев и сестры пускался в различные предприятия, но безуспешно. О былом величии рода напоминал Милютинский переулок в Москве, названный так в честь деда будущего фельдмаршала. Переулок сохранил название по сей день.

Милютин-отец удивил Первопрестольную не успехами в делах, а жеманством. Весь свет не мог понять, что нашла в этом «Несчастливцеве» дочь генерала Киселева, чьи предки служили великим князьям да царям, начиная с Владимира Мономаха. Но – нашла! Впоследствии происхождения, родство и связи матери сослужили юному Дмитрию Милютину добрую службу.

Идти на военную стезю юноша не мечтал. Получил хорошее домашнее воспитание, поступил в Благородный пансион при Московском университете. Учился там, к слову, в те же годы, что и Михаил Лермонтов. И, как Лермонтов, резко изменил интересы, в 1833 году выехал в Петербург, где подался в армию.

Милютинский переулок в Москве, названный в честь деда фельдмаршала. Начало XX века

В офицерах

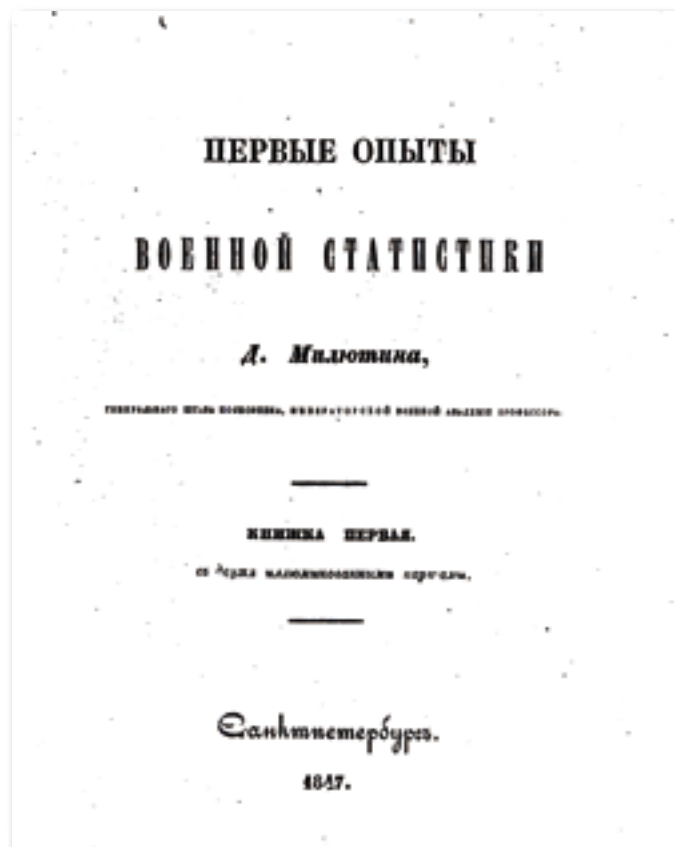
Правда, в отличие от Лермонтова, которому за умонастроения было «рекомендовано уйти», Милютин пансион окончил, военное образование решил получать непосредственно в строевой части. А именно – фейерверкером (унтер-офицером) 2-й роты 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригады. Спустя полгода сдал экзамен и получил офицерский чин прапорщика.

Недоброжелатели и особенно поздние критики Милютина часто упирали на то, что Дмитрий Алексеевич – штабной, с точки зрения строевых офицеров, почти «шпак» (гражданский. – Прим. авт.). Откуда, мол, ему было знать армию? Потому и реформы его – сплошные указы да циркуляры. Бюрократия, в общем. Отчасти оно, конечно, верно. Первые два года службы Милютин провел в бригаде, а потом поступил в Императорскую военную академию. Через год окончил ее с малой серебряной медалью. Стоял при штабе Гвардейского корпуса, служил в Генеральном штабе. С 1836 года начал сотрудничать с «Военным журналом», «Отечественными записками», редакциями Академии наук, готовившими к печати энциклопедические издания. Уже тогда в Петербурге отметили широкую эрудицию и научный подход молодого офицера к любой проблеме. Прошло слишком мало времени, чтобы кто-нибудь успел догадаться о появлении в стране новой науки. Отцом ее стал поручик Генерального штаба Милютин,

опубликовавший работу «Первые опыты военной статистики». Известность ему принесла статья «Суворов как полководец», напечатанная в «Отечественных записках» в 1839 году. Это была первая в России попытка осмыслить суворовский гений в рамках, так сказать, научно-популярного исследования. «Суворов стоял выше своего века», – резюмировал автор. Кстати, эта статья послужила формой для отливки в 1852–1853 годах монументального милютинского труда «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году». За эту работу Дмитрий Алексеевич получил звание доктора истории Петербургского университета, почетного члена Академии наук и Демидовскую премию. Но это – позже. А пока в Петербурге читали «Суворова», сам Милютин отправился на Кавказ. Да не в ссылку, а по доброй воле.

Кавказская война длилась уже два десятка лет. Сотни русских офицеров приняли в ней участие. Кто ехал в горы в наказание, кто – по авантюристичности характера, а кто – из карьерных соображений и за орденами. Последних армейцы, тянувшие лямку на Кавказской и Черноморской линиях в обыкновенных полках, называли «фазанами».

В рапорте Милютина с просьбой об откомандировании в Кавказскую армию значилась такая причина: для приобретения военных познаний и опытности...

Первый опубликованный научный опыт поручика Милютин

Главный научно-исторический труд Д.А. Милютин, посвященный истории войны России и Франции 1799 года

На Кавказе

В 1839 году имам Шамиль был в силе. Его мюриды вкупе с большинством местного населения бились с русскими солдатами отчаянно и дерзко. Стало ясно, что мелкими стычками, охраной коммуникаций, «зачистками» и уничтожением аулов с отрядами Шамиля не справиться. Решили провести крупномасштабную агрессивную операцию. Милютин определили на штабную должность обер-квартирмейстера Чеченского отряда. Но штабы на Кавказской войне были понятием условным. Отряд находился в походе и штаб – при нем. В первом же крупном бою в урочище Ахмат-Тала столичный офицер получил пулевое ранение в плечо. Сви-нец задел кость. Но Милютин после перевязки остался в строю. Во время многомесячной экспедиции он принял участие в нескольких серьезных сражениях, в том числе во взятии сильно укрепленного горного аула Ахульго, где оборонялся сам Шамиль с тысячами сторонников. Аул взяли, но Шамиль с телохранителями ушли. В конце августа 1839 года отряд вернулся в крепость Внезапную.

В Петербург понеслись курьеры с почтой. А в почте – рапорты. А в рапортах – представления к наградам. В столицу Милютин вернулся уже капитаном и кавалером орденов Святого Владимира 4-й степени и Святого Станислава 3-й. Место службы ему определили в штабе 3-й гвардейской пехотной дивизии. Но Милютин выхлопотал себе отпуск по ранению и отправился в Европу. Отдыхал, путешествовал и изучал постановку военного дела во Франции, Англии, Пруссии, Австрии... В тех странах, что потенциально были нашими главными соперниками. Следующая командировка на Кавказ случилась в 1843 году. На сей раз – в должности обер-квартирмейстера войск Кавказской линии и Черноморья и под командой генерала Гурко. Сегодня многие люди путают слова «квартирмейстер» и «квартирьер». Ни то, ни другое к работе риелторов отношения не имеет. Но меж собой различаются весьма серьезно. Если квартиррьер в армии занимался поиском жилья для постоя, то квартирмейстер отвечал за оперативную работу штабов.

Третья, и последняя, поездка в действующую армию на Кавказ пришлось на осень 1856 года. Милютин, уже генерала, назначили начальником Главного штаба кавказских войск. Его непосредственным начальником оказался князь Барятинский. Впоследствии фельдмаршал Барятинский стал для Милютин и добрым, и злым гением. По рекомендации князя император Александр II сделал Дмитрия Алексеевича военным министром. Из-за сверхконсервативной позиции князя по военным вопросам естественное сопротивление милютинским реформам приобрело силовой характер. Но на Кавказе командующий и начштаба жили дружно и работали рука об руку. А когда между планированием и исполнением нет системного конфликта, желаемый результат не заставляет себя ждать. В конце 1859 года пал аул-крепость Гуниб. Шамиля взяли в плен. Остатки мюридов рассосались по ущельям. Кавказская война кончилась. Спустя год Милютин проводили в Петербург. Генерал-лейтенантом, кавалером орденов Святой Анны

Третий имам
Чечни и Дагестана
Шамиль

1-й степени, Святого Владимира 2-й степени, Белого орла с мечами.

Помимо сугубо военной работы, которую Дмитрий Алексеевич ежедневно выполнял в Главном штабе кавказских войск, он впервые получил возможность апробировать накопившиеся идеи по изменению положения дел в армии на практике. Шутка ли, под ружьем на Кавказе во второй половине 50-х годов XIX века находилось более 200 тысяч солдат и офицеров. Серьезный масштаб для экспериментов.

Не все предложения осуществились. Но Милютину удалось отработать все важные направления армейской жизни: от стрелковой подготовки строевых частей до интендантства и санитарно-медицинской службы. Пришлось генералу вникать и в административно-гражданские вопросы. Выстраивать систему отношений «армия–флот», что когда-то успешно служила Суворову и Ушакову. Даже к преобразованию Черноморского и Гребенского казачества приложил руку. Как раз с этой руки началась у нас история Кубанского и Терского казачьих войск.

В министерстве

С таким солидным и полезным багажом генерал Милютин прибыл в Петербург и получил должность товарища военного министра. То есть зама. С министром, правда, не повезло. Еще сидел в кресле сторонник старой николаевской армии генерал Сухозанет. Но это полбеды, что сторонник. Неучем был генерал – вот беда! Таких в русской армии середины XIX века хватало с избытком. Прапорщики и поручики Отечественной войны 1812 года не слишком нуждались в геометрии и физике, статистике и географии. Линейный строй боя, довольно примитивная артиллерия, «штык-молодец» желанию знать лишнее не способствовали. Если гвардия пополнялась элитной молодежью, получавшей приличное образование в семьях, а потом – в лучших, но немногочисленных специальных учебных заведениях вроде Пажеского корпуса, Николаевской кавалерийской школы, Михайловского артиллерийского и Михайловского инженерного училищ, то армейское офицерство после кадетских корпусов росло и мужало в ротах родных

полков в далеких гарнизонах. Некоторые прапорщики и поручики 1812 года к царствованию Александра II выслужились в полные генералы. Сам Александр по этому поводу выразился замечательно: «Мой папа был гений и мог позволить себе роскошь окружать свой трон остолопами». Эта роскошь обернулась серьезными неприятностями во время Восточной войны. Русский солдат и обер-офицер по обыкновению воевали честно и храбро. Но генералы-остолопы частенько этому препятствовали. Тем, что не озаботились вовремя заняться перевооружением армии, не утруждали себя вопросами снабжения и обеспечения, не горели желанием придумывать и продумывать боевые операции, целиком полагаясь на доблесть солдатскую.

Чтобы выиграть войну у англо-турецко-французско-пьемонтской коалиции, одной доблести не хватило. Правда, благодаря ей удалось эту войну проиграть чуть-чуть. На следующий раз могло выйти и хуже. Это понимал Милютин. Это понимал Александр II.

В ноябре 1861 года генерал-адъютант (придворное звание, приравненное к званию генерал-лейтенанта. – Прим. авт.) Дмитрий Милютин указом государя становится военным министром империи.

Первые недели генеральская каста и придворные еще не могли разобраться, что задумал этот 45-летний умница и выскочка. В министерстве шли совещания, работали подготовительные комиссии, шастали эксперты, свет гасили лишь поздней ночью. Ясность наступила в конце января 1862 года, когда на стол императора легла программа преобразований. На титульном листе было начертано: «Совершенно согласно с моими давнишними желаниями».

Далеко не все из того, что было «давнишними желаниями» Александра II, оказалось реализовано. Сам Милютин не раз признавал, что реформы имели половинчатый характер. Впрочем, подобную оценку можно дать практически всем реформам царя-освободителя, не только военной.

При этом нужно определиться с собственным к этому отношением. Кто – за пессимистов, а кто – за оптимистов. У кого стакан напо-

ловину пуст, а у кого – наполовину полон. Мне кажется, не было еще в истории человечества ситуации, когда что-то было сделано идеально и привело к таким же идеальным последствиям. Тот же Керсновский был глубоко убежден, что штабист-бюрократ Милютин провел реформу, которая спустя тридцать-пятьдесят лет разрушила русскую армию. А генерал и ученый Драгомиров считал, что армия по-милютински – это будущее русских вооруженных сил. Кто-то думает, что грамотный солдат и офицер-разночинец стали тем бульоном, в мутной водичке которого старая армия и утонула в начале XX века. Недаром еще в годы Первой русской революции усмирять рабочих отправляли лишь казачьи полки да гвардию. А кто-то уверен, что армию в Первой мировой войне погубили остолопы-генералы, с которыми первым начал бороться Дмитрий Милютин.

Но давайте посмотрим на сами реформы.

Посреди реформы

Первое, на чем настаивал новый военный министр, – это отказаться от громоздкой армии полного штата, пожирающей значительную часть бюджета государства независимо от того, есть война или ее нет. Но переход на мобилизационную систему требовал радикальных изменений в вопросе солдатского набора. Если нижний чин служит 25 лет, иначе говоря – всю жизнь, то куда его девать из полка в годы мира? Рекрут в запас не уходит.

Пожалуй, это две главные составляющие реформы. Милютин разделил территорию страны на военные округа. По мобилизационному плану там, в округах, и должны были разворачиваться части и соединения на базе кадровых и запасных полков в случае войны. Второе – отказ от рекрутского набора и переход на всеобщую воинскую повинность. Соответственно, сокращался и срок службы: шесть лет в армии и семь лет во флоте.

Остальные нововведения вытекали из этих двух пунктов. Перевооружение и перевооружение войск, создание современной военной промышленности, строительство

Кавалер ордена
Святого Георгия
2-й степени генерал
от инфантерии
Д.А. Милютин

броненосного флота, выпуск специализированных военных изданий, в первую голову – газеты «Русский инвалид», открытие офицерских собраний и офицерских экономических обществ. Особая статья – военное образование. При Милютине исчезли кадетские корпуса и появились военные гимназии и юнкерские училища, изменилась учебная программа элитных военных училищ и военных академий. Даже если бы все эти планы остались на бумаге, а Дмитрию Алексеевичу удалось бы «пробить» лишь один пункт, он все равно оказался бы достоин светлой памяти в Отечестве. Милютин добился отмены телесных наказаний в армии. Ушли в прошлое шпицрутены, клеймение, кандалы. Зуботычины, конечно, остались. Но – на совести отдельных офицеров-держиморд и неисправимых старых унтеров.

Реформы понравились не всем. Князь Мещерский писал, что из-за них дворянство потеряло привилегии, данные еще при Екатерине Великой. Служить или нет – для представителей высшего сословия было вопросом личного выбора. Теперь – либо учиться на офице-

ра, либо – в университет, либо – в строй.

Между прочим, об университетах. Милютин стал автором первых в России законных армейских отсрочек. Уже при нем люди с высшим образованием от службы освобождались или шли вольноопределяющимися. Он же первым на официальном уровне поднял проблему бесплатного солдатского труда: «Солдат должен учиться военному делу, а не дома начальству строить». Прозорлив был Дмитрий Алексеевич, ничего не скажешь. У полковых и дивизионных командиров отобрали не только солдатские рабочие руки, но и деньги. Раньше полковой командир единолично владел полковой кассой. И как тут не красть, как обидеть себя любимого? После реформы изменились принципы финансирования частей и соединений. Кому такое понравится?

Князю Мещерскому вторил бывший покровитель Милютина князь Барятинский. Неверный курс реформы фельдмаршал объяснял тем, что военный министр излишне либерален по своим взглядам, тяготеет к людям с высшим обра-

зованием, к литераторам и прочим инженерам человеческих душ. И тяготится общества титулованного, аристократического. В этом, к слову, князь был абсолютно прав. Милютин любил общество умных людей. Довольно часто встречался с Тургеневым, Некрасовым, с интересом наблюдал за Чернышевским. Дмитрий Алексеевич продолжал заниматься научной и исторической литературой, бывал на писательских посиделках, принимал интеллектуалов у себя. Приемов и балов в Зимнем дворце, обязательных императорских завтраков в Ливадии на отдыхе старался избегать. Дело тут, думается, не в отсутствии любви к аристократии, к коей через мать принадлежал и сам. Военный министр был чрезвычайно ограничен во времени и мог тратить его только на полезные, с его точки зрения, дела. Кроме того, в светских салонах и императорских покоях встречалось слишком много тех, кто видел в военной реформе более вред, нежели толк.

Во второй половине царствования Александра II реформаторский пыл царя стал угасать. Можно ли винить в этом человека, рьяно взявшегося за преобразования и в обмен на это ставшего объектом систематических покушений?

В правительство пришли люди консервативные, и Милютин оказался в меньшинстве. Хотя и считал себя вовсе не либералом, а последовательным защитником престола. Убежденный монархист, он хотел прогресса, но не переворота. Возможно, все обернулось бы сворачиванием военной реформы, а то и откатом к прежним ценностям. Но несчастье помогло – грянула последняя русско-турецкая война. Трудно утверждать, что именно нововведения привели армию к победе. Тем более что победа досталась куда большим трудом и кровью, чем предполагалось. Сам Милютин, семь месяцев находившийся в действующих войсках, заявлял однозначно: «Вот он – новый русский солдат! Солдат Александра Второго!»

Реформа уцелела. Охранной грамотой явилось взятие Плевны. Как известно, три штурма ключевого турецкого укрепления, открывавшего

Крым. Симеиз. Имение графа генерал-фельдмаршала Д.А. Милютина, в котором он прожил последние двадцать лет жизни

путь в южную Болгарию и далее – к Константинополю, оказались без-успешными. На военном совете с участием государя склонились было к тому, чтобы свернуть кампанию и отступить за Дунай. Милютин был единственным, кто выступил против. Горячо и убедительно выступил. Царь поверил министру. Плевну взяли. Войну выиграли. После этого факта давление на Милютина несколько ослабло. А он получил орден Святого Георгия 2-й степени, стал шефом 121-го Пензенского пехотного полка, чуть позже, в сентябре 1878 года, – графом.

В свое время князь Барятинский советовал императору произвести военного министра в графское достоинство, чтоб не слишком чурался знати. Милютин и рад был бы чураться – да куда там! После войны он стал членом Государственного совета и, по сути, правой рукой государя в вопросах внешней политики. А внешняя политика при монархах – это сплошные герцоги, князья, графы и бароны.

Весной 1881 года очередное, 14-е по счету покушение на Александра II оказалось результативным. На престол взошел Александр III. Начались, как писали в советских учебниках, годы реакции. Сейчас склонны думать, что годы стабильности. В любом случае, если при новом царе Россия чего и не делала, так это не воевала.

В Крыму

Милютин был умным и опытным человеком. Уже в мае 1881 года он подал в отставку, которая была принята. Генерал от инфантерии, кавалер ордена Андрея Первозванного отбыл в собственное крымское име-

ние в Симеиз. Где и прожил оставшиеся ему двадцать лет. Обычно добавляют – в одиночестве и всеми забытый.

К Дмитрию Алексеевичу это не относится. В браке с Натальей Михайловной, урожденной Понсэ, он прожил счастливо... 69 лет. Они воспитали шестерых детей. В симеизском имении отставника часто навещали многочисленные коллеги и ученики, бывали Иван Аксаков, Айвазовский, Миклухо-Маклай. Он собрал отличную компанию неодоушевленных, но духовных друзей – библиотека графа была одной из лучших в России, по завещанию вместе с архивом она перешла в фонды Николаевской академии Генерального штаба. Милютин вел обширную переписку, публиковался, писал «Воспоминания», несколько лет после отставки консультировал руководителей страны. Будучи глубоким стариком, он все еще давал дельные советы. Например, о необходимости создания военного автомобильного парка.

Дмитрий Алексеевич Милютин умер зимой 1912 года, через три дня после кончины Натальи Михайловны. По всей русской армии был объявлен траур.

На высшем государственном уровне о нем и раньше время от времени вспоминали. В 1898 году по случаю открытия памятника Александру II внук его император Николай II пригласил графа Дмитрия Алексеевича в Москву и поздравил с производством в чин генерал-фельдмаршала. Более это звание в России не присваивалось никому.

Может, и хорошо? Обычно фельдмаршалы появляются, когда не реформа идет, а война. ■

РУССКИЙ ШЕРЛОК ХОЛМС

АЛЛА
БЕРЕЗОВСКАЯ

ОДНО ИМЯ ЭТОГО СЫЩИКА ПРИВОДИЛО В УЖАС ВОРОТИЛ КРИМИНАЛЬНОГО МИРА. ИМЕННО ОН СОЗДАЛ ПЕРВУЮ В РОССИИ УНИКАЛЬНУЮ ПО ТОЧНОСТИ КАРТОТЕКУ ПРЕСТУПНИКОВ И РАБОТАЛ ОСОБУЮ СИСТЕМУ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ, ВЗЯТУЮ ЗАТЕМ НА ВООРУЖЕНИЕ СКОТЛАНД-ЯРДОМ. В НАЧАЛЕ XX ВЕКА АРКАДИЙ КОШКО БЫЛ ЛИЧНОСТЬЮ ЛЕГЕНДАРНОЙ.

ЕСЛИ О ВРЕМЕНИ РАБОТЫ генерала Кошко в Москве (1908–1917), когда Аркадий Францевич возглавлял сыскную полицию и уголовный розыск Российской империи, написано немало, то про годы жизни в Риге, где он начинал свою карьеру рядовым инспектором, известно не так уж много. А между прочим, когда в 1894 году он поступил здесь на работу в сыск, от него на долгие годы отвернулась едва ли не вся родня.

Любовь к детективам

Как рассказывает правнук Аркадия Кошко, гражданин Франции и журналист агентства «Франс-Пресс» Дмитрий де Кошко, его предок, добровольно прервав воинскую службу и уйдя в полицейские сыщики, совершил нечто по тем временам непростительное для выходца из знатной дворянской семьи. Родители, многочисленные тетушки и дядюшки были в ужасе от его решения, но юноша оказался непреклонен. С детства он активно занимался спортом, зачитывался детективными историями, благо книг в поместье его родителей под Минском, где он родился в 1867 году, было великое множество. Нетрудно догадаться, что кумир юного Аркадия был литера-

турный предшественник Шерлока Холмса, хитроумный сыщик Лекок, главный герой детективных романов французского писателя Эмиля Габорио. Благодаря невероятной проницательности и логическому мышлению, месье Лекок с легкостью раскрывал запутанные преступления, искусно гримировался, переодевался в лохмотья, не гнушаясь в поисках улик общаться с самыми низшими слоями общества. Этот метод расследования позже блестяще использовал Конан Дойль, описывая похождения Шерлока Холмса.

Зачитываясь рассказами о проницательном и ловком сыщике Лекоке, маленький Аркадий, конечно, воображал себя на его месте. Но родители мечтали совсем о другой карьере для сына. Поначалу он выбрал компромиссный вариант: поступил в Казанское пехотное юнкерское училище, по окончании которого получил назначение в пехотный полк, расквартированный в Симбирске. Несколько лет молодой офицер стойчески переносил тяготы однообразия воинской службы, бесконечные марши на плацу, занятия в классах, но душа его требовала другого. В 27 лет он подал прошение об отставке и в 1894 году уехал с семьей в Ригу, поступив на службу в городскую полицию рядовым инспектором по уголовным делам. Исполнилась его давняя мечта: Аркадий Кошко с небывалым азартом занялся разоблачением и поимкой преступников. А уж они, естественно, не оставляли его без работы...

Карьерный рост

Переодевшись в поношенную одежду, начинающий сыщик бесстрашно бродил по рынкам, рижским притонам и кабакам, прислушивался к пьяным разговорам завсегдаев, заводил нужные знакомства, вербовал агентов, добывал информацию, создавая и пополняя свою картотеку преступников. В первые же месяцы его службы в Риге произошло несколько жестоких убийств. На пустыре за Христорождественским храмом обнаружили обезображенное тело 17-летнего гимназиста, зверски убитого и ограбленного неизвестными. На теле юноши было множество ножевых ранений, выбит глаз, переломаны ребра, на шее кровоподтеки. А во рту убитого нашли кусочек фаланги мизинца, что свидетельствовало об отчаянном сопротивлении жертвы... За расследование взялся Аркадий Кошко. Через три дня – новый труп, в котором был опознан известный рецидивист по прозвищу Грешный Затылок. Во рту убитого оказалась записка: «Собаке собачья смерть!» Затем в пригороде Риги произошли еще два убийства с ограблениями – извозчика и дворника. В городе началась паника, на ноги была поднята вся полиция. Да, конечно, фрагмент откушенного пальца одного из преступников мог бы вывести на след убийц, но дактилоскопия в те годы в Риге еще не применялась, хотя эта улика все же потом сыграла свою роль.

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Генерал Аркадий
Францевич Кошко
(1867–1928)

Сначала сыщик вышел на скупщицу краденого, когда она пыталась сбыть серебряный портсигар, принадлежавший убитому гимназисту. Некая Наталья Шурман оказалась подружкой убитого рецидивиста, которого устранили свои же бандиты, чтобы не сболтнул лишнего. Женщина и сама опасалась расправы, поэтому выдала полиции имя главаря шайки и других бандитов, в том числе того самого неудачника, с откушенным мизинцем. По этой примете его нашли и арестовали. Главарь банды отсиживался на хуторе у родителей. На его задержание Кошко отправился лично, переодевшись в скупщика овечьей шерсти. Напросился на ночлег к хозяевам хутора. Ночью проследил за хозяйской дочкой, которая понесла корзинку с едой в ближнюю рощу, где оставила ее под старым дубом. Через некоторое время корзина исчезла. Сыщик догадался, что разбойник прятался на дереве. На следующий день вместе с группой вооруженных урядников главаря банды сняли с дуба, в ветвях которого он устроил себе настоящее логово...

Активность находчивого инспектора была замечена высоким начальством, его не раз награждали и продвигали по службе. Кривая преступности в городе пошла вниз, и в 1900 году Аркадию Кошко предложили занять пост начальника Рижской сыскной полиции. Это назначе-

ние он принял не без робости: «Рига и тогда была крупным центром с весьма пестрым населением, особенно преобладали латыши и немцы, а, следовательно, в борьбе с преступностью приходилось учитывать и их психологию, весьма своеобразную и мало схожую с русской», – писал в своих воспоминаниях Аркадий Францевич. Новый начальник сыска завоевал уважение не только среди подчиненных, он умел найти подход практически к любому человеку, даже закоренелые преступники проникались к нему доверием, раскрывая ему свои секреты. Аркадий Кошко не оставлял без внимания ни одну деталь, никогда не пренебрегал мелочами. Именно в этом и был секрет феноменального успеха русского сыщика. Он всегда выслушивал жалобы простых людей, не считая это зазорным, помогал обманутым наивным провинциалкам, возвращал бабушкам украденное серебро, похищенное нерадивыми отпрысками, разыскивал женихов-аферистов, сбежавших с добром невесты, и т.п. По срочным делам Аркадий Кошко принимал людей круглосуточно, о чем свидетельствовала табличка на дверях его служебного кабинета.

Даже являясь начальником розыска, Аркадий Кошко всегда сам принимал участие в задержании опасных бандитов, с азартом заядлого охотника часами мог сидеть в засаде, выслеживая преступника. В те годы под его руководством и при непосредственном участии в Риге

было раскрыто несколько громких уголовных дел. Так, с блеском была изобличена группа рижских «алхимиков», которые под видом россыпного золота продавали доверчивым немецким богачам медные опилки. В 1905 году Аркадию Кошко удалось уличить и задержать неуловимого короля шулеров, бывшего армейского кавалериста, некоего Ракова, который под видом испанского гранда с помощью крапленых карт «обул» немало почтенных рижан.

Однажды, по личной просьбе ливляндского губернатора М.А. Пашкова, он расследовал серию поджогов в соседнем уезде. Пожары сопровождались кражами и человеческими жертвами. Напуганные местные жители явно что-то знали, но чужакам ничего не рассказывали. Тогда начальник Рижской сыскной полиции направил туда двух своих тайных агентов, которые под видом обычных торговцев пивом открыли в уезде небольшую забегаловку, рассчитывая, что так у людей быстрее языки развяжутся. Но местная публика на это дело не клюнула, предпочитая прежние пивные. Чем завлечь народ? Аркадий Францевич предложил по примеру немцев подавать к пиву соленую сушку. Этот ход оказался весьма удачным, уже через неделю агенты едва справлялись с наплывом посетителей. Под пиво, да еще с бесплатной сушкой, посетители быстро забывали об осторожности... Вскоре среди публики люди Кошко вычислили поджигателей, ими оказались местный кузнец, два сына церковного сторожа и... брандмейстер собственной персоной! В домах арестованных нашли большие запасы керосина, пороховые шнуры и часть награбленного. Вся банда была задержана и отправлена на каторгу.

В рижской практике «русского Шерлока Холмса», как называли Аркадия Кошко, было немало курьезов и смешных случаев, о чем он рассказывал с большой охотой. Так, разыскивая крупный бриллиант, украденный с иконы Богородицы в Рижском кафедральном соборе, начальник сыскной полиции велел своему агенту спрятаться в спальне у подозреваемых (ими были супруги – ранее судимый за кражу церковный сторож и его жена), чтобы подслушать, о чем они будут говорить. А что делать – других

«жучков» в те годы у полиции еще не было! Пока агент устраивался в квартире, Кошко допрашивал в отделении подозреваемых супругов. Сделав вид, что поверил в их невиновность, Аркадий Францевич отпустил обоих домой. Поздно вечером в условленное время начальник сыска вместе с полицейскими окружил сторожку с перепуганной парочкой и громко крикнул своему агенту: «Панкратьев, где бриллиант?» И тут, к неопишному ужасу хозяев, из-под их кровати вылезает взъерошенный Панкратьев и радостно сообщает, что бриллиант спрятан в дровах – супруги это меж собой обсудили первым делом. Переколов сотни полторы поленьев, полицейские отыскали драгоценный камень. После чего «засланный казачок» долго жаловался начальнику, как тяжело ему было лежать восемь часов под кроватью, укутавшись вонючими тряпками: «Они, сволочи, пружинным матрасом чуть мне всю рожу не расцарапали»...

Глава имперского сыска

В 1905 году Аркадия Кошко назначили заместителем начальника Петербургской сыскной полиции. Но дело здесь было не только в продвижении по службе, как это принято считать, хотя слава о хитроумном рижском сыщике к тому времени уже гремела за пределами Латвии. Вот что, ссылаясь на воспоминания своей бабушки Ольги Ивановны Кошко (она была замужем за Иваном Кошко, средним сыном Аркадия Францевича), рассказал Дмитрий де Кошко: «Рапорт о переводе из Риги мой прадед подал по своей инициативе в связи с тем, что в его адрес начали поступать угрозы. В городе в те годы ситуация была очень непростая, и, хотя Аркадий Францевич не занимался «политическими» и откровенно не ладил с охранкой, он, естественно, участвовал в расследовании ряда уголовных преступлений, совершаемых радикалами из революционных партий. Например, расследовал налеты на рижские банки – «банковские атаки», задерживал виновных, сажал их под стражу. Немудрено, что это вызвало злость у революционеров, они начали угрожать расправой семье Кошко. Рапорт стал основанием для его перевода в Петербургскую сыскную полицию на должность заместите-

В царские времена, как и в нынешние, главное полицейское управление Риги (крайнее здание справа) располагалось прямо напротив гостиницы «Метрополь»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ля начальника. Кстати, позже Аркадий Францевич также арестовывал нескольких революционеров, в том числе и Троцкого».

Из Северной Пальмиры Аркадия Кошко очень скоро затребовала к себе Первопрестольная. В 1908 году ему поручили руководство всем московским сыском. (Говорят, именно с подачи нового начальника на лацкане пиджака московские сыскари начали носить нагрудный знак с надписью «МУС» – Московский уголовный сыск, благодаря чему в дальнейшем на долгие годы за сотрудника закрепилось прозвище «мусор».) Московский период был наиболее плодотворным и значимым в жизни Аркадия Кошко, он принес ему заслуженную славу, награды и повышение в звании. Он установил строгий порядок в отделении, ввел ежемесячные сводки совершенных преступлений, на основании которых по каждому району и по Москве в целом составлялись графики по всем видам преступлений. Имея перед глазами всю криминальную картину, удалось выявить настоящие эпидемии, охватывающие город в предпраздничные дни, когда в Белокаменную со всех сторон съезжались налетчики, карманники, грабители и прочие уголовные элементы. Так, за один только день перед Рождеством в первый год пребывания Аркадия Кошко в Москве произошло более тысячи краж. Начальник сыскной полиции периодически организовывал грандиозные полицейские облавы на притоны и

ночлежки, но, чтобы никто не успел предупредить преступников, заранее собирал всех задействованных в акции сотрудников и держал их вместе до самого начала операции. Рассказывают, что в сыском отделении до наступления ночи порой томилось до тысячи городских. В час X они оцепляли намеченный район. Всех подозрительных личностей задерживали, выявляя немало преступников разных мастей. Понятное дело, вскоре уголовники, опасаясь предпраздничных полицейских облав, предпочли не появляться в Москве в эти дни. И как результат – на четвертый год работы нового начальника сыска в Москве на Пасху не было совершенно ни одной кражи.

Первым делом Аркадий Францевич внедрил в практику уже опробованную им в Риге систему идентификации личности. За годы его службы московский сыск создал солидную картотеку преступников с фотографическими, антропометрическими и дактилоскопическими данными. Он лично брался за распутывание сложных преступных схем. Так, под его руководством и при его участии была раскрыта банда мошенников, подделывающих миллионные векселя, был схвачен неуловимый Васяка Белоус – главарь налетчиков, грабивших подмосковные поместья. Не раз Кошко бесстрашно проникал в логово бандитов в облике матерого уголовника или с револьвером в руке шел впереди своих людей на задержание опасных преступни-

Правнук легендарного русского сыщика Дмитрий де Кошко живет в Париже, но часто бывает в Риге, где когда-то начинал свою полицейскую карьеру его знаменитый предок

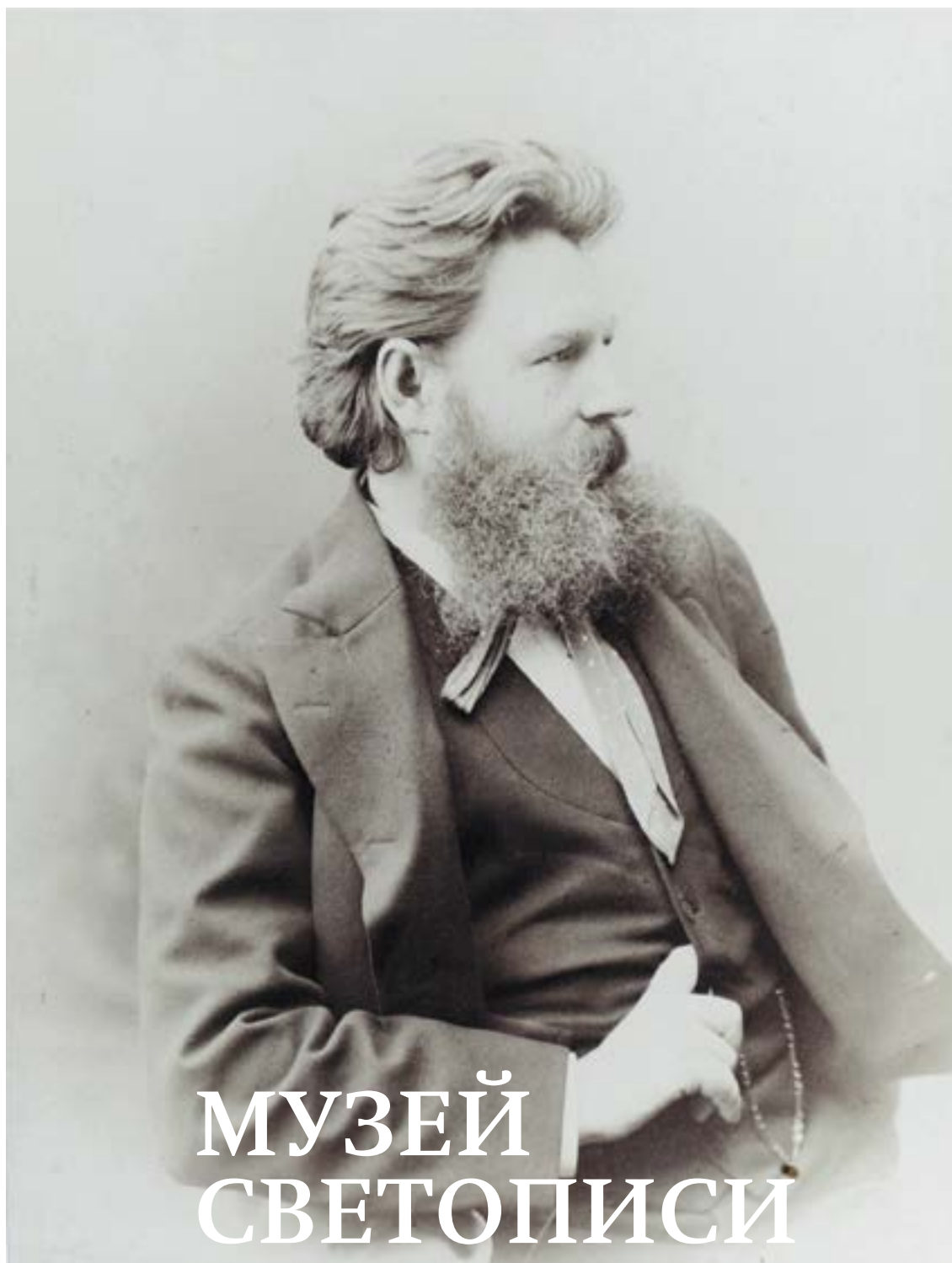
ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ков. В его кабинете находился гардероб с одеждой на все случаи жизни, у него имелся собственный профессиональный гример, способный за считанные минуты превратить respectable генерала полиции в мужика-извозчика. В 1913 году во время Международного съезда криминалистов в Швейцарии Московская сыскная полиция, возглавляемая генералом Аркадием Кошко, заняла первое место по раскрываемости уголовных преступлений... Вскоре Аркадий Францевич был назначен заведующим всем уголовным розыском Российской империи. В 1917 году Временное правительство первым делом упразднило все сыскные отделения, что в скором времени, конечно, отозвалось колоссальным всплеском преступности. С приходом к власти большевиков начались аресты и расстрелы бывших царских министров и генералов. Аркадий Кошко с супругой Зинаидой и младшим сыном, Николаем, в 1918 году уехал в Киев (их старший сын, Дмитрий, погиб во время Первой мировой войны, средний, Иван, дед

Дмитрия де Кошко, попал в плен, выжил, позже перебрался во Францию). По рассказам Дмитрия, который знает о судьбе прадеда со слов бабушки и тетушек, в Киеве Аркадию Францевичу пришлось нелегко. Власти в городе постоянно менялись, он всерьез опасался за свою жизнь. Аркадия Кошко спасли его бывшие «подопечные» из криминальной среды. Они случайно встретили его на улице, но, помня начальника сыска как человека благородного и честного, не только не выдали его большевикам, но и помогли ему перебраться в «белую зону», контролируруемую генералом Деникиным. Какое-то время Аркадий Францевич был у него начальником уголовной полиции и отвечал за порядок в Одессе. Оттуда на последнем пароходе Аркадий Францевич выехал с семьей в Турцию. В Константинополе опытный сыщик открыл свое небольшое детективное агентство, отслеживал неверных жен, давал советы клиентам, как уберечь свое добро от мошенников и воров. Опасаясь, что Турция может выдать всех белоэмигрантов России, Кошко пере-

брался в Париж, где уже жил с семьей его брат, бывший губернатор Иван Францевич Кошко. Капитал для открытия нового бюро опальному генералу накопить не удалось, да и годы были уже не те, и он с трудом устроился управляющим в меховой магазин. В скором времени он начал подрабатывать написанием мемуаров и детективных рассказов, благодаря чему мы сегодня знаем, как в XIX веке раскрывались преступления в царской России.

Англичане предлагали Аркадию Кошко пост в Скотланд-Ярде, но он отказался, надеясь, что в России еще все образуется и он туда обязательно вернется. По этой же причине ни он, ни его брат и их дети так и не взяли гражданства другой страны. Гражданином Франции, в соответствии с законами государства, стал родившийся в Париже внук Аркадия Францевича, Борис, отец Дмитрия. По его словам, приставка «де» появилась у фамилии Кошко (ударение на последней букве) еще в XIX веке, когда его российские предки приезжали во Францию на отдых. Для свободного перемещения по стране им выдавали документы, в которых к фамилиям дворян прибавлялась приставка «де». Именно по этим документам после революции эмигрантам из России выдавали «нансеновские паспорта». Так русский сыщик и его потомки стали де Кошко. Бывая в Риге, Дмитрий обычно селится в отеле «Метрополь», напротив которого и по сей день располагается Управление Рижской полиции, где более десяти лет работал его легендарный предок. «Мой прадед так и остался единственным и неповторимым в нашем роду, никто из нас не пошел по его стопам, – признался Дмитрий. – Скончался Аркадий Францевич 24 декабря 1928 года, когда ему исполнился 61 год. Похоронен во Франции. Мне приятно, что и рижане, и москвичи сохранили память о русском начальнике рижского сыска». Добавлю, российское общественное объединение ветеранов оперативных служб «Честь» в 2006 году учредило общественную награду – орден имени Аркадия Францевича Кошко, который вручается за заслуги в области уголовного сыска. Уже около 100 человек удостоены этой награды. ■

М.П. Дмитриев.
Автопортрет.
1890-е годы.
Нижний Новгород

МУЗЕЙ СВЕТОПИСИ

**ВАЛЕНТИНА
ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА**
ФОТО **АНДРЕЯ
СЕМАШКО**

ПОДНИМАЯСЬ ПО ЧУГУННОЙ ЛЕСТНИЦЕ РУССКОГО МУЗЕЯ ФОТОГРАФИИ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ, ЛЕГКО ПРЕДСТАВИТЬ, ЧТО ЧУТЬ БОЛЕЕ ВЕКА НАЗАД ПО НЕЙ ТАКЖЕ ШАГАЛИ ГОРЬКИЙ, ЛЕВИТАН, ШАЛЯПИН, МЕНДЕЛЕЕВ И ДРУГИЕ ЖЕЛАЮЩИЕ ПОЛУЧИТЬ СВОИ ПОРТРЕТЫ, КОТОРЫЕ СЕЙЧАС МОЖНО УВИДЕТЬ В ЗДЕШНЕЙ ЭКСПОЗИЦИИ. А ТОГДА НА ВТОРОМ ЭТАЖЕ ЗДАНИЯ РАСПОЛАГАЛСЯ ЗАСТЕКЛЕННЫЙ ПАВИЛЬОН МАКСИМА ПЕТРОВИЧА ДМИТРИЕВА – ОСНОВОПОЛОЖНИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ФОТОГРАФИИ.

В ЭТОМ ГОДУ У РУССКОГО музея фотографии своеобразный юбилей: 125 лет назад 28-летний фотограф Максим Дмитриев получил из канцелярии нижегородского губернатора разрешение на открытие собственной фотомастерской именно в этом здании. Тогда, в 1886 году, в «Нижегородском Биржевом листке» появилось объявление о том, что «фотография М. Дмитриева в доме Пальцевой снимает моментально и ежедневно с 9 до 5 вечера». Здесь же ранее располагался фотопавильон Андрея Осиповича Карелина, учителя Дмитриева, всемирно известного мастера художественной фотосъемки. Оба – выходцы из Тамбовской губернии, оба – внебрачные дети крепостных крестьян, оба, приехав в город на слиянии Оки и Волги, остались здесь навсегда. И оба решили связать свою жизнь со светописью, как тогда называли фотографию.

Они познакомились, когда Дмитриеву было 16 лет, а Карелину – 37. У именитого мастера за плечами – Петербургская Академия художеств, золотые медали международных конкурсов, звание фотографа Императорской Академии художеств. У начинающего Дмитриева – ученичество у московского фотографа Настюкова и воскресные рисовальные классы Строгановского художественного училища. Настюков был предприимчивым человеком, имел свой фотопавильон на Нижегородской ярмарке. Встреча молодого Дмитриева с Карелиным произошла именно там, а через три года начинающий фотограф стал лаборантом в ателье известного мастера.

Живописец в фотографии

Дмитриев не зря стремился стать помощником Карелина: у Андрея Осиповича было чему поучиться. Техника фотографии того времени сильно ограничивала возможности фотохудожника. Портретист и исторический живописец по образованию, Карелин первоначально занялся портретной светописью исключительно для материального подспорья. Но потом увлекся, начал серьезно изучать оптику, приемы освещения, экспериментировать с добавочными линзами. Он первым

в России научился делать сложные снимки без искажения пропорций. Среди экспонатов музея есть фотография, на первый взгляд ничем не примечательная: снимок мужчины, сидящего на стуле со скрещенными ногами. На самом деле этот «портрет герцога Эдинбургского» – один из памятников мастерству Карелина! Будучи проездом в Нижнем Новгороде, герцог отправился к русскому фотографу с намерением устроить проверку на профессионализм. Гость сам увлекался фотографией и намеренно занял такую позу, что, будь Карелин неопытным мастером с обычной аппаратурой, колени и ноги на портрете получились бы большими, а голова – непропорционально маленькой. То, что нижегородец прошел испытание с честью, видно и сейчас: портрет прекрасно проработан, а все пропорции соблюдены. Карелин творил в то время, когда фотография не воспринималась даже как творчество. Он стал одним из тех, кто доказал, что светописный портрет имеет не меньшую художественную ценность, чем живописный. Его портретные этюды, напол-

ненные светом и воздухом, снятые в контрастно освещенных участках комнаты, получали медали на международных выставках и утверждали фотографию как искусство. С 1870 года Карелин пытался синтезировать живопись и фотографию: многие его пейзажи и городские виды раскрасил акварелью Иван Шишкин.

Новый арендатор

История умалчивает, почему в 1881 году «Фотография и живопись художника А. Карелина» выехала из здания на Осыпной улице и переехала в дом Башкирова неподалеку. Известно, что в зрелые годы Карелин много снимал на воздухе: торжественные события жизни города, освящения храмов, отплытия пароходов, солнечное затмение, открытие Всероссийской выставки...

Владелица дома на бывшей Осыпной улице купчиха Авдотья Пальцева не спешила переделывать помещение, приспособленное для фотоателье. Ее следующим арендатором стал решивший начать собственное дело Максим Дмитриев. Следуя его пожеланиям, Пальцева

А.О. Карелин
с женой
О.Г. Карелиной.
1870-е годы.
Фотография
А.О. Карелина,
Нижний Новгород

построила новый двухэтажный флигель на месте небольшого старого. Именно там разместился фотопавильон. Фотолаборатория и зал ожидания клиентов находились на втором этаже основного здания, а на третьем поселился Дмитриев с семьей. Современники отмечали, что новая мастерская была сделана на широкую ногу и пришлась по душе публике. Уже при входе будущий клиент мог оценить образцы работы мастера в большой стеклянной витрине. Фотографии были развешаны и вдоль крутой лестницы, по которой посетители поднимались на второй этаж в залитый светом застекленный павильон. Свои фотографии заказчики получали с фирменными паспарту с золотым тиснением: «Новая фотография Дмитриева в Нижнем Новгороде».

Конкуренция у Максима Петровича по тем временам была изрядная: шесть фотографических заведений. Но когда в 1911 году ателье Дмитриева отмечало свой 25-летний юбилей, мастерские прочих владельцев уже прекратили свое существование.

М.П. Дмитриев.
Нижегородская
ярмарка в половодье.
Вид на Спасский
староярмарочный собор.
1890-е годы

Камера в телеге

Период подражания знаменитому учителю быстро прошел: Дмитриев понял, что ему интересно снимать быт людей, а предметом фотографии могут быть не только жанровые сцены. В 1892 году на выставке в Париже

он получает золотую медаль за снимок «Арестанты на строительных работах». В тот же год он делает свою шумевшую серию: отправляется на юг Нижегородской губернии, где в то время свирепствовали засуха, тиф и холера. В Русском музее фотографии сохранились и те снимки, и письмо из канцелярии губернатора с просьбой оказывать фотографу всяческое содействие, и передвижная огромная (общий вес – около центнера) камера. В специальном массивном чемодане – стеклянные негативы: увеличительная техника тогда была не очень развита, и фотограф предпочитал сразу использовать большие стекла и соответствующую камеру, чтобы работы получались хорошего качества.

Эта камера, которую Дмитриев перевозил на рессорной ручной телеге вместе с объективом и треногой, была одной из многих, которые про-

А.О. Карелин.
Портрет герцога
Эдинбургского.
1875 год

М.П. Дмитриев.
Рабочие
города Выксы
Нижегородской
губернии.
1890-е годы

Экспозиция
Русского музея
фотографии

путешествовали с ним по всей Волге – в 1894 году Дмитриев снял великую реку, пройдя от ее истока до Каспия. Всю волжскую серию разместить полностью в музее невозможно: Дмитриев снимал через каждые четыре версты, вся «Волжская коллекция» – это 800 фотографий. Здесь и пейзажи, и «волжские типы» – портреты людей разных профессий и национальностей, и разнообразная архитектура – от калмыцких храмов до православных монастырей. Эта работа принесла фотографу действительное членство в Императорском географическом обществе. При этом Дмитриев успевал участвовать в многочисленных выставках, славился как портретист, был членом Нижегородской губернской архивной комиссии и занимался фиксацией памятников старины, организовал на первом этаже фототипию, где издавал альбомы и открытки.

Госпиталь вместо фотосалона

Свой 60-летний юбилей Максим Петрович отпраздновал в неспокойном 1918 году. Фотограф пытался приспособиться к реалиям нового времени: снимал известных политиков, субботники, строительство заводов, комсомольцев и делегатов съездов. В 1927-м, на 50-летие творческой деятельности, Дмитриев завещал городу все свои негативы и снимки, сделанные за полвека. А когда два года спустя началась борьба с «враждебными буржуазными течениями в фотографии», фотосалон Дмитриева не избежал национализации: бывший хозяин был нанят павильонным фотографом и заведующим художественной частью. Вскоре преклонный возраст и начавшая прогрессировать потеря зрения заставили его отказаться от этого: он решил систематизировать

свой фотографический фонд и сделал запрос в архив, а ему не только отказали в праве пользования негативами, но даже и не пустили в здание, где они хранились. Последние годы фотограф прожил в доме у зятя, оставаясь, несмотря ни на что, доброжелательным человеком.

В здании его бывшего салона сначала продолжали снимать и печатать фотографии, а во время войны разместили госпиталь. В подвале до сих пор сохранились металлические двери бомбоубежища, застекленную крышу пришлось заложить, а вот знаменитой застекленной стены на втором этаже дом лишился в послевоенные годы, когда там разместилось ателье по пошиву одежды, просуществовавшее до перестройки.

«По инициативе общественности»

История Русского музея фотографии началась не так давно: это самый молодой музей Нижнего Новгорода. В буклетах сказано скупое: «Создан 21 сентября 1992 года по инициативе общественности». За этой емкой фразой – целая история.

– Еще в советское время заслуженный работник культуры, легенда нижегородской журналистики Семен Лозинский обращался в облисполком с идеей создать музей фотографии в Нижнем Новгороде. Доказывал, что такой музей нужен, что у нашего города очень богатая фото-

графическая история, – рассказывает директор Русского музея фотографии (РМФ) Вера Тарасова. – А в 1989-м, к 150-летию появления фотографии, в Выставочном комплексе была организована выставка «Глазами прадедов» – тогда обычные люди впервые смогли увидеть фотографии Карелина и Дмитриева, которые до этого хранились в Госархиве, в фондах различных музеев. Успех был ошеломительным! Организатором выставки выступил Союз журналистов России. Известный журналист того времени Анатолий Новиков с фотокорреспондентом ИТАР-ТАСС Владимиром Войтенко обратились к властям за разрешением на открытие музея фотографии, отметив, что дом №9 на улице Пискунова (бывшей Осыпной) подходит для этого как нельзя лучше. Прошло три года, прежде чем музеем выделили 300 квадратных метров на первом этаже этого здания.

Сама Вера Тарасова работала тогда в фотоотделе областного архива, а на время выставки «Глазами прадедов» стала экскурсоводом по экспозиции. Филолог по образованию, когда-то она мечтала стать учителем, но еще студенткой пришла поработать в архив, где увидела потрясающую Россию конца XIX – начала XX века, запечатленную Карелиным и Дмитриевым. Она делала ту работу, которую когда-то не дали сделать Дмитриеву: систематизировала и описывала фотоснимки и негативы и буквально влюбилась в эти «лики прошлого».

– Первоначально Русский музей фотографии был музеем общественным, а не государственным, – подчеркивает Вера Тарасова. – Нам дали

На втором этаже музея – сменные экспозиции и фотостудия «МиГ»

Вера Тарасова, директор Русского музея фотографии

площадь, но экспонатов-то не было! То, что представляло для нас интерес, хранилось в архивах, в частных собраниях. Мы, активисты, вкладывали деньги и собственные негативы, коллекции. Я тоже ездила по области, покупала фотографии, открытки. Проводили собрания нижегородских краеведов – кто-то поспособствовал, проникся, подарил коллекцию, кто-то дал во временное пользование... На основе этого была создана первая экспозиция.

Первым директором музея стал Владимир Войтенко, и он предложил Вере Михайловне перейти на постоянную работу в музей.

– Я тогда подумала: если уйду в этот маленький музей, где и фондов-то никаких нет, то никогда больше не буду держать в руках фото Карелина и Дмитриева! Я продолжала работать в архиве, а во время отпуска приходила на работу в музей... Но однажды поняла: то, что могла, в архиве я уже сделала. Даже если в музее нет Карелина и Дмитриева в большом объеме, нужно формировать фонд фотографий XX века – это тоже интересно. И я решилась.

Второй этаж

Музей в то время уже перешел под опеку государства, появились ставки и скромное бюджетное финансирование. Вера Михайловна стала заместителем директора и сразу предложила Войтенко изменить концепцию музея, который тогда представлял собой постоянную историческую экспозицию.

– Я понимала, что Карелин и Дмитриев – это прекрасно, но, если мы хотим, чтобы в музей шли люди, нужно заниматься организацией выставок и фестивалей. Войтенко же рассуждал так: когда будут дополнительные площади – будем делать выставки. А я подумала: если мы не будем делать выставки уже сейчас, то никто никогда и площадей не даст! Вера Михайловна вспоминает, как после длительных уговоров первый директор РМФ все-таки разрешил освободить простенок или снять несколько витрин – так и монтировали выставки. Вместе с популярностью музея росло и доверие к нему: в дар начали приносить различные экспонаты, от старинных фотокамер до уникальных снимков.

Макет здания дома на улице Пискунова (бывшей Осыпной), где работали фотографы Карелин и Дмитриев

Спустя десять лет после открытия музея, в 2002 году, Вера Тарасова заняла место вышедшего на пенсию директора. Но расширения музея ей удалось добиться лишь четыре года спустя, по случайности: ателье, занимавшее третий и часть второго этажа здания, разорилось и съехало. Тарасова отправилась к министру культуры с просьбой о расширении. «Так что ж вы сидите? – удивился министр. – Взламывайте дверь да въезжайте!» Она вышла из кабинета в смутении. Занимать площади, которые тебе не принадлежат, незаконно, но если этого не сделать, то получается, что помещение музея не очень-то и нужно. На имя министра было быстро написано официальное письмо, и уже под ним поставил подпись тогдашний губернатор. Так у музея появилось место для сменных выставок. – Если экспозиция постоянная, то люди, которые пришли сюда пару раз, вряд ли придут снова, и музей замирает в своем развитии, – объясняет Вера Михайловна. – Когда мы сделали экспозиционный зал, то стали делать по две выставки ежемесячно, а вместе с выездными

бывает до шести выставок в месяц! Организуем областные и международные фотографические фестивали, проводим выставки по обмену с другими музеями из разных стран. У нас четыре штатных сотрудника, которые занимаются этим направлением. Тем не менее фонды обрабатываются, а комплектование идет очень хорошо.

На первом этаже теперь помимо исторической экспозиции, рассказывающей не только о Карелине и Дмитриеве, но и об истории фотографии, есть «уголок советского фотографа» и выставка голограмм, на втором – сменная экспозиция и прямо здесь же, в выставочном зале, фотошкола для молодежи. Из 200 тысяч единиц хранения удастся одновременно выставить не более 400 экспонатов.

– Конечно, мы хотели бы восстановить фотосалон Дмитриева и Карелина, вернуть зданию стеклянную крышу и стену, обстановку, превратить это место в ретросалон, – делится Вера Тарасова мечтами.

Но задумка дорогая, да и в здании немало арендаторов помимо музея.

Зато жизнь иногда подбрасывает неожиданные сюрпризы.

– В январе этого года мы задумались о том, что грядет 125-летие с того момента, как Дмитриев открыл здесь мастерскую. И тут к нам попал телефон женщины, у которой, как отрекомендовали, есть «интересные документы». На следующий день выяснилось, что в числе этих бумаг – подлинное разрешение губернатора, данное Дмитриеву на открытие фотоателье в 1886 году! О таком подарке судьбы и мечтать было нельзя – мы поняли, что надо делать юбилейную выставку.

Специально к юбилею здесь появился еще один экспонат: макет дома на Осыпной, каким он был в XIX веке. В застекленную стену почти кукольного по размерам домика заглядывает каждый посетитель: интересно, как же работали фотографы в то время – без электричества, с магниевыми вспышками? А оглядишься по сторонам, увидишь снимки Карелина и Дмитриева – и поймешь: работали так, что сделали фотографию настоящим искусством. ■

МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ

**СЕРГЕЙ
ВИНОГРАДОВ**

ЛЕТОМ 2012 ГОДА ПОД СМОЛЕНСКОМ НАЧНУТСЯ СЪЕМКИ ПЬЕСЫ
ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА ТУРГЕНЕВА «МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ».

работы известных актеров с российскими режиссерами в экранизациях заканчиваются «Тихим Доном» Сергея Бондарчука, снятым двадцать лет назад.

Спрос на русскую классику

Одной из причин, побудивших продюсера компании «Хорошо продакшн» Наталью Иванову задуматься об экранизации русской классики, стал успех германо-британского фильма «Последнее воскресенье» (The last station, 2009), рассказывающего о последних днях жизни Льва Толстого. То, как европейские и американские зрители принимали фильм, свидетельствовало, что за рубежом соскучились по России XIX века, по деревянным усадьбам и труднопроизносимым русским фамилиям. «Последнее воскресенье» получилось не только ярким, но и финансово успешным. Едва пошли слухи о том, что в России начинают работу над «Месяцем в деревне» Ивана Тургенева, Наталья Ивановой позвонил продюсер The last station и предложил сотрудничество, назвав русскую классику «золотой жилой». И даже назвал фамилии писателей, на произведения которых есть спрос. Тут, впрочем, ничего нового: Достоевский, Толстой, Чехов, Тургенев.

– Идея экранизировать пьесу Тургенева «Месяц в деревне» появилась после того, как мы с Верой Лаголевой завершили совместную работу над фильмом «Одна война», – рассказывает Наталья Иванова. – Картина получилась успешной, завоевала более 30 кинонаград, и мы

с Верой стали думать, чем будем заниматься дальше. Для меня как продюсера желание режиссера стоит на первом месте, поскольку с потухшими глазами фильмы делать нельзя. Тускло и получится. О русской классике мы говорили давно, и тут нам показалось, что пришла пора заняться ею всерьез. Больших кинопремьер, снятых по шедеврам нашей литературы, не было довольно давно, и нам показалось, что это будет интересно не только в России, но и за рубежом.

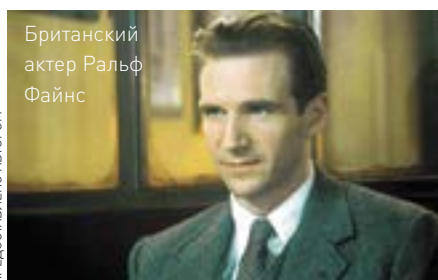
Это вполне возможно, ведь имя Ивана Сергеевича Тургенева хорошо известно в Европе. Кроме того, «Месяц в деревне» никогда не экранизировали, хотя благодаря ее счастливой театральной судьбе о ней слышал всякий образованный европеец. А для Веры Лаголевой «Месяц в деревне» вообще особая пьеса. В конце 70-х годов XX века Анатолий Эфрос приглашал юную Лаголеву на роль Верочки в спектакль по пьесе Тургенева, который ставил на сцене Театра на Малой Бронной, но та отказалась из-за занятости в кино. «О чем, конечно, безумно жалею, – признается сегодня Вера Витальевна. – Работа не состоялась, но остался интерес к этому материалу. И представьте мое удивление, когда спустя несколько лет мне предложили сыграть в фильме «Искренне ваш» актрису, которая мечтает о роли Натальи Петровны в «Месяце в деревне». В конце картины заветное желание моей героини сбывается. Ее неподдельное счастье я играла очень искренне, как свое».

В ТЕ ДНИ, КОГДА СТАРТОВАЛА мировая премьера последней серии популярнейшей киносаги о Гарри Поттере, исполнитель роли Волан-де-Морта, главного врага мальчика-волшебника, Ральф Файнс листал сценарий экранизации «Месяца в деревне». Знаменитый актер дал предварительное согласие на участие в фильме, который следующим летом начнет снимать в усадьбе Михаила Глинки в Смоленской области режиссер и известная актриса Вера Лаголева. И даже пообещал разучить свои реплики по-русски, чтобы упростить дубляж.

Кинопостановки русской классики с участием иностранных партнеров не осуществлялись в нашей стране довольно давно (проектом заинтересовались британские продюсеры, ожидается, что показы фильма пройдут по всему миру), а случаи

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Британский актер Ральф Файнс

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Английский пациент под Смоленском

– Когда мы определились с материалом, стали обсуждать с Верой Глаголевой, кого бы можно было пригласить на роли главных героев? В таких первых беседах обычно больше мечтаний и фантастики, и, как правило, никто из актеров первоначального списка в титры не попадает, – вспоминает Наталья Иванова. – На роль Ракитина, интеллигента до мозга костей, Вера предложила британского актера Ральфа Файнса. Она сказала, что он подходит «идеально». Я в ответ только развела руками.

В мае нынешнего года фантастика стала превращаться в реальность,

Как режиссер Вера Глаголева сняла уже четыре картины, но зрителям памятни прежде всего ее актерские работы

Режиссера Глаголеву и актера Балуюева связывает многолетнее творческое сотрудничество. В последний раз они встречались на съемках картины «Одна война», получившей множество наград

когда Иванова и Глаголева оказались с «идеальным Ракитиным» в одном городе и на одном кинофестивале. Ральф Файнс, снимавшийся в такой современной киноклассике, как «Список Шиндлера» и «Английский пациент», возглавил

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

жюри фестиваля «Зеркало» имени Андрея Тарковского в Иваново. Во время короткой беседы Иванова и Глаголева рассказали Файнсу о будущем фильме. Спустя два дня Файнс назначил еще одну встречу, на которой рассказал, что влюблен

Помещения и окрестности Музея Михаила Глинки идеально подошли для декораций фильма. Крупных изменений от художников картины залы усадьбы почти не потребуют

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

в русскую литературу, переиграл на сцене всего Чехова, участвовал в постановке тургеневских «Отцов и детей», вспомнил и о фильме «Онегин», который почти полтора десятилетия назад частично снимался в Санкт-Петербурге. Пьесу «Месяц в деревне» Файнс знает и о роли Ракитина давно думал. И вообще он считает, что в прошлой жизни был русским и жил в России.

Файнс согласился участвовать в фильме, выразив намерение за год основательно подучить русский язык. По возвращении в Лондон актера ждал переведенный на английский язык сценарий будущей ленты. О гриме с «Ракитиным» еще не говорили, но, скорее всего, ни бороды, ни усов ему клеить не будут, дабы не испортить пластичное и подвижное лицо артиста.

Сам 50-летний Ральф Файнс рассказывает, что русской литературой он увлекся во время учебы в Королев-

ской академии драматического искусства, когда одновременно играл в чеховском «Иванове» и по совету преподавателя прочитал «Евгения Онегина». Позже, став известным актером, Файнс не оставил увлечения: в конце 90-х он приезжал в Россию как актер спектаклей «Дядя Ваня» и «Чайка», тогда же вышел на экраны и фильм «Онегин», в котором британец сыграл главную роль. Между прочим, и сейчас Файнс занят в новой лондонской постановке «Дяди Вани» (он играет доктора Астрова). И, несмотря на большую нагрузку – он также снимается в двух фильмах – «Кориолан» (трагедия Шекспира) и «Невидимая женщина» (сюжет об истории любви писателя Чарльза Диккенса и актрисы Эллен Тернан), – отказываться от роли Ракитина в «Месяце в деревне» Файнс не собирается.

А на роль хозяина усадьбы, недотепы-помещика Аркадия Ислаева, пригла-

шен известный российский актер Александр Балуев, с которым Вера Лаголева связывают многолетние творческие отношения. «Конечно, Саша хотел бы сыграть Ракитина, и лет десять назад с блеском исполнил бы эту роль, – говорит Вера Витальевна. – Но сейчас типаж уже ушел».

Что же касается остальных персонажей, то пока неизвестно, кому будет доверена роль Натальи Петровны Ислаевой. А «молодую поросль» – роли типичной тургеневской девушки Верочки и учителя Беляева режиссер хочет доверить студентам театральных вузов. В этих ролях Лаголевой важны не наигранная наивность и свежесть.

Ислаевых поселят у Глинки

Тургеневский «месяц» для съемочной группы картины начался еще в 2010 году. Сначала режиссером Верой Лаголевой и сценаристом Светланой Крутович пьеса была

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

адаптирована для постановки. Затем режиссер, оператор и художник отправились в командировку на поиск подходящего для съемок места. Усадьба окажется как бы одним из главных действующих лиц картины, режиссер даже проходные сцены намерена снимать в «живом» доме, а не в павильонах. Подходящая усадьба нашлась в Смоленской области – в ней располагается Музей композитора Михаила Глинки. Вариант с родовым гнездом самого Ивана Тургенева, орловским имением Спасское-Лутовиново, оказался неподходящим: возле дома не оказалось места для постройки необходимых для сюжета оранжереи и веранды. А без них Наталья Петровна, Ракитин, Верочка и учитель Беляев, как Ромео и Джульетта – без балкона.

Напомним кратко сюжет пьесы, действие которой происходит в усадьбе Ислаевых. Почти в каждой

из ее комнат царят страсти – заверения в любви и признания в ненависти. Во второй половине пьесы дом Ислаевых буквально тонет в слезах. Плачут мужчины и женщины, украдкой и навзрыд. В итоге любовь никому не приносит счастья. Скучающая барыня Наталья Петровна влюбляется в молодого Алексея Беляева, приглашенного учителем к ее сыну. При этом она верна своему богатому помещику-мужу, хотя благоволит его другу – изысканному интеллигенту Михаилу Ракитину. Ракитин любит Наталью Петровну давно и беззаветно, не рассчитывая на взаимность и довольствуясь лишь ролью партнера для светских бесед. На этом фоне протекает несчастливая влюбленность юной воспитанницы хозяев усадьбы Верочки в молодого учителя Беляева.

– Хотя интерес к русской литературе непреходящий, но все равно экранизация Тургенева сегодня

требует большой смелости, – считает Вера Лаголева. – Ритм жизни изменился, кино невероятно ускорилось и не терпит медлительности и долгого молчания. Будем придумывать ходы, изобретать способы держать зрителей в напряжении, не дать им заскучать. Тургенева считают некинематографичным писателем – много диалогов, мало действия. Мне как режиссеру интересно показать намеченные писателем молчаливые диалоги глазами, зарождение чувства, постепенное, пошаговое превращение влюбленности в страстную любовь. Важно создать на экране комфортную, уютную атмосферу – если публика будет считать, о чем герои говорят без слов, теребя платок или поправляя бант, картина ее заинтересует. Кстати, англичане замечательно умеют экранизировать собственную костюмную классику. Надеюсь, на съемочной площадке Ральф Файнс будет для нас своего рода камертоном вкуса. В нашем кино эталоном экранизации такого рода спокойной литературы о нежной влюбленности я считаю «Даму с собачкой» Хейфица. Хотелось бы приблизиться к классике.

Интересно, что в пьесе нет ни одного персонажа из народа. Водка, балалайка и «Камаринская» отсутствуют напрочь, равно как и «чавокающая» дворня. Даже розовощекая служанка Катя изъясняется литературным русским языком и жеманится не хуже хозяек.

– Я не считаю это обстоятельство минусом произведения, – говорит Вера Лаголева. – Мы легко можем населить усадьбу мужиками с гармошками, а разговоры в комнатах перемежать со сценами сенокоса, но зачем? Почему – если Россия, так обязательно кто-то пляшет вприпрыжку? Это один из тех штампов, от которых нужно избавляться, в том числе с помощью нашей картины. История, изложенная Тургеневым, интернациональна. Любовь, страсть, предательство... Все это могло произойти в Лондоне, Париже и где угодно. И в этом ее ценность.

Русский колорит наверняка будет обсуждаться в разговоре с зарубежным продюсером. А посему борода того мужика с гармошкой хоронить пока рано. ■

КОМУ НУЖЕН РУССКИЙ ТЕАТР?

ЮЛИЯ
СЕМЕНОВА
ФОТО АНДРЕЯ
САЕНКО

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РУССКИЙ драматический театр имени А.П. Чехова – один из старейших в стране. Его родина – Тирасполь, бывшая столица Молдавской АССР. Профессиональный театр, где играли на трех языках – русском, молдавском и украинском, – появился здесь в 1934 году. В 1940-м часть труппы переехала в Кишинев, а сразу после Великой Отечественной войны, в 1945 году, она получила помещение бывшей Хоральной синагоги в самом центре города. В этом доме, реконструированном в 1966-м, театр живет до сих пор. В рейтингах посещаемости театр вот уже несколько лет числится среди лидеров. Чаше, чем сюда, публика ходит только в Республиканский театр кукол «Ликурич», где дают спектакли на двух языках. Несмотря на то, что «чеховцы» играют только на русском, среди его зрителей много людей, для которых этот язык не родной. Их привлекает репертуар и доступные цены на билеты.

Основу репертуара составляет классика. На радость учителям словесности, здесь играют Чехова, Гоголя, Грибоедова, Достоевского, Островского, то есть авторов, которые входят в школьную программу. Плюс Мольер, Гольдони, Шекспир. Кстати, премьера последнего сезона – «Ричард III» (это работа молодого режиссера Вячеслава Чеботаря) – получила сразу три премии Союза театральных деятелей республики: за лучший дебют, лучшую мужскую роль и лучшую сценографию.

НА ПРЕМЬЕРНЫЕ СПЕКТАКЛИ В ДВА РУССКИХ ТЕАТРА КИШИНЕВА БИЛЕТЫ ПОРОЙ ПРИХОДИТСЯ ДОСТАВАТЬ ЧЕРЕЗ ЗНАКОМЫХ: НЕ УСПЕЕШЬ КУПИТЬ ЗАРАНЕЕ – НЕ ПОПАДЕШЬ. НО НИ ЛЮБОВЬ ПУБЛИКИ, НИ БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ КРИТИКОВ, УВЫ, НЕ МОГУТ ОГРАДИТЬ АКТЕРОВ ОТ ТЕХ ПРОБЛЕМ, С КОТОРЫМИ ОНИ СТАЛКИВАЮТСЯ ЕЖЕДНЕВНО. И ХОТЯ ЧАСТЬ ЭТИХ ПРОБЛЕМ ОБЩАЯ ДЛЯ МНОГИХ ТЕАТРОВ СТРАН СНГ, В МОЛДАВИИ СВОИ НЮАНСЫ.

Какие дивиденды приносит искусство?

Помимо всего прочего «Ричард III» стал самым дорогим спектаклем для зрителей – по стоимости билетов. В связи с тем, что этот спектакль играет в зале, а публика сидит на сцене, количество мест ограничено, а потому стоит каждое место 150 леев (около 13 долларов). Это дорого, по сравнению с обычными ценами, когда место на балконе стоит 15–20 леев (полтора доллара). Недавно назначенный директор Театра имени А.П. Чехова, мастер искусств Молдавии Константин Харет, поднимать цены не хочет по той простой причине, что искусство должно быть доступно каждому, вне зависимости от толщины кошельков, которые у подавляющего числа населения страны полупустые.

«Вот, говорят, мы не приносим доходов, – сетует Харет. – Это неправда. Мы приносим дивиденды, только не материальные, а духовные. Мы работаем с душами, сердцами зрителей. Как можно выразить эти доходы количественно?»

Понятно, что театр испытывает материальные трудности. Зимой зрительный зал почти не отапливается. Публика кутается в пальто и шубы,

а вот актерам не позавидуешь, особенно если в морозы температура на сцене опускается до критической отметки в 14 градусов, а действие в спектакле происходит летом. И хотя по закону в такие дни актеры могут отказаться от игры, Константин Харет таких случаев не припоминает. А не так давно над театром навис дамоклов меч приватизации.

Покушение на святыню

Разговоры о том, что Театр имени А.П. Чехова не по праву занимает лакомый кусочек земли в самом престижном районе Кишинева, возникали периодически. Но на них никто не обращал внимания: даже во времена самых массовых националистических выступлений, в начале 90-х, на святое никто не покушался. До тех пор, пока в Молдавии не появился большой, по местным меркам, бизнес. Напротив театра построили четырехзвездочный отель, рядом – крупный торговый центр с множеством ресторанов, пустили по тихой некогда улице транспортный поток. На фоне этого великолепия давно нуждающееся в ремонте здание театра смотрится тускло.

И вот в этом году как раз в канун Международного дня театра грянул гром.

Министерство экономики опубликовало список государственных предприятий и учреждений, не подлежащих приватизации. В этом реестре значились Национальная филармония, Национальный театр оперы и балета, Органный зал, еще несколько учреждений культуры, но Театра имени А.П. Чехова там не было. Журналисты забили тревогу. Общественность встала на защиту старейшего русского театра. Оправдываясь, министр экономики Валерий Лазэр заявил, что произошла какая-то техническая ошибка. Потом сообщил, что речь идет не о продаже, а о переходе к частно-государственному партнерству. «Я допускаю такого рода партнерство в условиях, когда в стране есть институты, которые государство не может самостоятельно содержать», – сказал министр.

Пока это частное мнение главы Минэкономики: в законодательстве такое партнерство не предусмотрено. К этой идее актеры и руководство театра относятся более чем скептически: бизнес-сообщество не готово к тому, чтобы спонсировать искусство без серьезной материальной отдачи. Партнерство может вылиться в организацию в здании театра ресторана или казино. Кстати, такого рода пример в Кишиневе уже есть. Часть здания Национального театра имени Михая Эминеску отдали в аренду, как раз казино частники здесь и разместили. Когда год

Директор Театра им. А.П. Чехова, мастер искусств Молдавии
Константин Харет

Государственный русский драматический театр им. А.П. Чехова

назад ушла из жизни народная артистка Молдавии Евгения Тодорашко, стоявшая у истоков когда-то известного на весь Союз молодежного театра «Лучафэрул» и последние пятнадцать лет игравшая на подмостках русского театра «С улицы Роз», именно из этого казино ее провожали в последний путь. Министерство культуры республики не нашло более подходящего помещения в центре города, где с легендой молдавской сцены смогли бы попрощаться многочисленные почитатели ее таланта.

Но это единичный случай. Пока. Если же в новом законе о театре, который сейчас разрабатывается, частно-государственное партнерство не будет ограничено жесткими рамками стоящих перед искусством задач, то подобные случаи перестанут быть из ряда вон выходящими.

«Не верю!» – почти по Станиславскому

После шумихи вокруг здания Театра имени А.П. Чехова объект попал в список учреждений, не подлежащих приватизации. По мнению директора театра Константина Харета, на этом вопросе поставлена точка.

Но наши эксперты считают, что говорить о полной победе духовности над деньгами рано. Экс-директор Дома актера (увы, тоже уже «экс») Лилия Морару уверена, что рано или поздно под видом капитального ремонта здания труппу «чеховцев» «временно» поделят к другому русскому театру – «С улицы Роз». «Временное», с ее точки зрения, затянется до тех пор, пока на месте сегодняшнего Театра им. А.П. Чехова не вырастет новый торговый центр или же многоуровневая стоянка, которая так необходима в этом оживленном месте. Учитывая

степень коррупции, развевшей не только общество, но и государственные структуры, такое вполне возможно. И тогда уже двум русским театрам не останется ничего другого, как навеки слиться воедино.

Дух студийности

Между тем Государственный молодежный театр «С улицы Роз» сам бездомный. Этот удивительный театр вырос из драмкружка, который организовал в обычной советской школе обычный пионервожатый Юра Хармелин. Было это тридцать четыре года назад. С тех пор Юра, успевший получить вдобавок к своему педагогическому высшее режиссерское образование в знаменитом московском Щукинском училище, превратился в солидного Юрия Аркадьевича – заслуженного деятеля искусств республики, художественного руководителя театра, директора Городского театрального лицея, преподавателя актерского мастерства и режиссуры в Славянском университете, победителя многочисленных международных конкурсов и лауреата различных театральных фестивалей. Вместе с ним рос театр. Сначала самодеятельный, потом театр-студия, потом муниципальный, а с 2006 года – Государственный молодежный театр «С улицы Роз». Это поэтическое название он получил не-

Художественный руководитель театра «С улицы Роз», мастер искусств Молдавии Юрий Хармелин

Театр «С улицы Роз»

спроста. Когда-то театр занимал целое крыло школы, расположенной на кишиневской улице Роз. Получив свой первый профессиональный статус, он так и стал называться: театр-студия «На улице Роз». А когда в середине 90-х его лишили дома, в названии сменился только предлог. «С улицы Роз» – это, скорее, театр-лаборатория. Несмотря на то, что костяк труппы составляет молодежь, здесь работают и признанные масте-

ра сцены, актеры со стажем, в том числе народные и заслуженные артисты Молдавии. Нередко в постановках этого театра задействованы и «чеховцы», которых привлекает царящий здесь дух студийности.

Бездомная Мельпомена

Труппа много гастролирует в Молдавии и за ее пределами, участвует в различных фестивалях и сама принимает гостей. В 2009 году здесь, при

Строительство нового здания театра «С улицы Роз» было заморожено

поддержке фонда «Русский мир» и посольства РФ в Кишиневе, прошел первый международный фестиваль камерных театров и спектаклей малых форм «Молдфест. Рампа.ру». В этом году состоится третий. Уже сейчас в почте художественного руководителя ГМТ «С улицы Роз» три десятка заявок от желающих принять в нем участие. Но, увы, принять всех невозможно, хотя бы по той простой причине, что играть спектакли негде.

Сегодня театр ютится в помещении Городского театрального лицея, который, в свою очередь, занимает здание бывшего детского сада. Сцена оборудована в бывшем музыкальном зале. Здесь же зрительный зал на 60 мест. А желающих побывать на спектаклях как минимум в два раза больше. Сотрудники стараются разместить всех: обидно ведь, приехав посмотреть спектакль, остаться на улице. Заполняют стульями проходы, ставят скамейки перед первым рядом. Порой сажают зрителей даже на сцену. И все равно мест не хватает. Особенно остро ощущается эта проблема в фестивальные дни, когда в Кишинев приезжают десятки творческих коллективов.

Несколько лет назад Хармелину удалось пробить «в верхах» строительство здания для театра. Был разработан проект, выделены деньги, начаты работы. Затем страна в очередной раз

вошла в полосу политического кризиса. За подготовкой к бесконечным досрочным парламентским выборам о театре все забыли. И готовое на 70 процентов здание, где уже установлены внутренние двери и стеклопакеты в окнах второго этажа, превратилось в долгострой. Чтобы закончить строительство, нужно не так уж много даже по меркам небогатой Молдавии – около 6 миллионов леев (500 тысяч долларов). Но государство их не дает. В Минкульте объясняют: денег нет и не будет.

При этом замалчивается факт, что в том же Министерстве культуры уже разработаны, причем в сжатые сроки, технико-экономические обоснования для реставрации трех других объектов – Национальной филармонии, Художественного музея и Академии искусств. Предварительная стоимость проекта, который готовятся подать в Совет Европы, 20 миллионов евро. Проявляется активность в поисках инвесторов и фондов для реставрации и возобновления работы Кишиневского цирка. Все это, конечно, замечательно, вот только почему-то в грандиозных планах для русского театра места не находится.

Имеющий уши не слышит

Не проходит месяца, чтобы в местных СМИ не появились публикации, связанные с проблемой злос-

частной стройки. Этот вопрос поднимают на совещаниях и конференциях театральные деятели. В прошлом году участники второго фестиваля «Молдфест. Рампа.ру», по инициативе народного артиста России, драматурга Николая Коляды, написали письмо руководству страны. Его подписали 120 человек, в том числе деятели искусств с мировым именем.

«Наша просьба продиктована тем, что этот театр уникален не только для Республики Молдова, но и для всего постсоветского пространства. Это не просто оплот национальной культуры, но и настоящий духовный центр для сотен тысяч зрителей и школа воспитания людей завтрашнего дня.

Со своим уставом в чужой монастырь не ходят. Но многие из нас приехали на фестиваль уже во второй раз. И нам непонятно, как люди работают в условиях подобной скученности, и становится стыдно перед зрителями, которые рвутся на спектакли, но не всегда могут попасть в зал из-за крайне ограниченного количества мест», – говорится в документе.

Увы, все это глас вопиющего в пустыне.

Слава безумцам, но...

По большому счету, любой театр в изнуренной политическими дразгами и экономическими трудностями Молдавии выживает благодаря энтузиастам. Оба русских театра это чувствуют лучше других. Слава безумцам, которые несут людям свет и радость вопреки любым обстоятельствам. Но все-таки хочется, чтобы их старания были вознаграждены. Ни одна страна не станет страной настоящего европейского сознания, если в ней не будут всемерно поддерживать культуру. Аксиома: пока культура не станет в обществе доминировать, это общество всегда будет провинциальным. ■

Когда верстался номер, стало известно, что премьер-министр Молдавии Влад Филат посетил строительную площадку театра «С улицы Роз» и пообещал в ближайшее время выделить деньги для завершения строительства.

«ЕСТЬ ТАКАЯ ПОТРЕБНОСТЬ...»

ЮЛИЯ
СЕМЕНОВА

КАЖДЫЙ ГОД 9 МАЯ ТЫСЯЧИ ГОРОЖАН ПРИХОДЯТ К МЕМОРИАЛУ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ В КИШИНЕВЕ, ЧТОБЫ ПОЧТИТЬ ПАМЯТЬ ТЕХ, КТО ПАЛ, ОСВОБОЖДАЯ РЕСПУБЛИКУ ОТ ФАШИСТОВ. ЗДЕСЬ ВСТРЕЧАЮТСЯ С ДРУЗЬЯМИ, ПОЮТ ВОЕННЫЕ ПЕСНИ, НАКРЫВАЮТ ДЛЯ ВЕТЕРАНОВ СТОЛЫ.

Добро должно быть молчаливо

Воскресенье. Утро, 8.30. Стою в назначенном месте, жду машину. Учитель истории одной из кишиневских школ Андрей Иванов пообещал взять меня с собой развезти ветеранам продукты.

Мы познакомились несколько месяцев назад, когда один приятель рассказал, что есть в Кишиневе люди, которые добровольно, без грантов и зарубежных доноров, без спонсоров и без рекламы в СМИ помогают участникам войны – покупают им продукты и моющие средства, делают мелкий ремонт по дому, убирают квартиры. Такие «тимуровцы», выросшие из коротких штанишек. Пионеры без пионерских галстуков.

Честно говоря, сначала я не поверила в абсолютное бескорыстие волонтеров. Да чтобы кто-то в наше время взвалил на себя такую ношу, ничего не требуя взамен, – так не бывает. Вспомнила вычитанные в прессе и увиденные по телевидению сюжеты о том, как предпринимчивые молодые люди обманывают одиноких стариков, проникая в их квартиры, откуда потом исчезают деньги и ценности; выживают у них приличные суммы на якобы чудодейственные лекарства; в конце концов, хитростью захватывают их жилплощадь, а самих выбрасывают на улицу. Словом, на первую встречу с Андреем Ивановым я отправилась без особого энтузиазма, но с надеждой вывести неизвестных «добровольцев» на чистую воду. Но ничего у меня не получилось. «Закупаем продукты, приходим, от-

даем, уходим», – по-военному кратко отпарировал Андрей о деятельности волонтеров. А на вопрос, зачем им это надо, пожал плечами: «Как – зачем? Не знаю... Есть такая потребность. Ну... мне нравится это». – «И все-таки, – не отставала я. – Почему о вас никто ничего не знает? Почему в газетах не пишут, по телевизору не показывают?» Андрей удивился еще больше: «А зачем? Разве мы делаем что-то из ряда вон выходящее?»

Как родилось «Единодушие»

8.35. Подъезжает машина. В ней два Андрея – уже знакомый мне Иванов, председатель общественной ассоциации «Единодушие», и Андрей Выгоржевский, один из самых активных ее членов. Едем на Центральный рынок покупать продукты.

«Единодушие» родилось в 2002 году, в 2003-м было зарегистрировано в Министерстве юстиции. Собственно говоря, группа граждан решила легализоваться, чтобы на законных основаниях помогать заключенным в тюрьмах – передавать им еду, теплую одежду, разрешенные лекарственные средства. Добровольцы помогали освободившимся из мест заключения восстанавливать документы, устраиваться на работу, интегрироваться в общество. Первый председатель «Единодушия», Людмила Мерян, была даже членом правительственной комиссии по условно-досрочному освобождению заключенных.

Тогда же появилась идея расширить сферу деятельности, организовать помощь ветеранам Великой

УТОПАЮТ В ЦВЕТАХ ГРАНИТНЫЕ плиты, на которых выбиты имена солдат и офицеров, сложивших головы на этой земле, горы сирени и тюльпанов окружают Вечный огонь. Приходят сюда и виновники праздника – участники Великой Отечественной. Кто-то при полном параде – в военной форме с медалями и орденскими планками. Кто-то – в гражданском, но тоже с медалями. Увы, с каждым годом ветеранов здесь все меньше. А букеты у них в руках с каждым годом все тяжелее: их дарят прохожие.

Но заканчивается праздник, вянут цветы, и ветераны остаются один на один со своими болезнями, проблемами и пенсиями. Мало кто вспоминает о них в круговерти будней. Жизнь бежит вперед, у всех свои дела, надо зарабатывать, поднимать детей. В конце концов заботиться о стариках должно государство. А еще есть советы ветеранов, а еще – другие профильные организации, да и вообще, если кто-то обратится за помощью, поможем, но ведь никто не обращается... Так рассуждают многие. К счастью, не все.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Продавцы на Центральном базаре уже знают, для кого покупает продукты Андрей Выгоржевский

Председатель «Единодушия» Андрей Иванов

Отечественной. Первым делом нужно было протоптать к ним дорожку. Это было непросто: тыкались, как слепые котята, искали адреса у соседей, знакомых. Среди тех, кто налаживал контакты с ветеранскими организациями, готовил списки, выстраивал систему, был Андрей Выгоржевский. Кстати, сначала ветеранские организации отнеслись к добровольцам недоверчиво – как и я и по тем же причинам. Но постепенно отношения наладились. И добровольцы из «Единодушия» взяли под свое крылышко участников войны, проживающих в кишиневском районе Ботаника. Еще пять лет назад в этом районе было 90 ветеранских семей. Теперь осталось 32.

Из собственного кармана

9.00. Ленивый летний Кишинев просыпается в выходные поздно. Народа на рынке еще мало, поэтому покупки не занимают много времени. Тем более за столько лет появились знакомые продавцы. Товар у них хоть и не дешевле, чем у прочих, но качественный, проверенный. К тому же им не приходится объяснять, почему каждый килограмм любого продукта нужно фасовать в отдельный пакет. Иду за Андреями по привычному для них маршруту. Сначала оптовый рынок бакалеи. По 8 упаковок сахара, риса, макарон и овсянки, 8 банок сгущенки и 8 пакетов яблочного сока, 8 пачек сливочного масла. Затем овощной базар. Здесь покупается картошка,

морковка, лук и – чтобы побаловать стариков – по полкило пастери. Так называется в Молдавии молодая стручковая фасоль, которая, если ее правильно потушить с лучком и в сметанке, просто объедение. Весь набор стоит 130 с хвостиком леев – около 12 долларов.

Эти леи собрали накануне, в субботу, когда в школе, где преподает Андрей Иванов, в очередной раз собрались члены «Единодушия». Их всего 18, но сейчас – лето же, пора отпусков! – было меньше. Как и каждую субботу, на стол поставили тарелку, куда каждый скидывал сколько мог. На самом деле скидывать помногу могут не все: среди волонтеров в основном учителя (в Молдавии у них низкие зарплаты), работники небольших фирм, мелкие предприниматели. Основной спонсор – один из серьезных кишиневских бизнесменов. Он сын кадрового военного, сколько себя помнит, столько в их доме собирались друзья отца, ветераны, ушедшие добровольцами на фронт в 1941-м и дошедшие до самого конца войны.

Деньги собирают каждую субботу. Тут же отчитываются, на что были потрачены суммы, собранные неделю назад. Обсуждают, кому из ветеранов и чем нужно помочь еще. Решают, кто будет это делать. Планируют следующую неделю.

А каждое воскресенье два Андрея начинают с похода на рынок. Если они по каким-то причинам не могут, это делает кто-то другой. Но делает. Зимой и летом, без перерыва. В любую погоду. Уже много лет.

ВОЛОНТЕРЫ

Гостям здесь рады

9.45. Первый адрес. Здесь живет ветеран Великой Отечественной войны капитан Михаил Николаевич Харламов. Андрей Выгоржевский звонит в дверь. Хозяйка не скрывает радости: «Андрюша! Мы так и думали, что вы сегодня придете!» Михаил Николаевич держится молодцом, хотя через полгода будет отмечать свой девяностолетний юбилей. С удовольствием позирует для фотографии. Его жена сует нам в руки по конфетке: она всегда держит их в холодильнике «для ребятишек». Расписывается в получении продуктов. Все, как и рассказывал мне когда-то Андрей: привозим продукты, отдаем, узнаем, в чем еще есть нужда, откланиваемся и уходим.

Если подопечным не нужна другая помощь, то добровольцы появляются у них с посылками раз в месяц. Ну и перед праздниками, конечно. Если же есть необходимость убрать в квартире или что-нибудь починить, появляются чаще. Вообще же приходится решать разные проблемы. Вот, например, фронтовая медсестра Полина Дмитриевна Захарова, приехавшая в Молдавию после демобилизации ликвидировать безграмотность, долгое время боялась кому-либо открывать дверь, потому что в соседней квартире жили наркоманы. Их обкуренные и обколотые гости сутками толпились у подъезда, пытались прорваться к другим жильцам, скандалили, не давали покоя ни днем, ни ночью. «Единодушцы» нашли участкового и не отставали от него до тех пор, пока не был наведен порядок. Сейчас подъезд, еще недавно заплес-

ванному, замусоренному, закиданному использованными шприцами и окурками, можно было бы дать звание образцового, если б такое существовало. Чистота, картинки на стенах, цветочки на окнах. И ни одного постороннего.

10.10. Мы у квартиры бывшего военного летчика Гуланжи Паркиева. Открывает дверь его жена: «Ой, Андрей! А мы уж думали, вы про нас забыли!» – «Да что вы! Ровно месяц прошел». – «Правда? А нам казалось, вечность». Гуланжи несколько раз горел в самолете. После войны старые раны дали о себе знать. Стало стремительно ухудшаться зрение, сейчас он совсем слепой. За ним ухаживает супруга, Нина Григорьевна. В квартире очень скромно и очень чисто. «Вам кто-то помогает по хозяйству?» – спрашиваю. «Нет, пока сама управляюсь. А когда

не смогу... Вы меня не бросите, Андрей?» – «Конечно, нет. Даже не думайте об этом».

Когда кто-то из ветеранов уходит, добровольцы продолжают помогать их оставшимся в живых супругам. Так, они по-прежнему навещают Розу Александровну Вышегородцеву. Ее муж, ветеран войны, умер чуть более года назад. Совсем недавно пережила потерю Анетта Филипповна Сигачева, осталась совсем одна. Ждет племянников, которые будут с ней жить. А пока договаривается с Андреем о том, чтобы к ней пришел один из членов «Единодушия» чего-то там починить, да и просто попить чаю и поговорить. Анетта Филипповна – последняя из тех, кого было запланировано навестить в это воскресенье. На следующей неделе волонтеры отвезут продукты другим своим подопечным.

Идет фасовка

Продукты
для ветеранов

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Семья ветерана
Великой Отечественной
Михаила Николаевича
Харламова

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Круг ширится

На часах – 10.50. Андреи везут меня домой. По дороге говорю, что, мол, помогать самостоятельно – это хорошо, но еще лучше расширить круг, привлечь к своей работе других людей. Нельзя объять необъятное: «Единодушие» действует только в одном районе Кишинева. Но ведь ветераны живут и в других, и за городом, и в республике.

Как всегда, опоздала со своими советами. Выяснилось, что совсем недавно волонтерам удалось договориться с членами Клуба деловых людей Timprul. И теперь к их работе подключилась одна из крупных кишиневских фирм, Dina Cosiug, взявшая под свою опеку 21 ветеранскую семью в столице и еще 16 семей в семи районах страны.

И само «Единодушие» решило расширить сферу деятельности. Сейчас готовится проект, предусматривающий создание в Молдавии первого реабилитационного центра для малолетних правонарушителей – детей, оставшихся без родителей, и «социальных сирот» – тех, чьи

матери и отцы лишены родительских прав или же, уехав на заработки за границу, много лет не дают о себе знать. Проект под названием «Первый шанс» – инициатива одного из волонтеров ассоциации, который специально поступил в прошлом году на факультет психологии и педагогики госуниверситета, чтобы разбираться в проблеме. Кстати, этот факультет и стал одним из партнеров проекта. Здесь уже разрабатывается научная концепция, направленная на адаптацию несовершеннолетних преступников к реалиям и условиям жизни современного общества.

Над ней трудятся ученые, действующие педагоги, психологи, члены неправительственной организации «Воевод». Планируется, что будет создан реабилитационный центр – на базе агрохозяйства или какого-либо загородного производства, чтобы, выйдя из колонии, подростки сразу же получали кров, работу с хорошей зарплатой, могли учиться и обязательно заниматься спортом. В перспективе намечено

создать несколько таких центров в разных районах Молдавии.

11.00. Приехали. Прощаюсь с Андреем до следующей субботы. Нужно будет бросить что-то в общую копилку: хороший пример заразитель-

Вместо эпилога

Два года назад – а может, чуть больше – в социальной сети «Одноклассники» появилась группа «Добрая Молдавия». Ее девиз: «Творим добро, делаем Молдавию лучше». Сегодня она объединяет около 30 тысяч человек, в том числе и за пределами страны. Несколько раз в год члены группы собираются в Кишиневе, возле расположенного в центре города российского посольства для участия в акциях помощи ветеранам и детским домам. С каждым разом желающих принять участие в этих акциях все больше. С каждым разом все больше молодежи. А это значит, что не все еще потеряно в нашем сумасшедшем и суматошном мире. Хороших людей все-таки больше, чем плохих.

ХУДОЖНИК ЗАЗЕРКАЛЬЯ

**КСЕНИЯ
БОБРОВИЧ**

ЛЕТО. ПАРИЖ. ЖАРА. УЛИЦА ПЫШЕТ, КАК ДУХОВКА. РЕДКИЕ ПРОХОЖИЕ ПРОБИРАЮТСЯ ПО РАСКАЛЕННЫМ ТРОТУАРАМ. ВСЕ ЗАМЕДЛЕННО. ВСЕ ЛЕНИВО. ВОСТОЧНОГО КОЛОРИТА ПРИБАВЛЯЮТ МУЖЧИНЫ В БЕЛЫХ ОДЕЖДАХ, РАЗВАЛИВШИЕСЯ НА БЕЛЫХ ПЛАСТИКОВЫХ СТУЛЬЯХ ПЕРЕД ВХОДОМ В КАФЕ.

ЕЩЕ ОДИН ПОВОРОТ, И ВОТ – вход в небольшой тупичок. Как из садового грота, веет из узкой улочки прохладой. За железной зеленой калиткой под номером 13 – оазис... Когда нажимаешь на кнопку, звонка не слышно. Борис Заборов бесшумно возникает на пороге домика. Сколько раз за тридцать лет эмиграции он

появлялся так, встречая гостей? Мастерская Бориса Заборова в глубине небольшого сада – приют для творческих людей в этом суматошном мире. Здесь часто бывают гости. Сколько новых идей родилось за круглым столом под старым черешневым деревом! Раньше на его ветке висела клетка с лазурной поморской «птицей счастья». Теперь ветка пуста... Почему?

ДИНА ШЕДРИНСКАЯ

Художник и его модель.
1998 год. Холст, акрил.
63 x 200. Галерея
Уффици

«Готовлюсь перестраивать мастерскую! Я когда-то сказал, что мне повезло: я никогда не видел Париж глазами туриста. А вот сегодня даже жалею о том, что никогда не увижу этот город взглядом случайного прохожего. Я давно понял: Париж прячется и живет своей жизнью за фасадами. И в эту интимную жизнь никому без приглашения войти невозможно. Но в этом большом Париже я нашел и свой маленький Париж. Много лет назад бездумная прогулка привела меня в этот переулок в два шага шириной. Внимание привлекла решетчатая калитка в его глубине, за ней я увидел заброшенный двор со свалкой. Жизнь ушла, жилье разрушалось. В глубине двора стоял двухэтажный дом без окон и дверей. То есть и окна, и двери когда-то были, но их замуровали большими блоками серого бетона. Отдельно слева стоял крытый черепицей «чайный домик» (как я окрестил его сразу) из красного кирпича. Только он и фонарь на изогнутой консоли были столь же привлекательны, как сейчас. Я запомнил адрес и номер дома – 13 – число, которое давно приносит мне удачу. Я выяснил, что дом сдастся мэрией, и когда я вошел внутрь, то понял – это мое про-

странство. Я нашел место, подготовленное и сбереженное для меня Провидением. Это место и есть – мой Париж. Уже многие годы, когда я стою у мольберта, прямым взглядом или боковым зрением вижу из мастерской зеленый квадрат лужайки с брызгами синих фиалок, точно это синий кобальт убежал с палитры. Или – сад, устланный ковром опавших листьев. Или – в редкие зимние дни – девственно чистое снежное покрывало. Когда я вхожу в узкий тупичок, ведущий к мастерской, открываю калитку, прохожу мимо «чайного домика», мне нередко мерещится крымская молодость. Но в реальность возвращает важная примета – аура, магнетическое поле многовекового города. Аура, которая висит над моим садом и столетним каштаном у кирпичной стены. Над моим сознанием и в нем – одновременно».

Живопись Бориса Заборова невероятно сложна по своей технике. Критики нередко говорят о «разговоре Бориса Заборова с прошлым». В одном они правы: есть прошлые образы, дальние истоки, что про-

должают питать и наполнять живой материей картины художника. Из какого личного прошлого возникают образы этих полотен? Как возник художник Борис Заборов?

«В моей памяти часто возникает предновогодний вечер 1941 года. Приуральский город Чёрмоз, скованный морозом. В коридоре казенного барака, где разместились семьи эвакуированных московских художников, стены выкрашены в горчичный цвет. И на этой тускло освещенной стене я вижу свой рисунок «Советский солдат, идущий в атаку». Это была выставка детей нашего барака. Рисовали все. Проблемы выбора профессии у меня не было. С рождения я жил в атмосфере мастерской художника, моего отца Абрама Заборова. Точнее всего я ориентируюсь во времени и в ощущениях по запахам. Запах масляной краски и льняного холста – это мой отец. Этот запах волнует и тревожит меня всю жизнь, вызывая вереницу воспоминаний. Отцу я обязан многим, в том числе и тем, что стал художником. Мое детство оборвалось быстро, вдруг. Мне было 6 лет, когда началась война.

БОРИС ЗАБОРОВ

Вот судьба! Сколько должно было произойти удивительных, но в конечном счете счастливых жизненных пересечений, чтобы мы выжили. Погибнуть было легче, чем остаться в живых. Это могло произойти в нацистском концлагере, где погибла вся семья моей матери. Это должно было произойти под пулями немецкого «мессершмита», на бреющем полете расстрелявшего платформу товарного поезда, набитую беженцами. Это казалось неизбежным, когда тихходный «газик», в котором были мама с сестрой, мой младший брат, я и архив какого-то областного военкомата, встретился на проселочной дороге с немецким танком. И позже – еще много раз: от болезней, от голода... Это военное время связано в моей памяти с тревогой, ожиданием опасности и постоянной работой. Очевидно, это так глубоко во мне поселилось, что стало моим постоянным ощущением жизни.

С тех пор я рисую, я следую призыванию. И не отступлюсь от него, пока хватит сил. Ко всему прочему мой интерес вторичен».

В калитку без стука вошел худой француз. Не торопясь, прошел по дорожке, подошел к столу и присел с нами. Оказалось – учитель из соседнего художественного лицея пришел поговорить о скульптуре для установки в школьном дворе. Таких скульптур – книг из бронзы – множество в мастерской. Это – одна из любимых тем художника. В одной из критических статей эти книги названы «скульптурными объектами», и искусствоведы говорят о «руинированных бронзовых книгах и альбомах с истлевшими и обтрепанными корешками, со сломанными замками, затертыми названиями и иллюстрациями, о книгах без выходных данных». Разговор о технических деталях и сроках представления «досье» директору лицея был недолгим. Французский гость ушел...

«После войны наша семья вернулась в Минск. Города практически не существовало, он представлял собой ирреальную картину. Руины, пепелища, одиноко бродящие фигуры. Потом город начал оживать, возвращались беженцы и солдаты. После школы я поступил на второй курс Минского художественного училища. Студентов было мало, в основном люди, прошедшие войну. Они были старше меня на восемь-десять лет по возрасту и как минимум на двадцать – по

жизненному опыту. Я чувствовал себя в их окружении не очень-то уютно. Мы были далеки. Эти годы учебы – самые скучные и бесцветные.

В 1953 году, после училища, я, обуреваемый тщеславными мечтами, бросился в Ленинград. Я успевал к приемным экзаменам в Академию художеств. Экзамены провалил, но остался в подготовительном классе при Академии и на следующий год стал студентом. Здесь все так счастливо сошлось: молодость, дух студенчества и сам город, прекрасный и непостижимый. Вообще, период учебы в Академии был праздником – беззаботно-счастливым. Замкнутость территории, которая включала в себя общежитие, академический сад и главный корпус, выходящий фасадом к Неве, – все вместе создавало ощущение избранности. Занимались мы в просторных, светлых классах. Долгими часами штудировали гипсы, слепки античной скульптуры, как это делали до нас многие поколения студентов. Методика обучения была

однажды сформулирована и законсервирована. До нас долетало эхо жизни, бурлящей за железным занавесом, поэтому мы с легким презрением относились к довольно рутинной системе обучения».

Сколько существуют «академизм» и свобода, столько и вызывает это мнимое противостояние размышления, споры, бунты... Веком ранее Василий Поленов писал конференц-секретарю Императорской Академии художеств Петру Исееву: «Несмотря на большие достоинства Академии и, так сказать, гуртового обучения, оно имеет значительные невыгоды. Главным образом они состоят: во-первых, в коллективности преподавания, а во-вторых, в методичности и сухости, следствием чего результаты, несмотря на кажущуюся быстроту, для самобытности искусства очень медленны, а движение искусства безжизненно. Обучить человека быть ху-

ДИНА ШЕДРИНСКАЯ

Девочка, сидящая верхом на собаке.
2010 год. Холст, акрил. 116 x 89.
Из собрания художника

дожником – дело нетрудное, но дать возможность таланту цельно развернуться – задача очень нелегкая!» Чем закончились подобные размышления для Поленова, известно – он вышел из Академии... А Борис Заборов?

«Вот к какому выводу я пришел с годами: истинное благо и чудо, что разрушительные человеческие страсти оставляют в стороне от своего гибельного внимания маленькие островки покоя. Это – рукописи, книги и архивы, это целые культуры, засыпанные землей в ожидании воскрешения, это – забытые богом северные деревни, картины, сохраненные бескорыстной любовью коллекционеров, и многое, многое другое. Все это – звенья одной цепи, которая есть наша культура и, быть может, единственное оправдание нашего земного бытия.

По традиции Академии художеств по окончании второго курса студенты проходят практику в Крыму. Считалось, что после северного низкого неба над Васильевским островом будущим художникам полезно освежить палитру под южным солнцем.

Если бы в те времена какой-нибудь прорицатель сказал, что я по своей воле оставлю Ленинград, Академию, я счел бы его сумасшедшим. Но произошло именно так... Менее всего эти крымские каникулы имели отношение к моей палитре, но жизнь мою перевернули фатально. Однажды утром на тропинке, ведущей к морю, я встретил девушку – красивую, тонкую, бронзовую. Девушка училась в Москве. Встретив, я не хотел ее потерять. Осенью того же года я стал студентом Московского художественного института имени Сурикова. А Ирина стала моей женой.

Учеба и жизнь в Москве существенно отличались от петербургской. В Академии художеств мы росли как тепличные растения, фактически не соприкасаясь с внешним миром. В Москве все было иначе. Каждый из нас искал свое место под солнцем за пределами института. Позднее, в эмиграции, я благоговял этот московский опыт».

Что могло заставить уехать его, художника, достаточно успешно работающего по окончании института в Минске?

«У меня была цель – стать художником, писать картины. Живопись давала удовлетворение, но не приносила денег. Я много занимался книжной

графикой, она кормила, но со временем становилась все более ненавистной... Нарастало отчаяние, озлобление и, наконец, мучительная тревога безвозвратно потерять самого себя.

Так ранним утром в мае 1981 года я оказался на перроне Северного вокзала в Париже. Я ступил на землю романтических юношеских мечтаний, но под моросящим дождиком я не издал ликующего возгласа победы. Напротив, острое чувство тревоги пронзило меня. В этот мир я приехал, чтобы в нем поселиться, начать новую жизнь. Попытаться стать художником в том смысле и содержании, как это понимаю я.

Уезжая в эмиграцию, я устроил генеральную чистку своим мозгам. Я безжалостно расстался с иллюзиями «славной биографии советского художника» и готовился к испытаниям и каторжному труду. С собой я взял только инструмент – свой опыт и профессиональный навык. Я приехал во Францию без единой художественной идеи.

Я сразу ощутил масштабы пропасти, отделяющей мой прежний романтизм от реальности. В новом мире не было моего детства и юности. Ничего из того, что могла бы реставрировать память. С этим миром не было ни одной нити, кроме той таинственной, которой каждый человек прикрепляется ко всему человечеству.

Каждый вечер перед моими глазами открывалась панорама ночного Парижа. Бесконечное множество окон-светлячков уходило каскадами в перспективу большого города и вдали сливалось с небом, образуя единую галактику, в которой никто даже не подозревал о моем существовании. Рядом спала моя семья, и мне казалось, что никогда прежде я не был так тесно с ней связан единством, чувством ответственности и нежности».

Мы не заметили, как облака потемнели и прижались к крышам. Разговор прерывается все чаще, мы поглядываем на небо. Подкралась гроза. Пришлось срочно эвакуироваться на кухню.

На вопрос, как он привыкал к парижской жизни, Борис Заборов ответил не сразу.

«Как в свое время в училище среди фронтовиков, я чувствовал себя здесь не очень-то уютно. Это было время тревожных и опасных мыслей, безрадостных признаний самому себе и одиноче-

ства. Спасаясь от них, я прятался в воспоминания.

Веришь ли ты в силу случая? Я – да! Так вот, я расскажу один мистический случай, определивший, как оказалось, мою судьбу в искусстве, да и просто судьбу. Это было еще в Белоруссии, мы отправились с приятелем ловить раков. Дорогу размыли дожди, и мы не могли проехать к реке. Мы закатали брюки и зашлепали по проселочной дороге. День был жаркий, решили зайти в избу, одиноко стоящую у края леса, попросить напиться. На стук никто не ответил, мы толкнули дверь – она оказалась не заперта. После солнечного света глаза не сразу привыкли к полумраку. Постепенно мы различили очертания убогого интерьера, голые бревенчатые стены. И затем из мглы, словно изображение на опущенной в раствор фотобумаге, возникла картина, поразившая нас своей полной отчужденностью. На тюфяке из грубого холста, набитом соломой, неподвижно лежал на спине старик со сложенными на груди руками. Было не ясно – умирает он или уже скончался. Рядом с ним на лавке сидела старуха и смотрела в одну точку. Потом я заметил на стене старую фотografiю. На ней была сцена, почти зеркально отражающая ту, что была перед нами: на соломенном тюфяке, прикрытом простыней, лежит покойник, в сложенных на груди руках – свеча. Он одет в тройку 20-х годов, у его изголовья – женщина, которая держит в руках фотографию в широкой раме. На фотографии – покойный в молодости, очевидно, времен их свадьбы. Слева от нее двое юношей, а с краю, в ногах, – старуха. Все персонажи этой фотографии замерли в торжественной неподвижности. Их взгляды, устремленные в объектив, смотрели из рамы на происходящую сцену отходящей жизни. Прошлое соединилось с настоящим.

Я не помню своей простой, человеческой, реакции... Заговорили ли мы со старухой? Ответила ли она?... А потом, не знаю, что на меня нашло, я не мог рационально объяснить свой поступок... Я снял со стены в чужом доме фотографию и унес с собою. Получается, что, попросту говоря, украл. Она приехала со мной в эмиграцию. И вот как-то раз, в Париже, когда казалось, что череп взорвется от избытка бесплодных мыслей, я перебирал наш багаж. И наткнулся на альбом со старыми фотографиями. Не альбом я открыл тогда, а потайную дверь туда, где хранились ответы на многие вопросы. Но понял я это позже. А в первую секунду встретился с устремлен-

ными на меня глазами, что уже однажды смотрели на меня в тот памятный летний день: «Почему и чьей волей мы из богом забытой хаты оказались здесь? Для чего?» Тут мой взгляд прошел сквозь плоскость изображения и, как в открытое окно, ушел в безграничные просторы воспоминаний. Мне открылась панорама прошедшей жизни. Дней, освященных чистой любовью и светлой грустью. Не знаю, сколько времени я пребывал в этой полудреме. Яркая вспышка в глубине сознания пробудила меня. Две мои жизни воссоединились, и в обновленном состоянии я увидел все иначе: и свои фантазии, и посредственность привезенных с собой работ. Шум Парижа за окном перестал быть слышен, но мне открылись далекие шелесты прошедших лет. Они напоминали о простых радостях, вмещающихся в малые размеры жизни.

Через открытую дверь была видна мастерская. Часть картин были повернуты к стене, часть – смотрели на зрителя. В сумеречном неверном свете дня проступали лики. Мастерская была наполнена образами прошлого...

«Меня всегда влекло к старым фотографиям, они вызывали в душе смутное беспокойство. Но я не знал, что однажды они перевернут мою судьбу. Семейные альбомы не просто хранят видимую историю фамильных кланов. Они – культурное семейное пространство, документальная семейная сага. Эти фотографии и дагеротипы хранят в дымке ускользающей памяти отпечатки некогда живой жизни. Они были семейными реликвиями, но в пожарах XX века часто теряли своих владельцев и становились товаром блошинных рынков. Они стали «анонимным населением». Потерянный или забытый мир людей, некогда отраженный объективом фотокамеры, сохранил для нас их лица, костюмы, детали быта. Но не только это. Эти старые студийные фотографии сохранили большее. Дело в том, что статичность позы – условие фототехники того времени. Сосредоточенность, с которой человек замирал в ожидании вспышки, поднимала из глубин его существа душевную энергию, которая застыла в выражении глаз. Через этот взгляд начинаешь ощущать магическую причастность к тайне чужой жизни и воспринимать ее как часть своей собственной. Теперь я думаю, что преображение мира других в мое творчество пришло через

подсознание. Иначе чем можно объяснить и оправдать мой поступок в той белорусской деревне? Вторая встреча с похищенной фотографией произошла в момент, когда моя воля и душевное состояние были готовы к новому поиску. Она послужила детонатором. Это был момент рождения «молодого художника» Бориса Заборова. К тому времени мне исполнилось 45 лет».

Конечно, нельзя предположить, что Борис Заборов теперь чувствует себя одиноким в Париже. Круг его знакомств и привязанностей широк. Его часто можно встретить на вернисажах в галереях, в российском посольстве, на премьерах... Но не возникает ли иногда чувства потерянности за стенами мастерской, когда основными собеседниками становятся давно ушедшие люди из анонимных семейных альбомов?

«Человек по определению одинок. Так часто бывает: когда я держу в руках желтеющую от времени, полуразрушенную фотографию, то сквозь ее материю я ощущаю присутствие людей. Они потеряли личную историю, но в их глазах живет грустная меланхолия, тоска невысказанности и многое другое, что роднит нас с ними. Так возникает мост между настоящим и прошлым, так завязывается не только визуальная, но и духовная связь между живыми и мертвыми. Эти анонимные люди стали героями моих картин. Они глядят в меня из своего далека, их пристальный взгляд приглашает к доверительному диалогу. Диалогу души. Я принимаю этот вызов. Я стараюсь понять: отчего эти тени будоражат мое сознание, в чем их гипнотическая притягательность? Это происходит, возможно, оттого, что по складу своему я лирик, и лирик грустный. В старых фотографиях я встречаюсь со своими «сообщниками». Грусть, меланхолия – наиболее характерные выражения на их лицах. И еще один аргумент: анонимный портрет мне кажется более одиноким, чем персонифицированный. Возможно, это установка моего восприятия? Но так я чувствую».

Один из друзей Бориса Заборова, знаменитый поэт, сценарист и художник Тонино Гуэрра, так описывает в «Семи тетрадах жизни» их встречу: «Тетрадь 4. После потопа – дождь. 19 Пятница

Приехал Борис Заборов, замечательный русский художник, который вот уже пятнадцать лет живет в Париже. С ним его жена. Много старых фотографий хранится в архиве его памяти. Руки, застывшие на коленях, или локоть, облокотившийся о столик, на котором вечная вазочка с цветами. Время отложило свой след на людях и на их мечтательных взглядах в воздухе, который сделался запыленным от времени и старой печати. Желтоватая вуаль, почти прозрачная, просит приподнять ее твоим воображением, чтобы дотронуться реально до этих присутствий и ушедших далеких миров. Когда я впервые увидел мастерскую Заборова в центре Парижа, на мгновение почудилось, что возвратился в Москву. Борис работал над большим полотном – девочка верхом на своей старой собаке. В этом воздухе, где нагромождение предметов дышало пылью, двигалась лишь рука Заборова, ведущая кисть. Тем временем во дворе перед мастерской огромный конский каштан был усыпан птицами, которых художник защищал от рыжего кота, появлявшегося иногда наверху, на крыше».

«Фотография возникла более 150 лет назад. На протяжении полутора веков художники так или иначе использовали ее в своем творчестве. В прошлом столетии целые течения в искусстве были напрямую связаны с фотографией. И, наконец, теперь сама фотография стала экспонатом выставочных и музейных залов, предметом искусства. Моя работа со старой студийной фотографией единственна в своем роде. Поэтому уникальна. Картина, которую я пишу, могла возникнуть только в постфотографическое время. Если точнее – когда студийная фотография стала изображением с свидетельством потерянной эпохи. Но эпохи не столь отдаленной, чтобы потерять эмоциональную власть над нашими чувствами. Иначе говоря, моя картина могла родиться интеллектуально и по методу ее исполнения не ранее 50-х годов XX столетия. Я не устремлен назад, тем более – не устремлен в будущее. Мое желание – уравновесить оба этих устремления. Этими словами я хочу подчеркнуть мою оппозицию современной художественной ситуации, выраженной в декларативном разрыве с изобразительной традицией.

Моряк. 2006 год.
Холст, акрил. 162 x 130.
Из собрания художника

Я всегда доверял своему интуитивному знанию и чувству. Понимаю, чувство – материя зыбкая. И тем не менее. Просто нужно быть всегда начеку. Реальная жизнь в любой момент готова покуситься на наше романтическое отношение к ней. Человек со дня творения – жертва соблазнов. Соблазны современного потребительского мира продолжают нас искушать на каждом шагу. Искушение, которому подвергся Одиссей, проплывая остров сладкоголосых сирен, – детский сад. Ему достаточно было привязать себя канатом к мачте своего корабля. Художнику, который хочет сегодня пройти свой Путь, оставаясь верным себе, должно привязать себя к собственному позвоночному столбу. Исчерпаем прием. Но человек в искусстве неисчерпаем. В моей работе с анонимным персонажем я не могу опереться на конкретные знания о портретируемом. Мне постоянно необходимо искать неуловимое. Этот поиск замечателен, поскольку он свободен от присутствия живой

модели, что активизирует фантазию. Он интригует, как все, что неуловимо и эфемерно. Не является ли самым прочным то, что неуловимо? Картина, которую я пишу, не окно в небытийный мир моих безымянных персонажей. Но она и не зеркало, где отражен реальный мир, в котором присутствует автор. Моя картина – это, скорее, полупрозрачный экран, в пространстве которого персонаж подвешен во времени. Это время отдалено от нынешнего, но оно не спрессовалось настолько, чтобы потерять свою прозрачность. И трудно различить – персонаж выплывает навстречу нам из своего зазеркалья или погружается в него. Этим объясняется моя привязанность к статичной композиции. Портрет «в упор» в пространстве, не загруженном аксессуарами. Только при такой композиции глаза персонажа находят самый короткий, магнетический контакт с глазами своих «собеседников». И эти собеседники – фотограф в прошлом, художник в настоящем, зритель перед

картиной в последующем будущем. Мой безымянный персонаж в «пустом пространстве» – метафора одиночества.

За долгим монологом Бориса мы не заметили, что дождь давно перестал барабанить по стеклянному потолку мастерской. Мокрый сад, каштан, черешня сверкали изумрудом омытой листвы. По стеблям плюща на «чайном домике», переговариваясь, сновали воробьи. Невозможно было представить, что где-то существует иной мир, чем этот сад, его покой и тишь, это реальное, но почти кинематографическое состояние. Я знаю, что Борис Заборов сам много фотографирует. А не было ли желания заняться кино?

«Здесь, в моем саду, я снял пару лет назад фильм. Это было, скорее, антикино. Фильм называется «Сонет», и композиционно он построен как классический шекспировский сонет. Он состоит из трех строф – «Весна», «Лето», «Осень» – и эпилога. В каждой из частей снимались разные актрисы. В фильме нет литературного сюжета. В нем нет текста, тем более диалога, кроме голоса британской актрисы Шарлотты Рэмплинг, читающей 24-й сонет Шекспира по-английски. Ему вторит мужской голос по-русски, звучащий ирреально, словно эхо или молитва. В фильме есть цвет, фактура, музыка, возникающие из небытия картины. Свободная метафора, позволяющая каждому видеть то, что он хочет и может увидеть».

Мы вышли прощаться в сад. У калитки я обернулась, чтобы помахать на прощание рукой. Борис Заборов так и стоял на пороге дома. Он опирался узкой рукой на дверь и в наступающих сумерках поразительно напоминал свой автопортрет «Художник и его модель», не так давно приобретенный флорентийской Галереей Уффици... Немолодой художник, коротко стриженная борода обрамляет худощавое лицо, карие, немного грустные глаза... В них сквозит меланхолия... Или грустная невысказанность? Сквозь угасающий день в меня пристально вглядывался мужчина из старинного семейного альбома. За его спиной, в мастерской, свободно парила лазурная поморская «птица счастья». ■

ГАЛИНА ВОЛИНА

ЛИНИЯ «ФАРВАТЕРА»

**КИРА
СТЕРЛИН**
ФОТО **АНТОНА
БЕРКАСОВА**

УЖЕ СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД «ФАРВАТЕР» ПОМОГАЕТ ТАЛАНТЛИВЫМ ДЕТЯМ ИЗ ГОРОДОВ, ПОСЕЛКОВ И ДЕРЕВЕНЬ РОССИИ ПРОБИТЬСЯ В МОСКВУ, ПОЛУЧИТЬ ОТЛИЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И СТАТЬ МАСТЕРАМИ СВОЕГО ДЕЛА. ИМЕНА НЕКОТОРЫХ ИЗ ЭТИХ РЕБЯТ УЖЕ ИЗВЕСТНЫ НЕ ТОЛЬКО В НАШЕЙ СТРАНЕ, НО И ВО ВСЕМ МИРЕ.

— В 1998 ГОДУ МНЕ ПОЗВОНИЛ МОЙ ДРУГ, УЧЕНЫЙ-СОЛЬФЕДЖИСТ Владимир Кирюшин, который разработал уникальную систему обучения детей музыки, — рассказывает Галина Адольфовна Волина, вице-президент фонда «Фарватер». — Он сказал, что в Якутии, в городе Нерюнгри, живет очень талантливая девочка, 12-летняя пианистка Катя Яцюк, и с ней случилось несчастье: ударило током и сильно обожгло пальцы на правой руке. Местные врачи хотят ампутировать ей пальцы, но этого нельзя допустить, кричал Кирюшин и просил меня срочно найти в Москве врачей, которые смогут спасти ребенку руку. Я принялась обзванивать медицинские центры Москвы. Наконец в каком-то из них мне сказали, что надо звонить в детский ожоговый центр, который возглав-

ляет профессор Акатьев, дали телефон. Профессор, к счастью, оказался на месте. «Срочно привозите, — приказал он. — Тогда мы еще можем успеть». Мы тут же позвонили в Нерюнгри, мать девочки уже сидела на чемоданах. Самолет, который увез Катю в Москву, был последним — все следующие рейсы были отменены из-за непогоды на неделю. В ожоговом центре Кате сделали несколько операций, и через месяц она вместе с мамой уже сидела у меня дома. Мы пили чай, а Катя играла Шопена. Ну а сейчас Катя учится на первом курсе аспирантуры Московской консерватории у знаменитого Николая Петрова (выдающийся пианист Николай Петров скончался 3 августа. — Прим. ред.) и начала выступать как концертирующая пианистка.

«Фарватер» был создан в 1994 году по инициативе бывшей журналистки и правозащитницы Галины Волиной и народного артиста РФ Валерия Золотухина.

— Я уговорила Валерию к нам присоединиться, — поясняет Галина Адольфовна, — сказала ему: у тебя имя, нам легче будет. Он согласился. Сначала у нас никаких денег не было, мы устраивали благотворительные концерты, спасли от захвата коммерсантами две старейшие детские изостудии: на Арбате — «Мир глазами детей» и на улице Гастелло — «Радуга», помогали ветеранам сцены, театру «Арлекин», юной пианистке Екатерине Леденёвой, талантливому студенту ГИТИСа Анджее Белецкому... Клянчили, простите за грубое слово, подачки у спонсоров и т.д. Несмотря на бедность, нам все же

удавалось кое-что сделать. Однако с появлением Кати Яцюк многое в работе фонда изменилось.

Расставаясь после операции с Катей и ее мамой, Галина Адольфовна советовала им продолжить музыкальное образование девочки в столице. Из Нерюнгри позвонили через год, в начале лета 1999-го, сказали, что готовы приехать. Галина приглашение подтвердила. Каково же было ее удивление, когда на следующий день у двери ее небольшой двухкомнатной квартиры стояли не только Катя и ее мама, но и родной брат Кати Андрей, двоюродные сестра и брат Настя и Саша, а также Катина тетя.

— Где же они все будут учиться, спросила я с некоторым ужасом, — вспоминает Галина Адольфовна. — Мамы уверили меня, что у них все дети талантливые, и ушли определять их в учебные заведения. И, представьте себе, все детишки поступили. Старший из них, Андрей, был принят сразу в два учебных заведения: в Гнесинку и в Музыкальный колледж им. Шнитке. Катю и Настю приняли в «Шопеновскую» музыкальную школу, причем педагогом Кати стал народный артист России Алексей Наседкин, а 7-летнего скрипача Сашу взял в ЦМШ народный артист СССР Эдуард Грач.

После решения этого вопроса возник второй, не менее насущный, — с жильем. Но он тоже решился быстро: вся компания в полном составе остановилась у Галины Волиной.

— Мы разместили их как смогли, спали на матрасах, по утрам вы-

страивались в очередь у двери ванной. Я вспоминала общеобразовательные предметы, занималась с детьми – программу средней школы они проходили экстерном. Так продолжалось, наверное, около двух лет. Потом случилось счастье, крупная компания дала фонду денег, – улыбается Галина Адольфовна, – и мы сразу же сняли трехкомнатную квартиру этой семье.

После этой «боевой четверки», связь с которой фонд поддерживает до сих пор, появился вундеркинд – Воля Бригида из города Рубцовска Алтайского края.

– О Воле Бригиде мне рассказал Валерий Золотухин, тогда этому мальчику было всего 4 года. Воля играл на скрипке и фортепиано, читал тексты из любой книги, знал наизусть длиннющие стихи, легко справлялся с задачами для

второго класса, – рассказывает Галина Адольфовна. – Когда его родители привели Волю к нам, тот стал увлеченно играть на диване с котенком, не слушая разговоры взрослых. Вдруг его папа взял один стакан и ударил им о другой. Воля поднял голову, сказал: «Третья октава ре-бемоль» и снова занялся котенком. Мы ударили рюмкой о рюмку, ложечкой по чашке – Воля называл ноту безошибочно. Это было поразительно. И фонд стал помогать ему. Потом Волю «углядел» великий Мстислав Ростропович и, приняв участие в судьбе мальчика, многое сделал для него: заставил выбрать между скрипкой и фортепиано – Воля выбрал фортепиано, развивал его дар, организовывал ему и лучшим стипендиатам своего фонда выступления в Вашингтоне, в престижных залах Франции и Гер-

мании и даже свое фортепиано ему подарил. Наш вклад был скромнее, зато, как бы это выразиться, надежнее. Мы исповедуем принцип: помогаем немногим, но до победного финала, то есть мы поддерживаем своих детей с того момента, как они попали к нам, до окончания ими высшего учебного заведения, если они действительно стремятся стать мастерами в избранной профессии. Что касается Воли Бригиды, которому сейчас 13 лет, то до недавнего времени мы полностью оплачивали его обучение в «Доме Станкевича», где готовят синхронных переводчиков. Но во время финансового кризиса, который печально сказался на нашем бюджете с середины 2009 года, мы обратились к меценатам, и благодаря средствам одного из них – все остальные отказались – фонд снова имеет возможность помогать семье Воли ежемесячно. Для меня причиной особой гордости стала недавняя победа Воли на не совсем обычном международном музыкальном конкурсе, где он получил золотую медаль за исполнение, в записи, произведений Шопена и Листа и приглашение выступить в Карнеги-холле в Нью-Йорке.

Узнав о существовании фонда, к Галине Адольфовне из Змеиногорска приехали родители талантливой пианистки Оли Шеховцовой. Тогда ей было 14 лет, но она уже играла сложнейшие партии на фортепиано и мечтала о музыкальной карьере.

– Мы приобрели для Оли пианино и долгое время снимали ей жилье под Москвой, пока она не поступила в консерваторию и не перешла жить в общежитие. Все эти годы Оля ежемесячно получала от нас стипендию, – вспоминает Волина. – Она долго болела, и мы помогали ей чем могли: искали врачей, покупали лекарства. Мы и сейчас ей помогаем, так как иногда она нуждается в поддержке, хоть и работает. Она учится на втором курсе аспирантуры в консерватории.

Помимо Оли Шеховцовой фонд все эти годы оказывал поддержку Алексею Сергунину из Барнаула (юный композитор и пианист, лауреат всероссийских и международных конкурсов, третий курс Московской консерватории), Максиму Тимо-

ГАЛИНА ВОЛИНА

фееву из Новосибирска (будущий оперный певец, ученик профессора П. Калинина, лауреат многих конкурсов), Александре Стасюк из Рубцовска (пианистка, учится на пятом курсе РАМ им. Гнесиных, лауреат международных конкурсов)...

Несмотря на отсутствие рекламы, о фонде «Фарватер» знают многие родители талантливых детей из российских (и не только) городов. Так была «открыта» одаренная 6-летняя танцовщица Гоар Казарян, которой «Фарватер» выделял средства на оплату учебы в подготовительном классе балетной школы при Большом театре.

– Я пыталась добиться получения для родителей Гоар российского гражданства, но результат нулевой, – говорит Галина Адольфовна. – А с иностранных граждан, которые учатся в балетной школе при ГАБТ, берут довольно большую плату. В нынешнем году Гоар должна поступить в первый класс этой школы, но где взять денег на обучение? У фонда их пока нет. Надеюсь, к сентябрю мы сможем что-нибудь придумать. Ведь таких детей, как те, которым мы помогали, помо-

гаем и, я надеюсь, будем помогать, единицы. Это без преувеличения золотой фонд нации, это люди, которые уже сегодня представляют нашу страну на самых известных творческих площадках мира.

Над пропастью во лжи

О жизни самой Галины Волиной можно писать детективы.

– Я родилась в 1938 году, – рассказывает она. – После школы работала токарем на Московском заводе малолитражных автомобилей, потом поступила на вечернее отделение факультета журналистики в МГУ и стала работать в издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» – сначала курьером, а потом заведующей архивом, вышла замуж за поэта и публициста Володю Захарова (он заведовал литконсультацией журнала «Сельская молодежь») и стала помогать ему в написании рецензий на рукописи.

Одно из первых столкновений с властью у Галины Адольфовны случилось в 1968 году, когда она решила посвятить свою дипломную работу поздней лирике Александра Твардовского.

– В то время Твардовский еще возглавлял «Новый мир» – журнал, который был кумиром студенческой молодежи, – рассказывает Галина Волина. – Но многие уже понимали, что это ненадолго. В «Новом мире» тогда публиковали Солженицына, да и вообще балансировали на грани.

В результате в 70-м году Твардовского все же вынудили уйти из «Нового мира», а Галине Волиной не дали защитить написанный уже диплом. – Три года мне не давали защититься и получить диплом, – вспоминает Галина Адольфовна. – До тех пор, пока мой муж Володя Захаров не обратился к секретарю Московского отделения Союза писателей Феликсу Кузнецову, который имел авторитет в партийных структурах. Только после этого мне удалось защитить диплом и официально стать журналистом с высшим образованием.

О том, что случилось через год после защиты диплома, Галина Адольфовна до сих пор может говорить с трудом. 10 марта 1973 года, в тот день, когда Галина родила сына, третьего ребенка в семье, был зверски убит ее муж.

– Я лежала в роддоме, на похороны меня непустили, – говорит она. – Два года я занималась собственным расследованием и к 1975 году знала поименно всех убийц мужа. Благодаря помощи известной в то время журналистки и писательницы Ольги Чайковской было возбуждено уголовное дело по факту убийства. Мне же удалось выяснить следующее: 10 марта, узнав о рождении сына, Володя был, естественно, очень счастлив. Сначала пошел в ближайший магазин, где угощал посетителей вином, а потом отправился в ресторан. В этот момент в ресторане находилась местная власть: начальник управления внутренних дел Черемушкинского района со своим водителем, начальник ОБХСС, зампрокурора и директор магазина «Охотник». Все они дружили на почве совместной охоты. Чем-то он им не понравился, наверное, сказал какую-нибудь грубость: он терпеть не мог милиционеров и чиновников. В общем, они не дали ему выйти из ресторана. Посадили в машину и увезли в Черемушкинское управление внутренних дел, где страшно избили. А потом, естественно, решили посмотреть, кого бьют. Увидели удостоверение завотделом журнала ЦК ВЛКСМ «Сельская молодежь» и члена Литфонда, паспорт, профсоюзный билет... Поняли, что в живых его оставлять нельзя, чтобы самим не пострадать. Вывезли его в овраг возле ресторана и несколько раз ударили разводным ключом по голове. Следователи в деле менялись как в чехарде. До поры до времени я не сообщала в прокуратуру, что мне известны имена убийц. Мне хотелось завести их в тупик официальной лжи, а лгали они направо и налево. Но когда это преступление навесили на человека по фамилии Аношкин, который не имел к убийству мужа никакого отношения, я назвала имя начальника Черемушкинского управления внутренних дел, которого уже не было в живых: он погиб в 74-м году, когда против него самого велось закрытое уголовное дело по факту убийства Володи. (Мне поставил эти и другие сведения один из следователей – в обмен на факты, добытые мною в ходе собственного расследования.) Однако смерть ми-

лицейского начальника была представлена в печати чуть ли не героической, хотя я убеждена, что там всё подстроили – ведь за ним тянулся шлейф преступлений. Дикий факт: именем этого человека в 88-м году назвали одну из московских улиц... Так вот, когда я сообщила следствию имя убийцы номер один, а про остальных сказала, что они были его друзья-охотники, в городской прокуратуре запаниковали. И Аношкин, на кого навесили убийство мужа, был немедленно расстрелян. Но специально для меня следствие продолжало «вести допросы» расстрелянного Аношкина, о чем мне регулярно сообщали в течение девяти месяцев. Узнав в конце концов правду, я пришла на прием в Верховный Совет СССР. Принявший меня некто Колобов сурово посоветовал как можно скорее забыть о расстреле Аношкина, иначе у меня могут быть большие неприятности. Нашел чем удивить! В 1975 году меня пытались убить, спасибо хирургу Трегубову – спас. Потом пытались подкупить: позвонили из прокуратуры и сообщили, что у Аношкина нашли бумажник моего мужа с «крупной суммой денег крупными купюрами» и попросили прийти к ним на следующий день, чтобы опознать бумажник и получить деньги. Я знала, что никаких денег у моего мужа не было, удивилась, позвонила своей подруге и говорю: «Представляешь, нашли Володин бумажник, вот будет хохма, если это чужой кошелек, на Володином же есть забавная картинка, которую я ему сама нарисовала и про которую следователям не рассказывала». Мы посмеялись и вдруг слышим в трубке: «А прокуратуру обманывать нельзя!» Я не слишком удивилась – подозревала, что меня прослушивают. Убийц Володи Захарова я так и не сумела посадить на скамью подсудимых. Ольга Чайковская стала привлекать меня и к другим делам. Тогда я уже работала в журнале «Сельская молодежь», где раньше работал Володя, занимала его должность. Впрочем, моя правозащитная деятельность плохо для меня кончилась: был обыск, вызов в КГБ. От сотрудничества с ними я отказалась – и мне пришлось идти работать дворником. Я могла бы уехать, но... не смогла. Здесь мое всё.

С тех пор прошло почти сорок лет, жизнь круто изменилась. И я думаю, Володя был бы рад, увидев, каким хорошим делом занимаюсь я сегодня. Он бы одобрил.

Дом, в котором...

В конце разговора Галина Адольфовна призналась мне, что у нее есть мечта. Более шести лет благотворительный фонд «Фарватер» занят реализацией инвестиционного проекта «Дом одаренных детей», разработанного в 2004 году.

– Это должен быть дом в ближнем Подмосковье, в котором могли бы жить и учиться талантливые дети от 5 до 18 лет, – рассказывает Галина Волина. – В доме должны быть все условия для комфортного проживания: отдельные комнаты и даже квартиры, где при необходимости могли бы жить родители с малышами. Здесь будут классы, мастерские, студии, спортзал, бассейн и главное – театрально-концертный зал, в котором юные дарования давали бы концерты.

В проекте участвуют инвесторы. От чиновников получены все согласования. Осталось утвердить их в администрации Одинцовского района только одной подписью, после чего фонд сможет получить кадастровый паспорт. За эту подпись фонд воюет уже не первый год...

– История нашей борьбы с администрацией Одинцовского района и прочими «слугами народа» достойна пера Гоголя и Салтыкова-Щедрина, – смеется Галина Адольфовна, – но мы не собираемся сдаваться. Думаю, сегодня многие понимают, что этот проект может стать важным для России.

– Не устали бороться? – спрашиваю ее на прощание.

– Устала, – признается Галина Адольфовна. – Но я, несмотря ни на что, движима вечным любопытством к жизни «человеков» и желанием попробовать на зуб сюрпризы бытия. Потому и нарываюсь постоянно. И еще я свято верю, что люди когда-нибудь научатся жить интересно и красиво и переместят свои острейшие проблемы из области криминального соперничества с кровавыми разборками разных масштабов в область творчества и мирных познаний. Ради этого стоит и повоевать... ■

ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ МАРАФОН

**30Я
МОЗАЛЕВА**
ФОТО **АНТОНА
БЕРКАСОВА**

«ДВИЖЕНИЕ – ЭТО ЖИЗНЬ. ВОТ Я И ЖИВУ!» – ГОВОРИТ АЛЕКСАНДР СОЛОМАТИН. ТАКОГО КАВАЛЕРА, КАК АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ, НИ НА ОДНОЙ ДИСКОТЕКЕ НЕ СЫЩЕШЬ. НА РЕТРОВЕЧЕРАХ, ЧТО ПРОХОДЯТ В РЯЗАНСКОМ МУНИЦИПАЛЬНОМ КУЛЬТУРНОМ ЦЕНТРЕ КАЖДОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ, ОН ПЕРЕТАНЦОВЫВАЕТ ВСЕХ БАРЫШЕНЬ. ДАМЫ СДАЮТСЯ, ХОТЯ ВСЕ ЗНАЧИТЕЛЬНО МОЛОЖЕ ПАРТНЕРА – ЕМУ-ТО УЖЕ 94 ГОДА.

«**П**РИХОДИТСЯ ТАНЦЕВАТЬ с разными партнершами, – объясняет танцор, – одна не выдерживает...». Такой марафон, который устраивает Александр Петрович, действительно может выдержать не каждая. А он в свои годы танцует, не останавливаясь, пока звучит музыка. Да еще как танцует! Под любой ритм, будь то хоть рок-н-ролл, хоть вальс. На танцы он ходит регулярно на протяжении последних лет пятнадцати.

«Александр Петрович у нас ни одну встречу не пропускает, каждое воскресенье приходит, как на работу. Танцует он, пожалуй, больше всех, – рассказывает руководитель ретроклуба Надежда Суржик. – Те, кто помоложе, то и дело у колонны стоят, отдыхают, а его никогда не увидишь подпирющим стенку. То одну женщину подхватит, то другую, а иногда сразу по две, а то и по три кружит. Да еще всех конфетами угощает».

Коллеги по ретроклубу называют его «энерджайзером». Он и правда как заводной. Весь вечер, пока музыканты не прекратят играть, проводит на танцполе. Танцует, утирая со лба капельки пота, и

улыбается. У него даже улыбка светится какой-то лучистой энергией, а глаза у него лукаво-озорные, как у мальчишки. «Он очень добрый человек, потому, наверное, и живет так долго», – улыбается Надежда Суржик.

На Новый год Александр Соломатин – бессменный Дед Мороз. «Он у нас специально для этой миссии сшил костюм», – делится Надежда Суржик. «Да какой сшил! – смеется Александр Петрович. – Взял пижаму, к ней шапку купил, ну мешок сшил, в него загружаю килограмма два конфет, чтобы каждой девушке на танцах досталось – это все для потехи...». Так что на новогодний бал Александр Петрович неизменно приходит с большим мешком, угощает конфетами, всех веселит и, конечно, танцует... Настоящий Дед Мороз.

Военное везение

Александр Соломатин прошел всю Великую Отечественную. На вопрос, где пришлось служить, отвечает по-военному: «Служил там, куда посылали. Наше дело – исполнять приказ».

Родился он в далеком 1917-м в небольшой деревушке Верхняя Пурловка Серебряно-Прудского района Московской области. Многие изменилось с того времени. А тогда мальчик из Верхней Пурловки не подозревал, сколько всего ему придется пережить, он и предположить не мог, что по военным дорогам доведется дойти до Берлина...

В армию его забрали еще в 39-м, так что успел повоевать на финской войне – три месяца его боевой биографии посвящены Финской кампании. Александр Соломатин лишь начинал военную карьеру, только-только пошел учиться и не подозревал, сколько еще времени проведет в строю.

После армии его направили в Ярославское военно-хозяйственное училище. «Там я не столько учился, сколько занимался спортом, – улыбается Александр Петрович. – Участвовал во всевозможных соревнованиях. Наибольших успехов достиг в спортивной гимнастике и в лыжном спорте. Первые разряды были. Как лыжник даже в Москву на турнир ездил, может, и победу бы завоевал, если бы у напарника лыжи не сломались». О своей учебе Александр Петрович рассказывает весело, помнится ему только хорошее, а то, что обучение он оканчивал уже в военное время, опускает: о страшных годах он вообще говорить не любит.

После училища его ждал фронт. Направили в 128-ю стрелковую бригаду. Он хорошо помнит события того времени, но подробности рассказывает неохотно – героем себя не считает, а о войне говорит как о необходимой работе, которую каждый должен был исполнять добросовестно.

«Мне посчастливилось, – говорит Александр Петрович, – я не ходил в атаку. Бомбежки, конечно, переживал, но у меня служба была еще

АЛЕКСАНДР СОЛОМАТИН

более или менее, другим было намного тяжелее». О ранениях тоже говорит легко: «Ранило меня в ногу, но ничего, заштопали, и все зажило. – Быстрыми движениями Александр Соломатин показывает, как штопали ему ногу, и продолжает: – Разные ситуации бывали, многие ребята не вышли из-под тех бомбежек... А я вот легко отделался. Мне очень повезло, остался жив,

серьезных ранений не было. Видно, у каждого своя судьба».

Какое-то время Александр Соломатин служил заместителем командира штрафроты. Когда по одному из телеканалов шел фильм про штрафбат, он смотрел его с особым интересом: правдивую ли картину нарисуют в кино?

«В кино все показали иначе, – делится Соломатин. – В жизни все

было по-другому. Кормили там не хуже, чем всех солдат, никто не голодал, положенный паек выдавался вовремя. Обували, одевали тоже достойно, не хуже, чем в других частях. Даже сто граммов фронтowych были, как полагается. А если штрафник получал ранение – пусть даже самое незначительное – его восстанавливали в звании, возвращали погоны».

Велосипедист и пчеловод

Кем только не довелось служить Солломатину! Был инженером по снабжению, инженером по хлебопечению, даже поваром. Закончил войну Солломатин в Берлине в качестве замкомандира полка, а также замкомандира по политической части. Дойдя до Германии, Солломатин не оставил армию, продолжил службу и провел в Берлине еще четыре года после Победы – в частях, которые оставались на побежденной территории. За эти четыре года сменил пять воинских частей. Когда количество советских войск в Германии стали сокращать, он вернулся на родину, уволился из вооруженных сил, года два провел на гражданке, а потом вновь вернулся в войска – на этот раз железнодорожные. Служил в Свердловской области, но неожиданно возникла проблема: дочери не подходил местный климат, уральская погода плохо сказывалась на ее здоровье. Семья Солломатиных переехала в Рязань, где глава семейства продолжил службу в железнодорожной бригаде. Ну а после этого Александр Солломатин демобилизовался.

Успехи курсанта Солломатина в лыжном спорте сыграли свою роль – даже на пенсии он много времени проводил на лыжах. «Лыжи у меня всегда были на ходу, – поясняет Александр Петрович. – Только в последнее время тяжело стало...». И хотя от лыж в итоге пришлось отказаться, с велосипедом Александр Петрович по-прежнему не расстанется и на дачу, куда ездит регулярно, отправляется в основном на железном коне. Так что 94-летний велосипедист – в Рязани не экзотика... Собственно, вообще увидеть дачника столь почтенного возраста удастся далеко не каждому. На даче он бывает практически ежедневно, что неудивительно, ведь там у Александра Петровича есть подопечные – он держит пчел.

«В этом году пчел меньше – духу уже меньше стало, – подтрунивает над собой пчеловод. – Но пока держу все-таки, не могу от этого отказаться. Правда, на грядках уже не работаю. На танцах-то я шустрый, а вот внаклонку работать все-таки тяжело...».

Мед у Александра Солломатина чистейший – он все делает по правилам, соблюдая все нормы. «Сейчас продают сахарный, пичкают пчел сиропом, получается уже не мед, а суррогат. Это не дело, – уверен Александр Солломатин. – Мед должен быть медом». Что такое настоящий мед, хорошо знают все друзья и знакомые Александра Петровича: результаты своего труда и труда своих подшефных пчел он с удовольствием раздает, о том, чтобы продавать мед, никогда и не думал. Видно, для него самое главное – это делиться. Конфетами, медом, хорошим настроением, жизненной энергией... Ее у него и в 94 года недостаточно...

«Сейчас настоящая беда с молодым поколением, – переживает Александр Солломатин. – Столько ребят гибнет из-за наркотиков и алкоголя. Мы тоже выпивали, но ведь не так. После войны было тяжело, но столько народу, как сейчас, не погибало... Надо что-то делать с молодым поколением, чтобы потом нам не пришлось плакать». ❀

ИНАЯ ЖИЗНЬ

**ЛАДА
КЛОКОВА,
АЛЕКСАНДР
БУРЫЙ**
ФОТО
АЛЕКСАНДРА
БУРОГО

ВЕЧЕРОМ НА ПРЕОБРАЖЕНСКОМ ПОДВОРЬЕ ИВАНОВСКОГО СВЯТО-ВВЕДЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ ЦАРИЛ ПЕРЕПОЛОХ. КТО-ТО ИЗ МОНАХИНЬ ПОБЕЖАЛ ЗА АПТЕЧКОЙ, КТО-ТО ЗА МОЛОКОМ И КАРТОННОЙ КОРОБКОЙ, А КТО-ТО ПРИНЕС ВОРОХ ТРЯПЬЯ. ВЫЯСНИЛОСЬ, ЧТО НЕСКОЛЬКО МИНУТ НАЗАД НА ПОЛЕ БЫЛ ОБНАРУЖЕН ИЗРАНЕННЫЙ ЕЖИК.

НУЖНО БЫЛО ВИДЕТЬ, КАК сестры носились с несчастным ежом: зашили рану на боку, перевязали, уложили на чистую ветошь и вынесли на балкон келейного корпуса. Ежик беспокойно скребся в корб-

ке, а монахини каждые 15–20 минут навещали к пациенту, чтобы убедиться, что все в порядке. Часа через два в келью старшей сестры подворья матушки Ефросинии стучится счастливая монахиня: «Матушка! Ежик блюдце молока съел!»

Монахиня
Анастасия

Индюк, обиженно квохча, покидает поле боя...

...В полутемной церкви уже дрожат огоньки свечей. Матушка Ефросиния читает Псалтирь, схимницы перебирают четки, две монахини поют на маленьком клиросе у иконостаса. Одна из них – матушка Анастасия. Когда мы познакомились, она рассказывала нам о родной Украине, о том, как пришла в монастырь, как неверующие родители не понимали этого ее шага. «Мама говорила: ехала тебя навестить в монастырь и все думала, как же ты там живешь, там же, наверное, вокруг старушки одни, ну что тебе там делать? А когда приехала и увидела, сколько вокруг молодых, была поражена». Последние четыре года жизни мать монахини Анастасии, приняв постриг, а затем и великую схиму, провела в Свято-Введенском монастыре...

В обители нет людей с простыми судьбами. История каждого человека таит какой-нибудь неожиданный поворот. Кто-то был вполне успешным художником, кто-то занимался бизнесом, кто-то защищал докторскую диссертацию... А радушная и гостеприимная матушка Ефросиния раньше была католичкой, жила в Белоруссии, в 40 с небольшим приняла православие, а затем постриглась в монахини. Вечером в своей небольшой келье она учит нас есть огурцы с медом и угощает сочными грушами. Мы рассказываем о том, как не перестаем удивляться услышанным от сестер историям, а она кивает и спокойно подытоживает: «Сколько людей, столько и путей в Царствие Божие».

«Ну, вот и хорошо», – смеется матушка Ефросиния. Оставив ужин, идем на балкон проводить ежа. А вид-то отсюда какой! В сумерках на фоне темной зубчатой стены леса нежно белеет старая Преображенская церковь, закатное небо расцвело пурпурными облаками. Матушка Ефросиния улыбается: «Красота, правда? Вот и мы наглядеться не можем. Когда новенькие приходят в монастырь, сначала на подворье ехать не хотят. А после того, как побывают здесь, ни одной возможности приехать не упускают».

Повороты судьбы

...Подворье просыпается ранним утром, когда ночной туман сдается и медленно уползает в лес. Откуда-то доносится запах дыма. Из коровника выбегают две овчарки, лениво выходят коровы, подгоняемые монахинями. Кто-то из насельниц уже спешит в сад, кто-то возится в цветнике. А на огороде разыгрывается неожиданная баталия: огромный взъерошенный индюк напал на трудниц, которые, побросав тяпки, отступают в беспорядке. Но вот в сражение вступает пожилая монахиня, вооруженная граблями.

Старшая сестра
Преображенского
подворья монахиня
Ефросиния

– Матушка, а вы никогда не жалели, что пришли в монастырь?

– Нет. Сожаления никогда не чувствовала. Знаете, порой разные мысли приходят в голову, мы же тут – не святые. Но сожаления – нет. Для меня важнее всего – быть в монастыре, молиться за мир, за родственников...

Летописец и гимнограф

Рядом с монахиней Евстолией, даже когда она просто молчит, чувствуешь себя светло и умиротворенно. Мягкий взгляд глубоких карих глаз, тихий голос, четкие черты бледного лица, которое так и хочется назвать иконописным. Но что-то удерживает от такой «вольности». Ясно, что ей бы это не понравилось.

Мы все еще умещаемся в маленькой келье матушки Евстолии. Монахиня включает старенький компьютер: «Послушайте, какие удивительно точные, современные мысли! А ведь написано в 30-е годы, во время Великой депрессии». Пока Евстолия заваривает душистый травяной чай, в келье звучат слова святителя Николая Сербского: «Кризис» – слово греческое, в переводе оно означает «суд»... Прежде европейцы, если постигало их какое-то несчастье, употребляли

Монахиня
Евстолия

Преображенское
подворье

слово «суд» вместо слова «кризис»... Наступала засуха, говорили: «суд Божий!», наводнение – «суд Божий!»... И на теперешнюю финансово-экономическую катастрофу народ смотрит как на суд Божий, но называет ее не «судом», а «кризисом»... Ты спрашиваешь о причине настоящего кризиса, или суда Божьего? Причина всегда одна. Причина всех засух, наводнений, эпидемий и других бед та же, что и нынешнего кризиса, – богоотступничество».

...За чаем матушка Евстолия рассказывает, что она из семьи художников, с детства думала о монашестве, с 15 лет пела на клиросе в церкви. Одним из первых ее послушаний в обители была обязанность вести летопись монастыря. «Когда батюшка благословил на это послушание, я хотела поехать в те монастыри, где сохранились архивы, понять, как это нужно делать. Но отец Амвросий сказал: пиши как получишься. Я стала вести хронику в форме дневниковых записей. Но писала не день за днем, а описывала яркие, важные события. В начале 90-х церковь только получила свободу после гонений, была массовая волна ревности и любви к Господу. И в мона-

стыре нашем царило воодушевление, притом что никаких бытовых условий не было: спали на полу, мыши бегали, мы ели что Господь пошлет. Но радость была – через край! Поэтому, наверное, летопись складывалась так естественно. Это были живые впечатления жизни. Вот привезли колокол, первый раз ударили... Вот первая Пасхальная служба, море свечей вокруг храма, под небом Иваново свободно звучит «Христос воскрес!».

Монахиня говорит как по писаному, слушать ее – одно удовольствие: в ее речи нет слов-паразитов и протяжных «э-э-э» или «а-а-а», характерных для современных людей. Впрочем, это не удивительно. Ведь Евстолия – гимнограф, то есть автор и редактор литургических текстов, входящих в богослужебные книги. «Все началось с любви к новомученикам и работы по сбору по крупницам свидетельств об их житиях. У меня появилось желание прославить их словесно, – рассказывает монахиня. – Когда в нашей епархии возникла необходимость составления службы собора ивановских святых, прежний владыка благословил меня на это. Я взялась за труд со стра-

хом и трепетом. Но составила. Специалисты посмотрели, кое-что поправили и сказали, что сделано все достаточно грамотно. Понимая, что мне необходимы знания, я поступила в Свято-Тихоновский университет, отучилась пять лет. Правда, диплом по состоянию здоровья не защищала. А не так давно к нам в монастырь приехал сотрудник Российской государственной библиотеки, инициатор грандиозного проекта «Литургическое наследие православной церкви». Он ездит по монастырям, собирает тексты, специалистов по истории богослужения, филологов, музыкантов. Это колоссальная работа. Цель ее – издать максимально полный круг богослужебных миней. Я рада, что участвую в этой работе как гимнограф».

...Когда мы, попрощавшись, уходили из кельи, монахиня Евстолия снова включила компьютер и устроилась за ним с толстым потрепанным томом в руках...

Схимонахиня
Акилина

Романовский
скит

Схимница

– Садитесь-садитесь, почувствуйте себя как дома! – Матушка Акилина разгадала наше смущение: мы не ожидали, что монахиня, принявшая великую схиму, согласится с нами поговорить. Неловко извиняемся: мы ведь, наверное, оторвали ее от молитвы. «Ничего, родненькие мои, – улыбается матушка Акилина, – исповедуюсь и отмолю грех». В скромной келье в глаза бросается старая потемневшая икона: лишь по еле заметным очертаниям силуэта можно понять, что это – образ Богородицы. «Эту икону кто-то оставил в нашем храме на окне, – поясняет схимница. – Я ее забрала, сняла оклад, почистила и принесла в келью. И все время ей говорю: Матерь Божия, я теперь Тебя никому не отдам».

Матушке Акилине 83 года. Это сухонькая, стройная старушка с добрейшими глазами и натруженными руками. Монашеский постриг матушка Акилина приняла шест-

надцать лет назад, а великую схиму – пять лет назад. Она рассказывает, как тяжело болела в миру после травмы на работе, как трудно лечилась, как встретила с отцом Амвросием и приняла решение прийти в монастырь. Вспоминает, как непросто было отстраивать Преображенское подворье: все было замусорено, в церкви находился склад удобрений, все начинали с нуля. Матушка Акилина несла послушание в коровнике, была привратницей, собирала ягоды и травы для лекарств и монастырского чая. У нее в келье и сейчас сушатся букетики лесных и полевых трав.

– Что я приобрела в миру? – рассуждает она. – Болезни? А здесь я спасаюсь. Жалею лишь о том, что сейчас у меня нет сил, чтобы трудиться по-прежнему, а мне очень хочется сестрам помогать. Я молюсь, обхожу обитель крестным ходом с молитвами. Еще я всегда всех прошу: родненькие, трудитесь, любите, цените и уважайте друг друга.

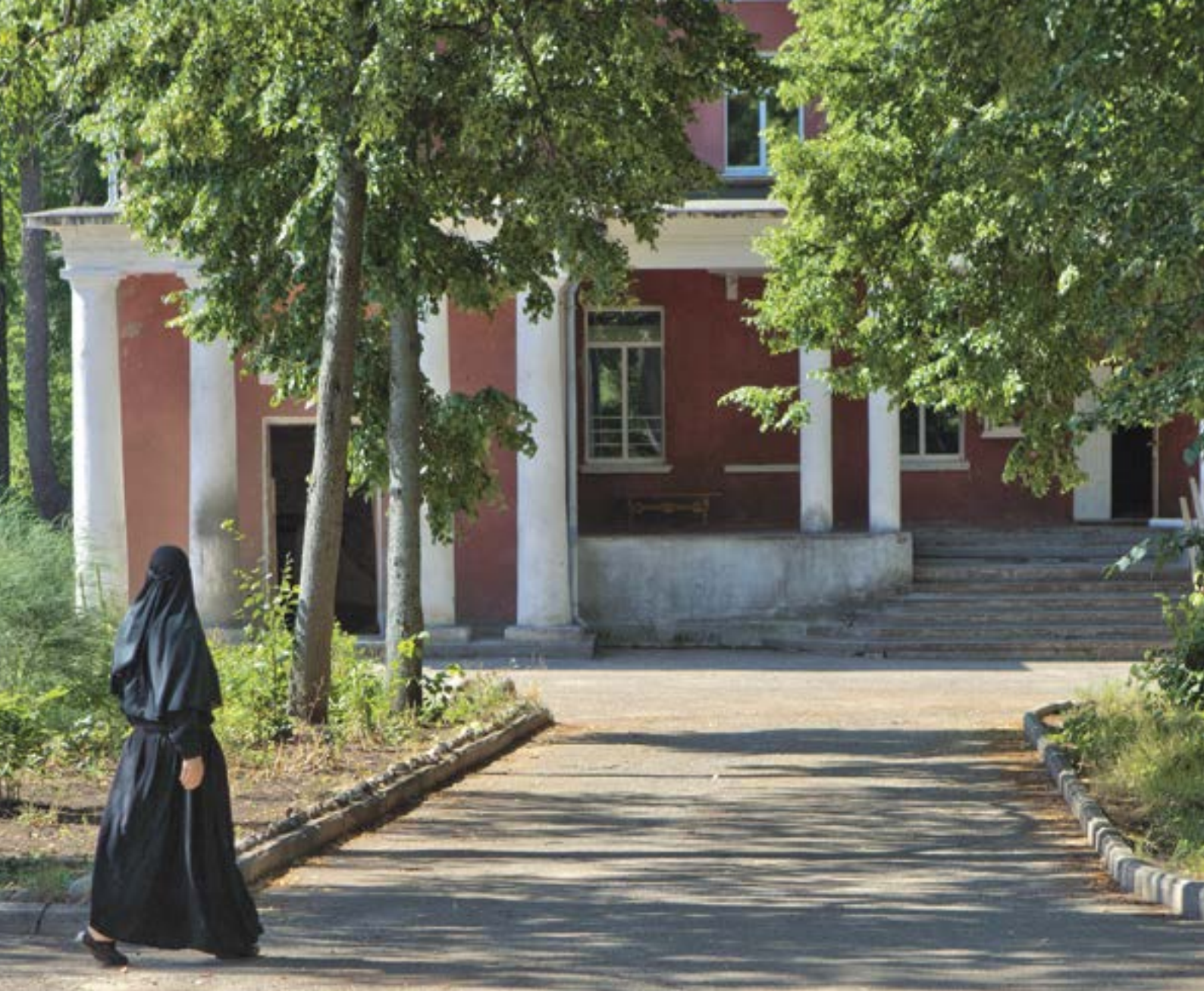
– Матушка, как вам удается сохранять такое позитивное отношение ко всему вокруг?

– Мне кажется, надо помнить о благодарности. Надо благодарить за все. Каждый день. Вот видите, дождь идет? Разве можно из-за этого расстраиваться? Ведь после дождя землю хорошо обрабатывать, она становится пушистой, теплой. Или вот зимой, смотришь в окно – снег падает. И снежинки такие красивые, и каждая на другую не похожа. И думаешь: Господи, спасибо Тебе, как же ты все красиво и правильно устроил. Такая красота, такая милость, и все – для нас. А мы часто этого не замечаем, проходим мимо...

Романовский скит

– А у нас тут свое море есть! – Послушница Марина хитро улыбается. – Хотите посмотреть?

Сбитые с толку, идем за Мариной, гадая: что за море такое? Прямо за огородами Романовского подворья Свято-Введенского монастыря (вообще-то

Послушание инокини
Ирины – работа
на скотном дворе

оно – Покровское, но все зовут его Романовским, поскольку расположено оно в бывшей усадьбе, пожалованной Алексеем Михайловичем Романовым помещикам Блудовым еще в XVII веке. – **Прим. авт.)** раскинулось огромное темно-синее... поле. Порыв ветра – и по полю-мору пошли гулять прихотливые волны. Мы молчим, ошалев от неожиданной красоты, а довольная произведенным эффектом Марина смеется и объясняет: «Это медоносная фацелия. Вот, целое поле ею засеяли, для пчел».

...От ворот подворья к домовому храму ведет тенистая аллея. Старые липы тихо перешептываются, ветер покачивает скрипучие качели, осторожно перебирает колокола на крыше храма. За церковью прячется колодец с журавлем, мимо него вниз, к речке, бежит песчаная дорожка.

Слева – монастырские огороды: меж грядок видны апостольники и косынки насельниц. Из личного опыта нам известно: стоит только появиться рядом с огородом, как монахини и послушницы начинают

угощать огурцами, смородиной, малиной... Вот, пожалуйста: едва мы подошли поздороваться, инокиня Татьяна уже протягивает огурцы и улыбается: «Попробуйте! Только что сорвала, они свежие-свежие!»

МОНАСТЫРЬ

...На кухне Романовского подворья правит матушка Павлина. И хотя трапезничают на подворье только раз в день, готовить ей приходится много: здесь больше 30 насельниц, да еще трудники, да паломники... В миру она работала врачом-отоларингологом в Иваново, и иногда ей приходится вспоминать о своей мирской профессии: в монастыре ведь тоже болеют. Привычно шинкуя морковь, лук и капусту для постных щей, матушка Павлина рассказывает, что раньше на месте подворья были сплошные развалины, от домово́й церкви остался лишь фундамент. Говорит, что по городу не скучает, на подворье – спокойнее. «И природа здесь – загляденье». – Монахиня мечтательно смотрит в окно. Между тем в огромной кастрюле уже булькает вода. Мы удивляемся: как же она одна с такими кастрюлями управляет? «Я Марину зову, она мне помогает», – отправляя в кипятильник горки нарезанных овощей, поясняет монахиня.

«Мать Павлина! Масло для салата давай!» – Голос доносится будто из-под земли, мы вздрагиваем от неожиданности и оглядываемся. Никого нет! «А вот и Марина!» – смеется матушка Павлина. Оказывается, трапезная расположена прямо под кухней, и монахини, чтобы постоянно не бегать с этажа на этаж за каждой мелочью, приспособили для «голосовых сообщений» шахту кухонного лифта. Технология, однако...

У каждого – свой путь

Старшая сестра Романовского подворья матушка София отмахивается: «Да не люблю я фотографироваться». В миру она работала инженером-программистом в Москве, возглавляла лабораторию в научно-исследовательском центре вычислительной техники. До того как прийти в обитель, десять лет, как она выражается, «находилась под крылом у отца Амвросия», а также помогала отцу Дамаскину (Орловскому) собирать материалы о новомучениках. «У меня заболела мама, я ухаживала за ней, а после того, как она умерла, я поняла, что больше не хочу возвращаться на прежнюю работу. Приехала к батюшке посоветоваться, а он мне сказал: иди работать в храм. Я уволилась из института и

Инокеня
Татьяна

пошла уборщицей в храм Святого Николая в Кузнецях. Мои бывшие подчиненные туда приходили, чтобы на меня посмотреть, звонили мне, все никак не могли поверить, что я больше не вернусь в лабораторию», – вспоминает матушка София. – В первые годы, когда я пришла в монастырь, долго не могла понять, куда я попала. В Москве-то я жила другой жизнью, – продолжает старшая сестра. – В монастыре в Иваново, где я прожила пятнадцать лет, первое мое послушание было на кухне. И я не понимала: ну как так? Я таким интересным делом в миру занималась, отцу Дамаскину помогала, а тут – на кухне! Начались искушения: нужно было гордыню переломить. Потом меня на просфорню поставили. Потом отец Амвросий поручил опекать новую послушницу. И постепенно начало приходить понимание, зачем все это, зачем я здесь. Только лет через пять я поняла, как надо жить в монастыре.

– И как надо жить в монастыре?

– А не скажу! У каждого свои откровения по этой части. И вот только-только я успокоилась, и тут –

раз! – четыре года назад меня отравили сюда. Я не хотела ехать на подворье, да еще старшей сестрой! В первый год здесь я грустила и думала: когда же это все кончится? Но потихоньку стала включаться в работу. А в прошлом году я вдруг поняла, как замечательно работать на огороде. Мне так понравилось! Во-первых, земля живая, во-вторых, результат всегда виден, в-третьих, мы все вместе. Это очень приятно, когда мы вместе. Вообще, сестры очень любят общие послушания – капусту солить, огурцы, рыбу чистить... Потому что мы вместе читаем молитву, чувствуем единство. Говорят, так во всех монастырях во все века было.

– Теперь вы больше не думаете, «когда это все кончится»?

– Уже не думаю, но только начинаю понимать, что это послушание очень ценно для моей души. Ведь здесь все мои недостатки сразу видны. Я – человек обыкновенный, со своими слабостями, немощами, со своей слепотой духовной, иногда и по страсти действуешь, иногда по глупости, иногда по усталости. Сестрам бывает со мной нелегко. И мне с ними – тоже.

Монахиня
Михаила

В монастырях ведь так все духовно устроено, что люди в них постоянно находятся в трудной, может быть, даже экстремальной духовной ситуации. Спрятаться невозможно. И это самое ценное: ты видишь себя подлинную. Понимаешь свои недостатки. Видишь, как тебе трудно дается самое простое – перетерпеть, промолчать, улыбнуться. Вся ценность моего послушания здесь именно в этом, потому что я ярко начинаю видеть, что во мне кипит. А с другой стороны, когда начинаешь понимать, как трудно исправлять свои недостатки, становишься гораздо снисходительнее к недостаткам других...

Фрагменты

...Дождь в Иваново лил как из ведра. Вместе с монахиней Феофилой мы укрылись от него под крышей крыльца керамической мастерской. В ворота монастыря входит пожилой мужчина с палочкой и, прихрамывая, спешит на службу в «Красную церковь». «Надо же, ливень какой! Ну, это надолго – вон как тучи небо заволкли», – с тоской ноем мы. Монахиня Феофила подставляет ладонь под ко-

Старшая сестра
Романовского
скита монахиня
София

Рассвет
над Свято-
Введенским
монастырем
в Иваново

тые струи дождя, улыбается каким-то своим мыслям и говорит: «Зато иконописцам цветник поливать сегодня не нужно». А нам-то и в голову не пришло, что монахиням Рахили и Христине – одной заботой меньше...

...На Преображенском подворье матушка Михаила, которая стеснялась фотографироваться и все норовила рассказать не о себе, а о саде, которым занимается, постоянно одаривала то яблоками, то миской земляники. Попытки же вернуть ей миску заканчивались тем, что мы уходили с той же тарелкой, полной, к примеру, душистой малины.

...Из коровника, где хозяйничают монахиня Надежда и инокиня Ирина (они – мать и дочь, в ивановском монастыре это вообще не редкость. – **Прим. авт.**), нас не выпустили без банки парного молока.

...Внучка матушки Ефросинии, 10-летняя Настя, забравшись на колокольню, лихо звонит в колокола, демонстрируя по нашей просьбе свое умение. К Преображенской церкви спешат насельницы, удивляясь: и почему так рано звонят к службе? Мы бросаемся извиняться и объясняться. В ответ – улыбки, ни одна из них не отругала нас.

...Помогая матушке Анастасии на огороде, мы вовсе не ждали, что перед отъездом она вручит нам банку с малосольными огурчиками. «Собирали? Собирали. Вот и попробуйте», – сказала она в ответ на наши возражения...

Первые шаги

...Когда в разговорах с монахинями мы говорили «уходят в монастырь», они нас терпеливо поправляли: «в монастырь не уходят, а приходят». Когда мы расспрашивали о том, как они чувствуют себя за стенами монастыря, в обычной жизни, многие из них честно отвечали: не слишком уютно. Они нередко сталкиваются с неоднозначной реакцией окружающих, которая чаще всего их не слишком радует.

С каждым днем нашего общения в монастыре становился все очевиднее простой факт: те, кто живут в монастыре, и те, кто живут в миру, несмотря на всю свою схожесть, все-таки существуют на разных волнах. Увы, сравнение не в нашу пользу. Ну, хотя бы потому, что монашествующие гораздо более искренни, совестливы, ненавязчивы, отзывчивы и, признавая свою неправоту, всег-

да готовы просить прощение. Во всех этих отношениях большинству из нас до них слишком далеко.

Конечно, не стоит идеализировать ситуацию. В любом монастыре наверняка хватает проблем и спорных вопросов. Так же, впрочем, как хватает их в церкви в целом. И сегодня число тех, кто критикует монашество – со знанием дела или вовсе без того, – явно перевешивает число тех, кто его защищает. Можно долго рассуждать на эту тему, приводя доводы за и против, только это ничего не добавит ко всему уже сказанному в словесных баталиях по этому вопросу. Утешает только одно: интерес к делам монашеским и накал страстей в спорах о них свидетельствует о том, что всем нам подобные вопросы небезразличны.

Но стоит ли забывать главное? Наши российские монастыри – только в начале пути, они только возрождаются после долгих лет запретов и забвения, пытаются восстановить те традиции, которые были практически полностью утрачены в России в XX веке. ❧

Окончание. Начало см. в №7 и 8.